

ЕВРОПЕЙЦЕВА
АЛЕКСАНДРА

*Наследие
Дельрини*

Европейцева Александра

Наследие Дельрини

«Литнет»

2026

Александра Е.

Наследие Дельрини / Е. Александра — «Литнет», 2026

Они были идеальной командой: генерал-дракон и Тень — шпионка, стоящая целой армии. Она восхищала его своим умом и храбростью. Он был единственным, кому она доверяла. Расследуя убийство высокопоставленного чиновника и кражу магических артефактов, Калаэн Глортейн выходит на след, ведущий к заводам герцогини Дельрини. И жизнь снова сталкивает их вместе. В самый разгар расследования выходит скандальная газетная статья, связавшая её с ним. Чтобы спасти репутацию семьи и свой бизнес, Аса вынуждена заключить фиктивный брак мужчиной, которого предпочла бы больше не видеть... и которого до сих пор влечет к ней. Калаэн же думает, что получил шанс на семью, о которой всегда мечтал. Но чем ближе он подбирается к Асе, тем яснее понимает: стена между ними — это не просто обида. Это тайна, способная уничтожить их обоих. Теперь, чтобы найти убийцу и спасти свою новообетенную семью, ему придется не только распутать клубок коррупции и лжи, но и заслужить прощение женщины, чью жизнь он разрушил, даже не подозревая об этом. Ведь иногда, чтобы обрести любовь, нужно сначала пережить правду. Это вторая часть дилогии. Ссылка на первую книгу - --Бонусные главы здесь -

© Александра Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Молодые лейтенанты	7
Глава 2. Плен	14
Глава 3. Храм и пепел	22
Глава 4. Шанс и месть.	31
Глава 5. Просто Аса	39
Глава 6. Ночь над Фортом	49
Глава 7. Утро без тени	57
Глава 8. Государственный заказ.	67
Глава 9. Семейный совет	74
Глава 10. Тело в цеху	83
Визуалы (кому не нравится, может не смотреть)	93
Глава 11. Королевское решение	94
Глава 12. Начальник безопасности	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Пролог

Она видела, как его тащили на плаху, как обычного разбойника. Он упирался, кричал, дергался, но стражи держали крепко.

С балкона, залитого утренним солнцем, фигура Жамера Саладью казалась маленькой и жалкой. Игрушечный человечек, который так хотел стать вершителем судеб. Аса смотрела на него без единой эмоции на лице. Внутри было пусто. Ни триумфа, ни боли, ни облегчения. Только тишина, холодная и глубокая, как горное озеро.

Рядом, в двух шагах от нее, стоял король. Он не смотрел на неё, но Аса чувствовала его присутствие, как чувствуют приближение грозы — кожей, затылком, каждой клеточкой напряженного тела. Его величество пожелал, чтобы она присутствовала при казни человека, который когда-то предал ее семью. «Зрелище, достойное вашей истории», — сказал он, и в его глазах блеснуло что-то, чего она не смогла прочесть. Любопытство? Уважение? Или просто холодная, королевская расчетливость?

Жамер споткнулся о булыжник, и стражи рванули его вверх, едва не вывихнув плечи. Его крик — визгливый, полный животного ужаса — долетел до балкона обрывком ветра.

Она вспомнила, как когда-то сама кричала так же. В подвалах Фернуха, когда мекеши учили её повиноваться. Помнила мать, лежащую на снегу, а он под ней окрашивался в бордовый цвет. Помнила крик отца: «Аса, Тайми, бегите!». Помнила холод сугробов, в которые она проваливалась, тянув за собой плачущую сестру. Помнила сильные руки мекеша, схватившего их, запах коня, а потом отца — сильного, веселого, с вечно взлохмаченными волосами, — лежащим ничком на окровавленном снегу.

Это последнее, что она о нем помнила.

Жамер Саладью заказал эту смерть. Своей племянницы, Иманы. Ее матери. Своей крови. Потому что ему нужны были деньги, а наследство старшей ветви рода стояло у него на пути.

Он не просто украл у неё семью. Он раздавил её детство, её веру в людей, её право на безопасность. Всё, что случилось потом — рабство, Фернух, мекеши, потеря голоса, годы борьбы за выживание — всё это имело одну-единственную точку отсчета. Эту. Жамера, ставящего подпись под заказом на смерть.

Платой за которую стали они с Тайми.

Аса видела всё это, глядя на дергающегося на плахе Жамера.

Она видела, как Таймила — маленькая, испуганная, тянущая к ней ручонки — проходила через те же пытки. Как росла, не зная другой жизни, кроме клетки и боли. Как потом, спустя годы, полюбила мужчину, предавшего их. И родила Наллу.

И как умерла. Как Аса держала её за руку, когда та уходила. Таймила шептала одними губами: «Сбереги её».

Аса сберегла. Отдала ей всю любовь, которую копила для погибших — для матери, для отца, для сестры. Налла стала её светом, её причиной жить дальше, когда, казалось, жизнь уже кончилась.

“Ты убил их всех, Жамер, — думала Аса, глядя, как палач примеряется к шее приговоренного. — Маму. Папу. Таймилу. Ты отнял у меня детство, свободу, голос. Ты продал нас чудовищу. Теперь пришла моя очередь забрать твою жизнь.”

Король чуть повернул голову. Она краем глаза уловила это движение, но не повела и бровью. Пусть смотрит. Пусть видит ту, кого не сломали. Она стояла прямо, как копье, её темные волосы были убраны в строгую прическу, ни одной выбившейся пряди. Черное платье и единственное украшение — брошь с волчьей головой, подарок детей.

Внизу палач уже ждал. Массивная фигура в черном балахоне, с топором, тяжело лежащим на плахе. Толпа, собравшаяся на площади, гудела, но сдержанно, придавленная присутствием королевской стражи и самого монарха.

Аса смотрела, как Жамера ставят на колени. Как его плечи трясутся. Как он поднимает голову, ища взглядом спасителя, и находит только насмешливое небо и каменные лица стражей.

“Ты думал, я буду просить за тебя?” — мысль пришла и ушла, не оставив следа.

Когда-то, очень давно, в другой жизни, она поклялась себе, что увидит этот день. Что тот, кто предал её память о родителях, кто продал её, обескровленную и сломленную, Фернуху, заплатит. Эта клятва грела её в самые темные ночи, когда боль от заклęcia сворачивала её в узел, когда страх за детей сжимал горло, когда Калаэн смотрел на неё, не узнавая.

А теперь клятва исполнилась. Жамер Саладью умрет. А она стоит на балконе рядом с королем, и внутри — только тишина.

Палач поднял топор.

Аса не отвела взгляда.

Король снова посмотрел на неё уже открыто, изучающе. Она почувствовала этот взгляд, как тяжесть на плечах, но не обернулась. Она смотрела, как падает топор. Как тело Жамера дергается в последней, бессмысленной судороге. Как кровь, яркая и густая, заливает щепы плахи.

В толпе ахнули, но тут же стихли.

В ушах Асы зашумело от странного, незнакомого чувства. Свобода? Нет. Не свобода. Свобода была у неё уже давно, с того самого дня, когда она освободилась от заклęcia Фернуха. Сама. Нет, это было что-то другое. Окончание. Точка в длинной, бесконечной главе, написанной кровью и болью.

Вот и все, папа. Вот и все, мама. Ваша дочь отомстила.

Она наконец перевела взгляд на короля.

Его величество смотрел на неё с вежливым, ничего не выражающим интересом. Он ждал. Ждал слез, или улыбки, или хотя бы вздоха облегчения.

Аса лишь слегка склонила голову в легком, церемонном поклоне. Её пальцы, скрытые в складках платья, едва заметно дернулись, но она подавила этот жест. Королю не нужно знать, что она думает. Королю не нужно знать, что она чувствует.

Она сама не знала, что чувствует.

Внизу палачи уже уносили тело. Толпа начала расходиться, обсуждая увиденное шепотом. Солнце поднялось выше, заливая площадь золотом.

Аса стояла на балконе, и впервые за очень долгое время ей показалось, что воздух, наконец, перестал пахнуть пеплом.

Глава 1. Молодые лейтенанты

Солнце клонилось к закату, заливая кабинет начальника столичного гарнизона косыми золотистыми лучами. Пылинки танцевали в этих лучах над огромным столом, заваленном стопками донесений, картами и отчётами. Генерал Калаэн Глортейн, откинувшись в кожаном кресле, устало потёр переносицу.

Бумажная работа, которую он искренне ненавидел, казалась сегодня особенно удушающей. Хотелось на свежий воздух, в седло, прочь от этой духоты. И, словно отвечая на его молчаливое желание, в дверь коротко стукнули.

— Войдите.

Дверь распахнулась, и на пороге возник его помощник, майор Вирл. Подтянутый, всегда безупречно выбритый, с папкой в руках, он являл собой образец идеального адъютанта.

— Господин генерал, — Вирл шёлкнул каблуками. — Прошу прощения, что отвлекаю. Список кандидатов в эскорт для поездки в Вайсфель готов.

Калаэн кивнул, жестом приглашая его подойти. Вирл положил на стол раскрытую папку и замер в ожидании.

— Гелатр, — задумчиво проговорил Калаэн, пробегая глаза по верхней странице. — Молодой герцог хочет показать, что с ним теперь нужно считаться. Обычная история для новых правителей. Надеюсь, недельной инспекции хватит, чтобы охладить горячие головы по обе стороны границы и предотвратить большую кровь.

— Так точно, господин генерал. Пограничные стычки пока лишь следствие неразберихи, но риск эскалации, к сожалению, существует.

— Вот именно. Покажем флаг, проведём учения, и, если повезёт, вернёмся в столицу до того, как здесь начнётся новый виток светской шумихи, — Калаэн усмехнулся собственным мыслям и углубился в изучение списка.

Вирл, прекрасно знавший привычки начальника, терпеливо ждал. Калаэн быстро просматривал имена, фамилии, звания. Всё стандартно: проверенные офицеры, отличившиеся в прошлых кампаниях. Но потом его взгляд остановился на двух строчках, выделенных, как он заметил, лёгким пометкам карандашом, сделанными рукой Вирла.

— Лейтенанты Эдвин и Роуден Дельрини, — вслух прочитал Калаэн. — Двадцати лет. Перевод с южной заставы месяц назад.

— Именно так, господин генерал, — с готовностью откликнулся Вирл.

— И чем же они заслужили место в моём эскорте? — Калаэн поднял на помощника насмешливый взгляд. — Здесь достаточно заслуженных ветеранов.

— Осмелюсь обратить ваше внимание на их досье, — Вирл указал на папку. — Образцовое. За год службы на южной границе проявили себя блестяще. Участвовали в ликвидации трёх крупных банд, перекрывавших торговые пути. Причём действовали не только храбро, но и с нестандартной тактикой. Командир южной заставы в своих рапортах особо отмечает их умение мыслить нестандартно и способность брать на себя ответственность в критической ситуации. Есть только одно но. Они незаконнорожденные.

Калаэн снова взглянул на имена. Дельрини. Фамилия была ему знакома, хотя он и не мог сразу припомнить, откуда.

— Герцоги Дельрини? — спросил он скорее риторически, пролистывая досье.

— Так точно, господин генерал. Титул герцогам достался по материнской линии. — Вирл запнулся, — герцогиня Дельрини. Весьма известная особа в столице. Но в высшем свете появляется редко, живёт довольно замкнуто.

Калаэн кивнул. Он слышал это имя в контексте деловых кругов, но никогда не сталкивался лично. Впрочем, его больше интересовали профессиональные качества офицеров, чем их родословная.

— Прекрасно воспитаны, образованы, — продолжил Вирл, словно читая его мысли. — Помимо военного дела, имеют глубокие познания в магии, истории, математике, стратегии. Рекомендации отличные.

— Звучит многообещающе, — согласился Калаэн, делая пометку в списке. — Такие люди в армии нужны. А то, что они незаконнорожденные... — он пожал плечами, — в армии это не имеет значения. Только для пересудов в светских салонах.

— Именно так, господин генерал, — сдержанно согласился Вирл. Однако в его бесстрастном тоне Калаэну почудилась едва уловимая нотка... напряжения? Или он просто устал и ему мерещится.

— Что-то не так, майор? — прямо спросил Калаэн.

— Никак нет, господин генерал. Просто... — Вирл на мгновение замаялся. — Их происхождение — предмет некоторых сплетен. Но, как вы справедливо заметили, это не имеет отношения к службе.

Калаэн усмехнулся. Сплетни. Вечный двигатель столичной жизни.

— Тогда решено. Включите лейтенантов Дельрини в окончательный список. Пусть готовятся. Выезжаем через три дня. И распорядитесь, чтобы мне подготовили подробную сводку по последним инцидентам на границе.

— Слушаюсь, господин генерал.

Вирл щёлкнул каблуками, забрал папку и вышел из кабинета так же бесшумно, как и вошёл.

Калаэн откинулся в кресле и посмотрел в окно на догорающий закат. Через три дня он будет уже далеко от этой духоты, от бесконечных приёмов и донесений. В форте Вайсфель пахнет порохом, кожей и свободой. А ещё там будет возможность присмотреться к двум молодым лейтенантам с такой противоречивой репутацией.

Дельрини, Дельрини... Что-то было в этой фамилии неуловимо знакомое. Какая-то давняя, полузабытая история, связанная не только с их королевством. Но сколько он ни пытался ухватить ускользающую мысль, она растворялась, как дым.

Калаэн покачал головой, отгоняя странное чувство. Просто усталость. Три дня — и всё встанет на свои места. Он снова взял в руки перо, возвращаясь к оставленным отчётам, но в глубине души занозой въелось предчувствие, что эта поездка окажется куда более важной, чем простая инспекция на границе.

* * *

Утро выдалось морозным и ясным. Дыхание стыло в воздухе, оседая инеем на конских мордах и стальных нагрудниках. Плац перед столичными казармами «Северный бастион» замер в напряжённой тишине. Два десятка всадников — лучшие из лучших, отобранные для сопровождения самого генерала Глортейна в инспекционную поездку, — застыли в сёдлах, образуя идеально ровные шеренги.

Калаэн появился на крыльце штаба ровно в семь. При виде генерала, спускающегося по ступеням в своём парадном мундире, длинный тёмный плащ развевается за плечами, строй замер ещё напряжённее. Он неспешно прошёл вдоль шеренг, вглядываясь в лица. Каждое — знакомое, проверенное. Ветераны прошлых кампаний, надёжные офицеры, составлявшие костяк его эскорта уже не раз.

Вирл следовал чуть поодаль, держа в руках итоговый список.

— Восемнадцать человек, господин генерал, включая обозных. Старший эскорта — капитан Торвальд.

Калаэн кивнул, дойдя до конца первой шеренги и разворачиваясь ко второй. И тут его взгляд споткнулся.

Двое. В самом конце строя, почти у коновязи. Молодые, подтянутые, в идеально подогнанной форме. Сразу видно, что новички. Слишком свежие лица для этого эскорта, слишком юные.

Первый — темноволосый, с серо-голубыми глазами и спокойным, почти отрешённым выражением лица. Он стоял неподвижно, как статуя, и лишь взгляд его чуть заметно скользил по плацу, отмечая каждую мелочь. В нём чувствовалась та особая, внутренняя собранность, которая бывает у прирождённых стратегов. Калаэн одобрительно хмыкнул про себя. Такие офицеры — редкость.

И второй.

Калаэн перевёл взгляд и... замер на мгновение дольше, чем следовало.

Тоже темноволосый, но черты лица чуть мягче. А главное — от него тянуло тем особенным, едва уловимым фоном, который Калаэн научился распознавать за восемь десятков лет. Перевертыш.

Драконье чутьё не обманывало. Люди этого не почувствовали бы никогда, но для него это было так же очевидно, как цвет формы. Калаэн мысленно пробежался по списку перевертышей в армии. Их было немного и он знал их всех до единого. Медведи, орлы, сокол даже одна рысь. Он помнил их имена, лица и способности. Дельрины там не значилось. Странно. Обычно перевертыши регистрируются. Это дает привилегии — повышенное жалование, отдельные казармы, особый статус. Но спрашивать или как-то обозначать это он, разумеется, не стал. Не его дело. Мало ли кто предпочитает не афишировать свою природу. Регистрация перевертышей дело добровольное, и лейтенант не нарушил ни одного закона, не зарегистрировавшись.

Он скользнул взглядом по второму брату. Пусто. Обычный человек. Тоже темноволосый, но без того фона, который выдавал в первом перевертыша. Интересное сочетание для близнецов.

В тёмных глазах парня, несмотря на торжественность момента, плясали озорные искорки. Лёгкая, едва сдерживаемая ухмылка, которую он явно пытался спрятать за официальным выражением лица. И снова это неуловимое, почти призрачное сходство, от которого у Калаэна на мгновение перехватило дыхание.

Этот изгиб бровей. Эта манера чуть склонять голову набок. Этот острый, внимательный взгляд.

Откуда?

Мысль метнулась и исчезла, не успев оформиться. Калаэн моргнул, прогоняя наваждение. Мало ли в Дастрии темноволосых парней с дерзким взглядом? Тысячи. Но что-то царапнуло, засело занозой где-то в глубине сознания.

Он сделал шаг ближе.

— Лейтенанты Дельрины? — голос его прозвучал ровно, без тени эмоций.

Два голоса слились в унисон, чётко, по-уставному:

— Так точно, господин генерал!

Тот, что с озорными искорками в глазах, чуть заметно напрягся, и ухмылку спрятал мгновенно. Вторым, с серо-голубыми глазами, человек, остался невозмутим, как скала.

Калаэн смотрел на них. На первого — Эдвина, как значилось в досье. И на второго — Роудена. Близнецы. Один — перевертыш, второй — человек. Абсолютно разные, если приглядеться. Словно природа взяла один набор черт и создала два похожих, но таких разных портрета.

— Вирл докладывал о ваших успехах на южной границе, — сказал Калаэн, обращаясь к обоим, но взгляд его невольно задержался на Роудене. — Говорят, вы неплохо проявили себя в деле с разбойниками.

— Старались, господин генерал, — ответил Роуден, и в его голосе проскользнула лёгкость, которая никак не вязалась с образом сурового офицера.

Эдвин лишь коротко кивнул, подтверждая слова брата.

Калаэн ещё мгновение смотрел на них. Странное, неуютное чувство шевельнулось в груди. Словно он смотрит в зеркало, но видит там не себя, а чужое, искажённое отражение.

— Вольно, — бросил он наконец и, развернувшись, направился к своему коню, которого уже подвели конюхи.

Но краем глаза, уже садясь в седло, он заметил, как Роуден облегчённо выдохнул и толкнул брата локтем в бок. Эдвин даже бровью не повёл, лишь едва заметно покачал головой.

“Братья”, — подумал Калаэн, трогая поводья. — “Какие-то они... странные. Близнецы, а такие разные. И этот перевертыш... Дельрини. Надо будет поинтересоваться, откуда они взялись”.

Колонна тронулась. Генерал Глортейн выезжал на границу, увозя с собой смутную, необъяснимую тревогу. Что-то было не так, но что именно, он понять пока не мог.

Дорога до форта Вайсфель должна была занять три, а то и четыре дня в зависимости от погоды и состояния тракта. Дастрия славилась своими мощёными дорогами, но ближе к границе они становились всё хуже, а весенняя распутица делала своё дело.

К закату отряд добрался до придорожной гостиницы с громким названием «Три подковы». Заведение оказалось чистым, насколько это вообще возможно для подобных мест. Калаэн, бросив поводья подбежавшему конюху, окинул взглядом вывеску с изображением трёх хромых лошадей и усмехнулся про себя.

Внутри пахло сеном, жареным мясом и тёплым хлебом. Хозяин, юркий мужичок с маслянистыми глазами, уже суетился, принимая распоряжения Вирла. Калаэн поднялся на второй этаж, в отведённую ему комнату, и, прежде чем закрыть дверь, бросил взгляд во двор.

Оттуда, из-за угла конюшни, доносились голоса. Он сразу узнал этот тон — лёгкий, с вечными насмешливыми нотками которые, казалось, не могли приглушить ни усталость, ни долгая дорога.

— Да не дёргай ты так, она живое существо! — говорил Роуден, помогая конюху распрягать лошадей.

Эдвин, молча и сосредоточенно, уже возился с копытами своего жеребца, проверяя, не пора ли перековывать. Солдаты из эскорта, которым по чину полагалось бы заниматься этим самым, сгруппировались у колодца, с ленцой умываясь и поглядывая на братьев с лёгким недоумением. Офицеры, а сами с лошадьми возятся.

Калаэн задержал взгляд на Роудене. Парень, поймав движение на втором этаже, вдруг резко вскинул голову, встретился с ним глазами... и смущённо отвернулся, делая вид, что очень занят сбруей.

“Офицер, а смущается, как дебютантка на первом балу”, — подумал Калаэн, прикрывая окно.

Чуть позже, умывшись и приведя себя в порядок с дороги, он спустился в общий зал, где уже накрывали к ужину. Гул голосов, звон посуды и аппетитные запахи жареного мяса наполнили пространство привычным уютом походной жизни.

— Господин генерал! — капитан Торвальд, старый служака с седыми висками и шрамом через всю щеку, приподнял кружку. — Составите компанию старикам? Молодежь за своим столом пусть о своем щебечет, а нам есть что вспомнить.

Калаэн усмехнулся и направился к столу, где уже сидели несколько ветеранов — те, с кем он делил не одну кампанию. Майор Вирл, как всегда безупречный, занял место рядом, капитан Торвальд напротив, а по бокам расположились двое немолодых уже офицеров, чьи лица хранили следы суровых зим и жарких схваток.

Второй стол, чуть поодаль, заняли младшие офицеры. Калаэн краем глаза заметил, как Эдвин и Роуден устроились рядом с другими лейтенантами. Роуди что-то оживленно рассказывал, жестикулируя, а Эд, как всегда, слушал с легкой, едва заметной улыбкой, больше читающей в глазах, чем на губах.

— За встречу, господа, — Торвальд поднял кружку, и все поддержали тост.

Разговор за столом ветеранов тек неторопливо, как горная река. Вспоминали старые кампании, обсуждали новые ружья, которые Калаэн привез для испытаний, ругали интендантов, по обыкновению ворующих на поставках. Но постепенно, когда первые тосты были выпиты, а усталость от дороги начала отпускать, беседа свернула на более личные темы.

— А я вам скажу, господа, — капитан Торвальд, уже изрядно захмелевший, но держащийся молодцом, стукнул кружкой по столу, — вся эта война — ерунда по сравнению с одним-единственным существом женского пола! Моя Марта, царство ей небесное, покойница, бывало, такую бучу устраивала, что я под пули с радостью рвался — отдохнуть!

Офицеры засмеялись. Майор Вирл, который вообще редко пил, а сегодня позволил себе лишь пару глотков, покачал головой.

— Моя, слава богам, женщина разумная. Без скандалов. Но и без огонька, — добавил он задумчиво. — Иногда думаешь: лучше бы поскандалила, чем вот эта ледяная тишина.

Калаэн слушал и думал о своем.

О Мираэль.

Три года. Немало по меркам простых людей. Для него — так, мгновение. Она была красива той броской, холеной красотой, которая так легко достается и так быстро увядает. У нее была гибкая спина, умелые руки и понимание, как доставить удовольствие мужчине. И три года этого было достаточно. Вполне.

Но в последние месяцы... Он поморщился, вспоминая ее последний визит. Истерика с битьем посуды из-за того, что он не приехал на званый ужин к ее подруге. Намеки на брак, которые становились все прозрачнее. Капризы, словно она имела на это право.

Титула у нее не было. Состояния — тем более. А шлейф мужчин за спиной тянулся такой длины, что хватило бы на парадный мундир целого полка. Калаэн знал это с самого начала. И никогда не возражал. Ему не нужна была непорочная дева. Ему нужно было приятное времяпрепровождение без обязательств. Взамен же он оплачивал все ее счета.

Но все это можно было бы простить. Даже капризы. Даже истерики. Если бы у нее было чуть больше ума. Не хитрости, которой она была наделена с лихвой и которую так умело использовала, пытаясь манипулировать им. А именно ума, который позволяет женщине быть интересной не только в постели.

Она говорила о тряпках, о сплетнях, о том, кто кому изменил на прошлом балу. Она не понимала, о чем он говорит, когда он пытался обсуждать политику или военные кампании. Она скучала, когда он рассказывал о книгах. И она никогда, ни разу, не спросила его, устал ли он на самом деле, а не для проформы.

— ...а моя-то, стерва, — продолжал Торвальд, утирая усы, — пока я в походе, завела пашни с каким-то писаришкой! Вернулся, а она мне: «Он меня понимает, он душу мою чувствует»! Душу, понимаешь! Я ему, гаду, эту душу-то и вытряс, вместе с потрохами!

Снова смех. Кто-то добавил историю о своей жене, кто-то о любовнице. Калаэн слушал вполуха, и его мысли текли в другом направлении.

Ему уже слегка за восемьдесят. Для дракона — самый расцвет сил, ничего не скажешь. Но в этом возрасте у его отца уже был он сам. Маленький, темноволосый, с первыми искрами драконьего огня, которые он учился контролировать. Отец носил его на плечах по родовому поместью, учил стрелять из лука, а когда Калаэн впервые обиделся на девочку в соседнем имении, только рассмеялся и сказал: «Ничего, сынок, твоя драконица еще придет».

Калаэн поймал себя на мысли, что хочет того же.

Семья. Дом, полный детского смеха. Сыновья, которым он передаст все, что умеет сам. Дочь...

Мысль о дочери была особенной, щемяще-нежной. Он вдруг представил ее так ясно, будто видел наяву. Маленькая, темноволосая, с огромными глазами. Не важно, какими, лишь бы смотрели на него с той безусловной любовью, на которую способны только дети. Она бежит к нему, раскинув руки, и кричит «папа!». А он подхватывает ее, кружит, и она заливается счастливым смехом, а потом зарывается лицом в его шею и сопит, уютно устроившись на руках.

Дочь. Он сможет баловать ее. Покупать самые красивые платья, самые изящные украшения. Учить ее танцевать, водить на балы и смотреть, как она вырастает в настоящую красавицу, разбивая сердца юношей. Он будет суров с ее поклонниками, заставляя их трепетать одним взглядом. И ни один негодяй не посмеет разбить ее сердце, потому что за ней будет стоять он, генерал Глортейн, и весь его род.

— ...господин генерал? — голос Торвальда вырвал его из грез.

Калаэн моргнул.

— Я говорю, вы чего такой задумчивый? Али наши байки навевают тоску?

— Нет, капитан, — Калаэн усмехнулся, поднимая кружку. — Просто думаю, что вам, женатым, повезло больше, чем мне, холостяку.

Торвальд хитро прищурился.

— Так женитесь, ваше превосходительство! Девоч в столице — пруд пруди. Любую выберите — герцогиню там, графиню... Или, может, у вас есть кто на примете?

Калаэн покачал головой, уходя от ответа. Но мысль засела глубоко.

Он посмотрел в сторону младших офицеров. Роуди, кажется, только что рассказал особенно удачную шутку. Сосед по столу хлопал его по плечу, давась смехом. Эд сидел с невозмутимым лицом, но Калаэн, уже успевший немного изучить этого молодого человека, заметил, как дрожат уголки его губ, сдерживая улыбку. Интересно, какими вырастут его собственные дети, если они когда-нибудь будут? Будут ли они так же беззаботно смеяться за общим столом, поддерживая друг друга?

«Хорошие ребята, — подумал он о братьях. — Толковые офицеры. Такими отец может гордиться».

Мысль об отцовстве кольнула острее, чем обычно. Раньше она приходила редко и уходила так же быстро, заглушенная делами, походами, любовницами. Но в последнее время... В последнее время она возвращалась все чаще, настойчивее, требуя ответа.

Калаэн поднял кружку и сделал долгий глоток, пряча за этим простым жестом нахлынувшие чувства.

— За семьи, господа, — сказал он, поднимая кружку. — За тех, кто ждет нас дома.

— За семьи! — грянули ветераны.

А Калаэн снова посмотрел в окно, за которым уже сгустились сумерки, и подумал о той, кого мог бы представить рядом. Не о Мираэль. О ней думать не хотелось. О ком-то другом. О женщине, с которой можно говорить не только о тряпках. О той, кто поймет, почему он устал, даже если он не скажет ни слова. О той, чьи глаза будут гореть не только при виде драгоценностей.

В памяти вдруг всплыли черные глаза, смотревшие на него из-под маски много лет назад. Тень. Его лучший шпион. Женщина, которой он восхищался, не зная даже ее имени. Интересно, где она сейчас? Жива ли? Счастлива ли?

Мысль была странной, неуместной. Он отогнал ее, как слишком смелую. Прошрое осталось в прошлом. А в настоящем был поход, новые горизонты, и где-то там, возможно, его будущее. То самое, о котором он только начинал мечтать.

— Господин генерал, — Вирл наклонился к нему, — может, прислать пару солдат на кухню, чтобы ускорить подачу? А то молодежь заскучала.

Калаэн глянул на второй стол. Действительно, разговоры там стихли, и несколько лейтенантов с тоской поглядывали в сторону кухни, откуда доносились дразнящие ароматы.

— Не надо, — усмехнулся он. — Пусть учатся терпению. Солдат должен уметь ждать.

Вирл понимающе кивнул, и вечер продолжился — с разговорами, воспоминаниями и тем особым, солдатским братством, которое не купишь ни за какие деньги. А Калаэн все поглядывал в сторону братьев Дельрины и думал о том, что когда они придут в форт, начнется новый этап. И кто знает, что принесет он с собой.

Глава 2. Плен

К полудню следующего дня отряд углубился в лес. Дорога здесь сужалась, с двух сторон подступали вековые сосны, засыпанные снегом. Тишина стояла звенящая, лишь похрустывание насти под копытами да редкое карканье ворон нарушали её.

Калаэн ехал в голове колонны, рядом с капитаном Торвальдом. Настроение было... настороженным. Слишком тихо. Слишком пусто.

Сзади слышался негромкий говор. Роуден, как всегда, травил какую-то байку, и даже суровые ветераны вполуха слушали, пряча улыбки в усы. Калаэн уже начал привыкать к этому фоновому шуму. Эдвин, как обычно, молчал, но по его напряжённой спине чувствовалось, что брата слушает, даже не оборачиваясь.

А потом случилось это.

Роуден замолчал на полуслове. Калаэн, ещё не понимая причины, почувствовал, как напряглась его собственная внутренняя сущность. Дракон внутри насторожился, потянул воздух.

— ЗАСАДА! — крик Роудена расколол лесную тишину.

И в ту же секунду пространство вокруг взорвалось.

Первыми ударили маги. Калаэн даже не увидел, скорее почуял знакомую вибрацию плетений. Воздух вокруг сгустился, замерцал, и в следующий миг со всех сторон ударили боевые заклинания. Огненные шары, ледяные копья, молнии. Всё это обрушилось на отряд, сея хаос и смерть.

Кони взвились на дыбы, заржали от боли и страха. Люди падали, не успев даже выхватить оружие.

А из-за деревьев уже неслись тени — бесшумные, стремительные, смертоносные. Мекеши.

Калаэн узнал их сразу. Эту выучку, эту неестественную плавность движений, эту холодную эффективность, с которой они убивали. Он видел такое раньше. Слишком много раз.

— В круг! — заорал он, уходя в перекат с коня, который рухнул замертво, пронзённый ледяным копьём. — Держать строй!

Но строй уже рассыпался. Слишком внезапное нападение. Слишком сильный противник.

Калаэн рубился с двумя мекешами сразу, чувствуя, как дракон внутри рвётся наружу, требуя обернуться, сжечь всё к крену. Но нельзя. В такой близости свои же пострадают. Он держался, отбивая удар за ударом, и краем глаза видел, как тает его отряд.

А потом он увидел Эдвина.

Лейтенант дрался рядом с ним, прикрывая генерала слева. И дрался он... Калаэн вдруг понял, что с трудом может отвести взгляд. Потому что каждый выпад, каждый уход, каждый шаг Эдвина был безупречен. Такое не выучивают в военных академиях. Такое вдалбливают с детства, год за годом, до тех пор, пока тело не начинает двигаться быстрее мысли.

Калаэн знал эту манеру боя.

Он видел её много лет назад. У мекешей Фернуха.

Боги...

Мысль ударила, холодная и неумолимая. Эдвин Дельрины — мекеш. Но тогда почему он здесь? Почему бьётся против них? Почему прикрывает его, генерала, вместо того чтобы...

— Генерал, справа! — крик Эдвина вырвал его из оцепенения, и Калаэн едва успел парировать удар, направленный ему в шею.

Он рубанул наотмашь, отбрасывая противника, и снова глянул на Эдвина. Тот даже не смотрел в его сторону, весь сосредоточился на бое, но каждое его движение говорило об одном: он защищает их, генерала и отряд.

“Какого кrega здесь происходит?” — мелькнуло в голове Калаэна. — “Мекешы не предадут своих. Они не могут. Их заклиние...”

Рядом с Эдвином материализовался ещё один противник, и Калаэн рванулся было на помощь, но не успел.

Потому что в этот момент всё изменилось.

Огромная чёрная тень взметнулась над полем боя. Калаэн, даже не успел испугаться. Гигантский волк, размером больше самого крупного боевого коня, с горящими жёлтыми глазами и оскаленной пастью.

Роуден.

Волк обрушился на нападавших с такой яростью, что первые ряды мекешей просто смело. Когти, клыки, чудовищная сила, вспышки магии. Он крушил всё вокруг, прикрывая брата и генерала, давая им секунду передышки.

И в эту секунду Калаэн услышал крик. Один из магов, заломив руку, указывал на Эдвина: — Мекеш! Там мекеш! Среди них мекеш!

Калаэн похолодел. Он не ошибся. И не он один это понял.

Но следом пришло другое, ещё более ошеломляющее осознание: Они тоже удивлены. Они не знали, что он здесь. Он не с ними.

Эдвин даже не обернулся на крик. Он продолжал рубиться, его лицо оставалось спокойным, но Калаэн видел, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих саблю. Он знал. Знал, что его узнали. И продолжал драться. За них.

— Ко мне! — заорал Калаэн. — Все ко мне!

Он чувствовал, как дракон внутри закипает, чешуя проступает на коже, глаза начинают светиться. Сейчас, ещё мгновение, и он обернётся, и тогда этим тварям не поздоровится...

Но маги ударили первыми.

Калаэн не увидел заклинания. Только почувствовал, как мир вокруг схлопывается, как сознание проваливается в чёрную, холодную пустоту. Последнее, что он видел, падая в снег — огромный чёрный волк, заслоняющий собой брата и его, и мелькнувшая мысль: *“Они же дети. Совсем ещё дети. И этот мальчишка — мекеш, но дерётся за нас. Почему?”*

А потом была тьма.

* * *

Сознание возвращалось урывками, болезненными вспышками. Сначала была тьма и гул в ушах, похожий на отдаленный бой. Затем пришла боль. Череп словно стягивали раскаленным обручем. Калаэн попытался пошевелиться и понял, что лежит на чем-то холодном и твердом, каменном.

Он застонал, не в силах сдержать этот хриплый, сдавленный звук. Веки были тяжелыми, но он заставил их открыться. Вокруг был полумрак. Не камера — во всяком случае, без решеток. Скорее подвал или склад. Гладкие каменные стены, наклонный потолок с тяжелыми балками, запах сырости и старой крови.

— Генерал?

Голос Эдвина прозвучал совсем рядом, и Калаэн, повернув голову, игнорируя новый всплеск боли, увидел обоих братьев. Эд сидел, прислонившись спиной к стене в паре метров от него. Роуди лежал ничком рядом, но уже шевелился, приходя в себя. Шею каждого из них обхватывал холодный металл магического ошейника. Такой же душил и самого Калаэна, впинаясь в горло тяжестью и подавляя магию.

— Живы? — голос генерала прозвучал хрипло, с металлическим привкусом крови на губах.

— Живы, — Эдвин кивнул, его лицо в тусклом свете казалось спокойным, собранным. Слишком спокойным для пленника.

— Только голова раскалывается. — поморщился Роуден. — И эта гадость на шее... магию глушит напрочь.

Калаэн, преодолевая боль, сел, опершись спиной о стену рядом с ними. Он окинул взглядом помещение. Ни окон, одна тяжелая дверь, обитая железом. Мышцы ныли, но переломов, кажется, не было. Маги, что их вырубili, явно не старались убить. Они нужны были живые.

— Вы знаете, где мы? — спросил он, поворачиваясь к Эдвину. Вопрос был риторическим, откуда лейтенантам знать больше него, но спросить стоило.

Эдвин и Роуди переглянулись. В этом быстром, почти незаметном обмене взглядами Калаэну почудилось что-то странное. Что-то, чего он не мог объяснить. Словно они знали больше, чем говорили.

— Да, — коротко ответил Эд.

Калаэн удивленно поднял бровь, но развить тему не успел. Роуди, окончательно пришедший в себя, сел и, потирая затылок свободной рукой, мрачно резюмировал:

— Дело дрянь!

Генерал нахмурился. Такой пессимизм от обычно жизнерадостного Роудена был тревожным знаком.

Но Эдвин, вопреки ситуации, усмехнулся. Коротко, сдержанно, но усмехнулся. В его спокойных глазах мелькнуло что-то, чему Калаэн не нашел названия. Не страх, не отчаяние. Скорее... мрачная ирония судьбы.

— Это смотря по обстоятельствам, — сказал Эд, и в его голосе прозвучала странная, необъяснимая уверенность.

Калаэн переводил взгляд с одного брата на другого. Младшие лейтенанты, спасшие его, рискуя жизнью. Храбрые, умелые, преданные. Но сейчас, глядя на их спокойствие в этой безнадёжной ситуации, на этот их безмолвный диалог, он впервые почувствовал: он чего-то о них не знает. Чего-то важного.

— Обстоятельства? — переспросил он, вкладывая в голос всю генеральскую требовательность. — Мы в плену, с ошейниками на шее, понятия не имеем, где мы и кто нас захватил. Какие, к черту, обстоятельства могут это изменить?

Роуди фыркнул, но промолчал, глядя куда-то в угол. Эдвин встретил взгляд генерала и ответил с той же спокойной, чуть отстраненной уверенностью:

— Увидите, генерал. Если повезет. Или не повезет — это уж как посмотреть.

Ответ прозвучал как загадка, и Калаэн, чувствуя, как боль в висках усиливается от бесплодных попыток ее разгадать, решил не давить. Пока. Слишком шаткое было положение, слишком мало вводных.

Он откинул голову назад, закрыл глаза, пытаясь унять пульсирующую боль. Рядом сидели двое его офицеров, и, что бы они ни скрывали, Калаэн знал одно: в бою они прикрыли ему спину. Значит, и здесь не подведут. А остальное... остальное прояснится позже.

Время тянулось мучительно медленно. Калаэн, стиснув зубы, пытался достучаться до дракона внутри себя — бесполезно. Ошейник давил холодом, высасывая магию, оставляя вместо неё лишь глухую пульсирующую пустоту. Он чувствовал себя человеком с отрубленными руками — беспомощным, жалким. Это бесило больше, чем сама боль в голове.

Роуди молчал, что было само по себе тревожным знаком. Эдвин сидел с закрытыми глазами, но Калаэн видел — не спит. Слишком напряжены мышцы на скулах, слишком ровное, контролируемое дыхание. Они ждали. Оба чего-то ждали.

Калаэн уже собрался нарушить тишину вопросом, когда это произошло.

Дверь не открылась. Она стала прозрачной.

Просто — раз — и тяжелое, окованное железом дерево исчезло, превратившись в идеально чистый, мерцающий магией прямоугольник. За ним стоял человек.

Невысокий, сухой, как щепка. Одет просто, но с дорогой отделкой, выдающей не просто богатство, а долгую привычку к нему. Лет семидесяти, гладко выбрит, с тонкими, плотно сжатыми губами. Но главным были глаза — маленькие, глубоко посаженные, цепкие. Глаза скупщика краденного, оценивающего товар.

И сейчас этот взгляд был прикован к Калаэну.

Генерал невольно напрягся, встречая этот взгляд. Внутри взревела ярость — драконья, первобытная. Его, генерала Глортейна, наследника древнего рода, разглядывают как скотину на ярмарке! Но ошейник сдавил горло, напоминая о беспомощности.

Человек за прозрачной дверью несколько долгих секунд изучал Калаэна, словно прикидывая вес и цену. Потом перевел взгляд на братьев.

И тут случилось неожиданное. Эдвин, до этого сидевший с бесстрастным лицом, поднял голову и посмотрел на стоящего за дверью с таким спокойствием, будто встретил старого знакомого на светском рауте. Голос его прозвучал ровно, без тени страха или злости — лишь холодная констатация факта:

— Ты ведь понимаешь, что нарушил договор?

Калаэн замер. Договор? О чем, крег его дери, говорит Эдвин?

Человек за дверью не удивился вопросу. Он чуть склонил голову, и в его цепких глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство.

— Она знает? — спросил он. Голос оказался скрипучим, сухим, как осенние листья.

— Да, — коротко ответил Эд.

Повисла пауза. Калаэн переводил взгляд с Эдвина на человека за дверью и обратно, чувствуя, как от бессилия и непонимания закипает в жилах кровь. Она? Какая она? Договор? Что, крег вас раздери, происходит?

Человек за дверью — Калаэн мысленно окрестил его Скупщиком — несколько мгновений смотрел на Эдвина, словно оценивая, не блефует ли тот. Потом его тонкие губы тронуло подобие улыбки. Нехорошей.

— Тем интереснее, — проскрипел он. — Посмотрим, как быстро она доберется сюда. Если успеет.

Дверь снова стала обычной — тяжелой, окованной железом, глухой. Шаги стихли в отдалении.

Калаэн рывком повернулся к Эдвину, забыв о боли в голове.

— Что это было? — спросил он, и в его голосе звенел металл, к которому привыкли подчиненные. — Какой договор? Кто «она»?

Эдвин посмотрел на него с тем же невозмутимым спокойствием. Роуди рядом шумно выдохнул и потер лицо ладонью.

— Фернух, — коротко ответил Эд. — Это был Фернух.

Калаэн моргнул, не веря ушам. Фернух? Тот самый? Воспитатель мекешей, живая легенда и исчадие ада в одном лице? Генерал знал, что герцогство могло нанять Фернуха, но... Фернух всегда работал на себя. А значит, его «интерес» к пленникам не сулил ничего хорошего.

— Фернух, — повторил Калаэн, смакуя имя, как яд. — И ты знаешь его?

— До этого момента лично представлены не были, — подал голос Роуди, и в его обычно веселом тоне сейчас не было ни капли юмора. — Но слышаны.

Калаэн смотрел на них, и пазл, который он даже не пытался собрать, начал складываться в зловещую картину. Договор. «Она». То, как спокойно Эд разговаривал с этим чудовищем.

— Кто она, Эдвин? — тихо, но с нажимом спросил генерал.

Эд встретил его взгляд. В темных глазах юноши, таких похожих на чьи-то другие, неуловимо знакомые, мелькнуло что-то, чему Калаэн снова не нашел названия. Сожаление? Предвкушение?

— Мама, — ответил Эд. И, видя непонимание в глазах генерала, добавил: — Та, которую вы знаете как Тень.

Роуди хмыкнул, качая головой:

— И сейчас он сам пригласил ее в гости. Идиот.

Калаэн смотрел на них, и слова Эдвина продолжали звучать в его голове, отдаваясь глухим, неверящим эхом. Мама. Та, которую вы знаете как Тень.

Это было невозможно. Это не укладывалось ни в какие рамки.

Тень... Эта женщина была для него олицетворением абсолютной, почти сверхъестественной неуловимости. Безымянный призрак, который появлялся из ниоткуда, выполнял невозможное и исчезал.

За все годы он ни разу не видел ее лица, не слышал ее голоса. Только эти глаза — черные, бездонные, пленительные — смотрели на него из-под маски, когда она еще приходила лично. Он думал о ней. Слишком много. В тишине своего кабинета, глядя на пустующий стул напротив, он ловил себя на том, что пытается представить, как она выглядит, какой у нее смех, о чем она думает, когда не выполняет его приказы. Он, генерал, герцог, потомок древнего рода, был увлечен женщиной, чьего имени даже не знал. Настолько, что всерьез, пусть и мимолетно, размышлял о женитьбе двадцать один год назад. Глупость, конечно. Невозможная, смешная глупость. Но чувство осталось — глубокая, почти болезненная признательность и уважение к тому единственному человеку, который стоил целой армии.

И теперь этот человек... был матерью его лейтенантов.

Матерью.

Мысль взорвалась в мозгу, как неудачное боевое заклинание, рассыпаясь осколками не стыкующихся образов. Тень — идеальный солдат, шпион, не знающий равных. И женщина, которая родила и воспитала Эдвина и Роудена. Которая, наверняка, водила их за руки в парк, лечила разбитые коленки, ругала, судя по тому, как спокойно они держались в плену, учила их не бояться смерти.

Как это сочеталось? Как это вообще могло сочетаться?

Но хотя бы объясняло манеру ведения боя Эдвина и почему его приняли за мекеша.

— Тень... — повторил Калаэн вслух, смакуя это слово, пробуя его на новый, немислимый вкус. — Ваша мать — Тень?

Роуди, все еще сидящий на полу, хмыкнул и потер затылок.

— Ага. Та самая, что вытаскивала вашу драконью шкуру из огня не один десяток раз. Ну, может я слегка преувеличил. А потом, когда мы родились, стала просто... мамой.

«Просто мамой». Калаэн стиснул зубы. Это «просто» резануло его по живому. Значит, ему она отказала, но нашелся мужчина, которому она отказывать не стала?

Мысль была острой, как хирургический скальпель, и он позволил себе задержаться на ней ровно на одну секунду. Ровно настолько, чтобы ощутить этот укол — куда более сильный, чем можно было ожидать.

Самолюбие может и должно пострадать. Позже. Сейчас были вопросы поважнее.

Он перевел взгляд с Роуди на Эдвина, все еще стоявшего у стены, и обратно.

— О каком договоре шла речь? — спросил Калаэн, возвращая разговор в прежнее, более безопасное русло. По крайней мере, безопасное для его душевного равновесия. — Что значит «нарушил договор»?

Братья снова переглянулись. Эдвин, помолчав, ответил первым. Его голос звучал ровно, будто он докладывал обстановку на плацу.

— Много лет назад мама заключила с Фернухом соглашение. Она выходит из «игры». Прекращает заниматься тем, чем занималась, и он не трогает ни ее, ни нас. Вообще. Ни к чему, что связано с ней и ее именем, даже близко не подходит. — Эд сделал паузу. — Это была не

сделка, а условие. Она дала ему понять, что если он сунется, она найдет способ уничтожить его, даже ценой собственной жизни. А он... он поверил. И отступил.

Калаэн нахмурился, переваривая информацию. Десять лет назад Тень оставила ему прощальное письмо. Тогда он думал, что она просто устала, решила уйти в тень окончательно. А она, оказывается, торговалась с чудовищем.

— И что изменилось? — спросил Калаэн, хотя ответ уже начал вырисовываться в его голове, зловещий и неизбежный. — Почему мы здесь?

Роуди фыркнул, на этот раз без тени веселья.

— А вы, господин генерал, сами-то как думаете? Мы здесь. Вы здесь. Это не совпадение.

— Мама следила за ним. — продолжил Эдвин. — Все эти годы. Не вмешивалась, просто... наблюдала. Знала, что он загорелся идеей заполучить перевертыша. Или хотя бы его кровь.

— Кровь? — Калаэн резко повернулся к нему.

— Он пытался усилить своих мекешей, — пояснил Эд. — Поэтому сейчас мы считаем, что ему понадобился...

— Ему нужен был дракон, — тихо произнес Калаэн, глядя куда-то сквозь каменную стену. Это был не вопрос, а утверждение.

Эдвин кивнул.

— Драконами они от этого, конечно, не станут, но регенерация... представьте себе солдата, который заживляет раны за минуты или часы. Армия неуязвимых убийц.

Калаэн представил. И ему стало не по себе. Фернух, и без того обладавший армией идеальных шпионов и убийц, с такой силой стал бы неуязвим. Он бы перестал быть просто легендой. Он стал бы угрозой для любого королевства, для любого трона.

— И он решил, что я стану его донором? — усмехнулся Калаэн, но усмешка вышла горькой. — Любопытный способ самоубийства.

— Он не планировал вас спрашивать, — спокойно заметил Эд. — На то он и Фернух.

В камере снова повисла тишина. Калаэн смотрел на братьев, на их спокойные лица, на ту уверенность, с которой они говорили о матери, и понимал, что пазл складывается в единую, чудовищную картину. Тень все эти годы не просто выживала. Она вела свою собственную, тайную войну. И сейчас, когда враг осмелился нарушить договор, она нанесет ответный удар.

Он хотел спросить еще о многом, но усталость взяла свое. Тело ныло после вчерашнего боя, голова гудела, а ошейник на шее давил холодной тяжестью, высасывая силы. Калаэн прислонился спиной к стене, закрыл глаза — и провалился в тяжелое, липкое забытие.

Проснулся он от того, что пол под ним вдруг исчез.

Калаэн не успел даже вскрикнуть. Просто в один миг каменные плиты под его спиной разжались, как челюсти гигантского зверя, и он провалился вниз, в холодную, вонючую темноту.

Падение было недолгим. Метра три, не больше. Но приземление вышло жестким. Он ударился спиной о что-то скользкое, покатился, больно стукнулся головой о каменную стену и замер, оглушенный, пытаясь понять, что, крег побери, произошло.

Запах ударил в ноздри первым.

Сырость, гниль, застоявшаяся вода и нечто такое, от чего желудок скрутило тугим узлом. Канализация. Он лежал в сточной трубе. Калаэн закашлялся, зажимая рот рукой, чтобы не вырвало.

— Тише, — голос Эдвина прозвучал совсем рядом, приглушенно, эхом отражаясь от низкого свода.

Калаэн приподнялся на локтях, огляделся. Труба была узкой — метра полтора в ширину, не больше. Каменный пол, покрытый скользкой слизью. Стены, такие же каменные, в зелено-

ватых разводах. Света почти не было, лишь слабое, тусклое свечение лилось откуда-то сверху, из пролома, в который он провалился.

Там, в этом проломе, маячило лицо.

Роуден.

— Живы, господин генерал? — шепот его звучал обеспокоенно, но в темноте глаз было не разглядеть.

— Жив, — прохрипел Калаэн, потирая ушибленный затылок. — Что это было?

— Магический пролом. Мама открыла портал прямо под нами. Умно, правда? Фернух и не ждал атаки снизу. Она когда-то по этой же канализации от Фернуха сбегала.

Роуден уже спускался, цепляясь за края пролома, и через секунду плюхнулся рядом с Калаэном, едва не приземлившись на него. Генерал едва успел отодвинуться.

— Аккуратнее!

— Простите, тесновато тут.

Эдвин спустился следом, бесшумно, как кошка, и присел на корточки, оглядывая тоннель.

— Где мама? — спросил он.

— Вперед ушла, — Роуди кивнул в темноту. — Нам ползти надо. Места мало, все не влезут.

Калаэн повернул голову туда, куда указывал Роуди.

В полумраке, метрах в пяти, он увидел знакомый силуэт. Темная, облегающая одежда, плотная ткань, скрывающая каждую линию. Волосы, убранные так, чтобы не мешали. И этот силуэт двигался — медленно, плавно, по-пластунски, перебирая локтями и отталкиваясь носками сапог.

Тень.

Она ползла вперед, не оборачиваясь. Словно знала, что они следуют за ней. Или просто не сомневалась, что последуют.

Калаэн сглотнул.

Вид перед его лицом... определенно ему нравился.

Он заставил себя отвернуться, сосредоточиться на ситуации. В тесной, вонючей трубе, с ошейником на шее, блокирующим магию, с тремя спутниками, из которых двое были сыновьями женщины, на которую он, генерал Глортейн, не имел права смотреть так, как смотрел только что.

«Возьми себя в руки», — приказал он себе.

— Двигаемся, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, по-командирски. — Эдвин, замыкающим. Роуди, за мной. И тихо.

Он начал ползти.

Это было унижительно. Генерал, герцог, дракон, ползущий на животе по сточной трубе, как червяк. Локти скользили по мокрым камням, колени ныли, спина затекла, и в этой позе, с головой, прижатой к холодному полу, он чувствовал каждую царапину, каждую ссадину, оставленную вчерашним боем.

А перед ним — метрах в трех — двигалась она.

Тень ползла быстро. Уверенно. Словно делала это сотни раз. Ее движения были отточенными, экономными, без единого лишнего жеста. Локти — толчок, носок сапога — упор, тело — волна. Она скользила по камням, как змея, и Калаэн, глядя на это, чувствовал странную, неловкую зависть.

И снова его взгляд упал туда, куда не следовало.

«Крег тебя дерь, Глортейн», — мысленно выругался он, отводя глаза. — *«Она спасла тебя. Она вытаскивает твою задницу из плена. А ты пялишься прямо при ее сыновьях на ее...»*

Он не договорил. Потому что в этот момент Тень остановилась.

Калаэн замер, не понимая, что случилось. Она лежала неподвижно, и он видел только ее спину, напряженные плечи, голову, чуть повернутую вбок. Слушала. Принюхивалась. Или прислушивалась к чему-то, чего он не слышал.

Потом ее рука — левая, та, что была ближе к нему, — оторвалась от пола. Пальцы сложились в жест.

Короткий ритм. Серия отрывистых, четких движений.

Калаэн не понял. Он смотрел на эти пальцы, мелькающие в полумраке, и не мог разобрать ни одного жеста. Слишком давно он не практиковался. Слишком много лет прошло с тех пор, как он листал учебник, выученный когда-то ради нее.

— Роуден, — прошептал он, не оборачиваясь. — Что она сказала?

Сзади послышалось легкое шуршание. Роуди приподнялся, насколько позволял низкий свод, вглядываясь в спину матери.

— Она спрашивает, почему так медленно, — перевел он.

Калаэн стиснул зубы.

— Тесно, — ответил он, обращаясь скорее к Тени, чем к Роуди. — Я не могу двигаться быстрее в такой... обстановке.

Тень не обернулась. Но ее рука снова поднялась. Новый жест. Короткий, почти раздраженный.

Калаэн ждал перевода. Роуден молчал. Слишком долго.

— Что? — спросил Калаэн, поворачивая голову.

В полумраке он увидел лицо юноши. Оно было... странным. Не смущенным, нет. Скорее, он пытался сдержать улыбку. И, кажется, с трудом.

— Она сказала... — начал Роуди и запнулся.

— Что сказала? — голос Калаэна зазвенел нетерпением.

— Что жрать надо меньше, — выпалил лейтенант. И тут же отвернулся, уткнувшись лицом в локоть.

Калаэн замер.

В узкой, вонючей трубе повисла тишина. Такая плотная, что, казалось, можно было потрогать руками.

Сзади, где полз Эдвин, послышался приглушенный звук. То ли всхлип, то ли сдавленный смешок. Калаэн не оборачивался. Он смотрел на спину Тени, на ее плечи, которые, кажется, чуть дрожали.

Она что, смеялась?

Беззвучно, как умела только она. Но он чувствовал эту дрожь, видел, как ее спина мелко подрагивает, и понимал: она издевается. Над ним. В этой ситуации. В этой проклятой, вонючей трубе, где он полз на животе, а она — впереди, и он пялился на ее...

Калаэн закрыл глаза на мгновение. Глубоко вдохнул. Запах канализации ударил в ноздри с новой силой, и он закашлялся, забыв, что хотел сказать.

— Двигаемся, — прохрипел он, открывая глаза. — Быстро. Молча.

Он пополз. Быстрее, чем раньше. Злость и унижение придали сил. Локти мелькали, колени отталкивались, он скользил по камням, как по маслу, и думал только об одном: выбраться. Умыться. И больше никогда не вспоминать эту фразу.

«Жрать надо меньше».

Крег бы побрал эту женщину.

Глава 3. Храм и пепел

Затхлый воздух подземелья сменился сыростью ночного леса. Туннель вывел их прямо в подвал полуразрушенного храма — старого, забытого святилища, затерянного в чаще в паре лиг от лагеря Фернуха. Сквозь провалы в крыше лился холодный лунный свет, выхватывая из темноты осыпавшуюся мозаику на стенах и покосившийся алтарь.

Калаэн, опираясь на плечо Эдвина, с жадностью глотал свежий воздух. Ошейник, наконец, сняли в туннеле, и магия медленно, но возвращалась в тело, теплой волной разливаясь по жилам. Рядом Роуди растирал затекшую шею, морщась от боли.

— Живы, — констатировал генерал, переводя дух. Он перевел взгляд на фигуру в маске, застывшую у входа, готовую раствориться в ночи. — Благодарю... Тень.

Женщина не обернулась. Она смотрела в ту сторону, откуда они пришли, туда, где в низине, скрытый деревьями, все еще горел огнями лагерь Фернуха. Лагерь, где она провела двенадцать лет.

Лунный свет серебрил ее плечи, вычерчивая напряженную линию спины. Она стояла неподвижно. Эдвин, бережно опустивший руку генерала со своего плеча, вдруг замер. Его серо-голубые глаза, такие холодные и ясные обычно, сейчас впились в фигуру матери с интенсивностью, от которой у Калаэна по спине пробежал холодок. Он буквально чувствовал напряжение, исходящее от молодого лейтенанта. Оно висело в воздухе между ними, тяжелое и осязаемое, как грозовое облако.

Калаэн видел, как взгляд Эда скользит по материнской фигуре: от напряженных плеч к сжатым в кулаки рукам, от неподвижного лица к линии горизонта, за которой догорал лагерь Фернуха, считывая каждую мельчайшую перемену в позе, каждое движение мышц под одеждой, каждый вздох. Это было не беспокойство сына о матери.

Роуди, растиравший шею, вдруг замер. Его взгляд метнулся к брату, и беззаботное выражение слетело с его лица в одно мгновение. Он нахмурился, проследил за взглядом Эда и тоже уставился на мать. Только в его взгляде, в отличие от аналитической холодности брата, читалась тревога. Живая, человеческая тревога. Он прекрасно понимал, что увидел Эд.

Воздух в храме, и без того спертый, казалось, загустел еще сильнее. Калаэн переводил взгляд с одного своего лейтенанта на другого, чувствуя себя слепцом, который пытается понять безмолвный диалог зрячих. Что они видят? Что происходит?

И тогда Эдвин шагнул вперед.

— Мам! — его голос, обычно ровный и сдержанный, прозвучал резко, требовательно, разрезая ночную тишину, как нож. — Ты чего задумала?!

Тень дернулась, словно ее ударили. Она медленно, очень медленно повернула голову. Маска скрывала лицо, но даже сквозь прорези для глаз Калаэн увидел вспышку какой-то дикой, первобытной решимости, смешанной с удивлением от того, что ее раскусили.

И тут ее рука поднялась. Жест был резким, отрывистым, не терпящим возражений. Пальцы сложились в короткую, хлесткую фразу.

«Ждите здесь!»

За двадцать один год Калаэн язык жестов подзабыл, но эту фразу он понял. Без перевода. Достаточно было заглянуть в глаза своего бывшего шпиона, чтобы понять, что она собиралась сделать.

Тень сделала шаг обратно, в темноту туннеля.

— Мам, стой! — Роуди, забыв об усталости, метнулся к ней, преграждая путь. — Ты куда?

Она остановилась. Даже в полумраке, даже сквозь маску Калаэн увидел, как напряглись её плечи, как сжались кулаки. Её пальцы взлетели в воздух, выписывая резкие, рубящие жесты.

«Он нарушил договор и тронул мою стаю!»

Эдвин шагнул вперед, вставая рядом с братом

— Ты одна туда не пойдешь, мама.

Тень резко развернулась к нему. В лунном свете блеснули прорези маски, и Калаэн, стоявший чуть поодаль, мог поклясться, что увидел в них не просто гнев, а холодную, просчитанную ярость, которую он помнил по старым временам. Ту самую, от которой враги предпочитали бежать, не дожидаясь, пока она нанесет удар.

Ее пальцы дернулись, выстрелив в сына короткой, пренебрежительной фразой. Калаэн успел разобрать только одно слово: «забыла». Эд дернулся, будто от пощечины, но с места не сошел. Его серо-голубые глаза потемнели.

Он протянул руку к принесенной матерью сабле. Его пальцы сомкнулись на рукояти. И он медленно, очень медленно, покачал головой.

Один раз. Коротко. Отрицательно.

Рядом с ним, плечом к плечу, встал Роуди. Он ничего не сказал. Просто стоял. Два силуэта против одного. Против женщины, которая родила их, вырастила и научила всему, что умела сама.

Тень замерла. Калаэн видел, как ее грудь вздымается от учащенного дыхания. А потом — она усмехнулась. Коротко, хрипло, беззвучно. Но он узнал этот смешок, который легко можно было угадать даже под маской. Видел его однажды, когда она, раненая, смотрела на трупы врагов и качала головой: «Салаги».

Ее рука дернулась в их сторону. И даже без перевода Калаэн понял смысл этого жеста.

— Мы тебя знаем, мама, — тихо сказал Роуди. — И не забывай, что ты сама нас всему научила.

Она шагнула вперед, и в этот момент Калаэн шагнул следом, вставая за спинами своих лейтенантов.

Тень оглядела их троих. Сыновей — тех, кого она когда-то держала на руках, кого учила ходить, говорить, драться, выживать. И его — мужчину, приказам которого когда-то подчинялась, а теперь... теперь он стоял плечом к плечу с ее детьми.

Калаэн видел, как что-то дрогнуло в ее лице под маской. Всего на мгновение. А потом мир вокруг взорвался.

Она двигалась так, как только Тень умела двигаться — молниеносно, смертоносно, безжалостно. Удар — и Роуди отлетел, сбитый с ног подсежкой, от которой Калаэн едва успел увернуться. Эд встретил ее клинок своим, сталь взвизгнула, высекая искры в лунном свете.

— Не сдерживайтесь! — рявкнул Калаэн, бросаясь в схватку. — Она не будет!

Но он ошибся.

В пылу боя, уворачиваясь от ее атак и нанося ответные, Калаэн вдруг с холодной ясностью осознал то, что Эд и Роуди, кажется, чувствовали с самого начала. Аса дралась в полную силу. Но ее удары, предназначенные убивать, всякий раз в последнее мгновение уходили чуть в сторону. Лезвие, летящее в горло Роуди, останавливалось в волоске от кожи, переходя в толчок плечом. Выпад, направленный Эду в глаз, превращался в скользящий удар по скуле плашмя. Даже когда она била ногами — била туда, где у любого другого противника хрустнули бы кости, — ее ступни встречали не переломанные ребра, а жесткие блоки, от которых отлетали сами нападавшие.

Она не сдерживалась. Она дралась так, как учила их драться — насмерть. Но против них — против своих сыновей — ее тело отказывалось наносить последний, решительный удар. Она била их, как бьют щенков, которые слишком рано полезли во взрослую драку. Больно, отрезвляюще, но с абсолютной уверенностью, что они встанут.

Эд и Роуди, стиснув зубы, принимали эти удары. И отвечали. Тоже в полную силу. Но и они — Калаэн видел это в каждом их движении — всякий раз уводили клинки и кулаки чуть в сторону от жизненно важных точек. Они не могли ударить мать по-настоящему.

Это был танец. Дикий, яростный, полный боли и отчаяния танец, где смерть стояла за плечами, но не смела вмешаться.

Калаэн бился наравне с ними, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что они, трое взрослых мужчин, двое из которых — перевертыши высшей пробы, — едва сдерживают одного человека. Женщину. Которая не хотела их убивать, но и не собиралась проигрывать.

Ее удары сыпались градом. Она уходила от их атак с грацией, от которой захватывало дух, и возвращала сторицей. Роуди, пропустив очередной удар, отлетел к алтарю и замер на мгновение, пытаясь отдышаться. Эд, прикрывая брата, принял на блок серию выпадов, от которых у него самого подкосились ноги.

И тогда Калаэн увидел брешь.

Она открылась на долю секунды. Тень никогда не позволяла себе такого, но трое против одного, пусть и сдерживающих удары, делали свое дело. Она устала. Ее дыхание сбилось, плечо дернулось, открывая бок.

Калаэн не думал. Он просто двинулся, так, как учил своих солдат, как делал это сотни раз в бою. Его кулак, сжатый до боли в костяшках, врезался ей под ребра. Ровно настолько, чтобы сбить дыхание, но не сломать. Она охнула — беззвучно, одними губами — и на мгновение замерла.

Этого хватило Эду. Его рука, сжимавшая саблю, дернулась в неуловимом движении, которому она научила его в детстве, показывая на деревянных манекенах. Клинок описал короткую дугу и плашмя, со всей силы, ударил ее по затылку.

Тень осела на пол. Мягко, почти бесшумно, как падает подкошенный цветок.

В храме воцарилась тишина. Только тяжелое, рваное дыхание четверых людей нарушало ее.

Роуди рухнул на колени, упираясь руками в пол и пытаясь отдышаться. Эд стоял, глядя на неподвижное тело матери, и его лицо было белым, как мел. Сабля выпала из его внезапно ослабевших пальцев и с лязгом покатила по каменным плитам.

Калаэн, сам едва держась на ногах, медленно опустился рядом с ней. Прижал пальцы к ее шее, проверяя пульс. Бьется. Ровно, сильно, как всегда.

— Жива, — выдохнул он.

Роуди шумно выдохнул и сполз на пол, привалившись спиной к стене.

— Боги... — прошептал он. — Мы только что... вырубили маму.

Он помолчал, растирая ушибленное плечо, и добавил тише:

— Она нас жалела. Если бы не жалела... мы бы тут все лежали. По-настоящему.

Эд молчал. Он смотрел на мать, и в его серо-голубых глазах, обычно таких холодных и спокойных, сейчас плескалось что-то, чему Калаэн не мог подобрать названия. Боль? Стыд? Гордость?

— Она правда собиралась... одна. На Фернуха, — тихо сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Собиралась, — подтвердил Калаэн, все еще держа ее руку в своей. — И пошла бы. И, скорее всего, сделала бы это.

Роуди, отдышавшись, посмотрел на неподвижную мать, потом на генерала.

— А мы... мы правильно сделали? Что остановили?

Калаэн встретил его взгляд.

— А ты как думаешь?

Роуди помолчал. Потом перевел взгляд на брата, который так и стоял, глядя на мать, не в силах пошевелиться.

— Думаю, она нас убьет, когда очнется, — криво усмехнулся он.

Эд наконец пошевелился. Он медленно опустил на корточки рядом с матерью и осторожно, почти невесомо, коснулся пальцами ее виска — там, где прошелся его удар.

— Прости, мам, — прошептал он так тихо, что Калаэн едва расслышал. — Мы не могли иначе.

Она не ответила. Просто лежала, беззащитная и уязвимая, впервые на памяти Калаэна не контролируя ничего.

— Надо уходить, — сказал он, поднимаясь. — У нас есть час, не больше. А потом, когда она очнется, нам лучше приготовить очень веские аргументы, почему мы это сделали.

Роуди фыркнул, поднимаясь с пола.

— Веские аргументы? Генерал, вы видели, как она дерется? Аргументы не помогут. Только быстрые ноги.

— И искреннее раскаяние, — добавил Эд, все еще не сводя взгляда с матери. — Очень искреннее. Но у нас другая проблема. Она же все равно вернется. Если уж решила, то ее ничто не остановит.

— Тогда я слушаю ваши предложения, лейтенант!

* * *

Сознание возвращалось рывками. Сначала она ощутила холод. Ледяной ветер, пробирающий до костей. Потом пришла боль в затылке, глухая, пульсирующая. А затем — ярость. Горячая, слепящая, выжигающая остатки тумана.

Аса дернулась.

И замерла, поняв, что не может пошевелиться. Ремни. Три широких армейских ремня, стянутых намертво, прижимали ее к шершавому стволу старого дерева. Ее собственные руки, ее собственное тело было спеленуто так тщательно, словно она была не матерью, а особо опасным преступником.

— Очнулась, — раздался голос Роуди откуда-то сбоку. В нем слышалась нервная, сбитая веселость. — И злая.

Аса повернула голову насколько позволяли ремни. Взгляд, который она метнула на сына, мог бы превратить камень в пепел. Роуди тут же перестал улыбаться и сделал полшага назад, спрятавшись за спину брата.

Эд стоял в двух шагах, прислонившись плечом к соседнему дереву. Его лицо было спокойным, но в серо-голубых глазах читалось то самое выражение, которое Аса видела лишь однажды. Когда он в двенадцать лет признался, что разбил любимую вазу Наллы, а потом добавил: «Но я склеил ее обратно, мам. Честно. Треснувшая, но целая».

Калаэна видно не было. Но она чувствовала его запах. Он был где-то рядом, за деревьями. И еще запах... лошадей? Много лошадей. И людей?

— Мам, — Эд шагнул ближе и медленно, очень медленно опустил на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне. — Только не убивай меня сразу. Выслушай сначала.

Аса дернулась в ремнях с такой силой, что дерево жалобно скрипнуло. Глаза ее горели черным огнем, пальцы скрючились, пытаясь хотя бы жестом выплеснуть всю ту бурю, что бушевала внутри. Но ремни держали крепко. Солдатская выделка, армейские узлы — не порвешь, если только не перекинутся.

— Я понимаю, что ты злишься, — продолжил Эд тем же ровным, убийственно спокойным тоном, от которого у Асы внутри все переворачивалось. Потому что этим тоном говорил с ней только один человек в мире, когда был абсолютно, непоколебимо прав. — У тебя есть на это полное право. Если бы меня так спеленали... я бы тоже хотел убить.

Он сделал паузу, давая ей выпустить пар хотя бы в этом безмолвном кипении.

— Но сейчас слушай.

Она замерла. Не потому, что послушалась. А потому что в его голосе появились те самые нотки, которые она очень хорошо знала. Твердые. Не терпящие возражений. И снова — эхо.

Аса смотрела на сына, привязанная к дереву, и впервые за долгие годы не могла прочитать собственного ребенка. Потому что сейчас, в этом свете, в этом тоне, в этом жесте руки, которым он поправил сбившуюся прядь волос, Эд был не ее мальчиком.

Он был кем-то другим. Кем-то, кого она знала очень давно. Кого ненавидела. Кого боялась. И кому, вопреки всему, до сих пор...

Она оборвала эту мысль, не дав ей оформиться.

— Там, в лагере Фернуха, не просто он один, — Эд говорил быстро и четко, как на военном докладе. — Там школа с действующими мекешами, учениками, учителями, охраной и магами. Мы вчетвером — это самоубийство. Даже если ты и бывший мекеш, а вы с Роуди волки. Даже с учетом того, что генерал дракон. Даже если...

Он на секунду запнулся, и в его глазах мелькнуло то, что Аса прекрасно поняла.

— Даже если у нас есть еще один скрытый козырь. Силы неравны. Ты это знаешь. Ты просто... не могла сейчас об этом думать.

Ремни скрипнули снова, но уже слабее. Аса смотрела на сына, и сквозь пелену ярости начинала пробиваться другая, ледяная мысль. Он прав. Будь она проклята, если он не прав.

— Поэтому мы сделали по-другому, — Эд кивнул куда-то в сторону, за деревья. — Генерал ушел за подкреплением. Король Дастрии давно хотел прижать Фернуха, еще с ахнастанской кампании. У него теперь есть законный повод и запрос от командующего армией.

Аса замерла окончательно. Подкрепление?

— Мы с Роуди, — продолжил Эд, и в его голосе впервые проскользнула легкая, почти незаметная гордость, — открыли портал. Так что мы возьмем их числом.

Он смотрел на нее, и в его взгляде было что-то такое, от чего у Асы вдруг защемило в глазах. Гордость. Смешанная с мольбой. И любовь. Та самая, безусловная, которую она никогда не позволяла себе принимать, но которую они дарили ей каждый день.

— Мы не дадим тебе умереть сегодня, мам, — тихо сказал Эд. — Прости, если это не то, что ты хотела. Но мы не могли иначе.

Между ними повисла тяжелая, звенящая тишина. Аса смотрела на сына, и ярость в ней понемногу остывала, сменяясь чем-то другим. Горьким. Теплым. Беспомощным.

Роуди осторожно высунулся из-за спины брата.

— Мы тут, кстати, скинулись, — сказал он, криво усмехаясь. — На ремни. Генерал свой отдал, мы с Эдом тоже. Так что ты теперь наша пленница, мам. Самый ценный трофей в истории.

Аса перевела на него взгляд. Роуди осекся и снова спрятался.

— Но если ты все еще хочешь нас убить... — донеслось из-за плеча Эдвина, — может, сначала поможешь нам разобраться с Фернухом? А потом уже пожалуйста. Мы даже стоять будем смирно. Честное слово.

Аса закрыла глаза.

Где-то вдалеке послышался тяжелый топот множества копыт. Приближались войска. Калаэн вел армию, чтобы закончить войну, которая началась между ней и Фернухом тридцать четыре года назад.

А два ее мальчика, сняв с себя ремни, чтобы спеленать собственную мать, сидели рядом и ждали, когда она перестанет быть обезумевшей мстительницей и снова станет... Тенью.

Она открыла глаза. Посмотрела на Эда. Потом на Роуди, который все еще прятался за его спиной.

И медленно, очень медленно, кивнула.

Один раз. Коротко.

Эд выдохнул. Роуди издал какой-то странный звук — то ли всхлип, то ли смешок.

— Развязывайте, — прошептала она одними губами.

Но Эд покачал головой.

— Нет, мам. Извини. Ты пойдешь с нами на Фернуха. Но развяжем мы тебя только перед самым началом атаки. Чтобы ты не наделала глупостей. — Он встал, отряхнул колени. — Это не только потому что мы тебе не доверяем. Но и потому что мы тебя слишком любим.

И он ушел в сторону приближающегося топота, оставив мать привязанной к дереву, смотрящую ему вслед глазами, полными слез, которые она так и не позволила себе пролить.

* * *

Войско подошло быстро. Аса слышала, как затихает топот, сменяясь приглушенными командами, звяканьем сбруи и тяжелым дыханием сотен людей и лошадей. Ее острый слух различал, как рассредотачиваются отряды, охватывая лагерь Фернуха полукольцом.

Она видела, как Роуди вернулся, взмокший, с побелевшими костяшками на сжатых в кулаки руках. Он встал за деревом, напряженно вглядываясь в сторону лагеря, и молчал. Эд появился следом, с картой в руках, которую тут же разложил на пне. Рядом с ним стоял Калаэн.

Аса рванулась, услышав его шаги. Ее пальцы скрючились, сжимая пустоту, а взгляд, которым она встретила генерала, мог бы, наверное, прожечь сталь. Он не должен был. Не имел права. Это ее месть. Ее война.

Калаэн подошел к дереву. Спокойно, будто прогуливаясь по собственному саду. На его лице не было ни тени раскаяния за то, что он сделал. Только легкая, едва заметная усмешка в уголках губ, от которой у Асы внутри все закипело с новой силой.

— Очнулась, — констатировал он, останавливаясь в шаге. Его голос звучал ровно, но в глазах плясали те самые чертики, которые она ненавидела и... которые раньше заставляли ее сердце биться чуть быстрее.

Он медленно, не спрашивая разрешения, опустился перед ней на корточки. Прямо как Эд несколько минут назад. Его руки потянулись к пряжкам ремней. Он начал их расстегивать.

Один. Второй. Третий.

И все это время он смотрел ей прямо в глаза. Спокойно. Уверенно. И с той же легкой, невыносимой усмешкой.

— Только не убивай сразу, — сказал он тихо, почти нежно. — Дай хотя бы договорить.

Аса дернулась, пытаясь высвободить руки, как только последний ремень упал на землю. Ее пальцы взлетели, готовые выплеснуть всю ту ярость, что копилась внутри.

«Убью!» — прочитал он по ее рукам без труда.

Этот жест он помнил очень хорошо. Калаэн лишь усмехнулся шире. Он не отшатнулся, не поднял руки в защитном жесте. Он просто смотрел на нее, и в его глазах было что-то такое... твердое. Уверенное. И абсолютно спокойное.

— Не убьешь, — сказал он просто.

Аса замерла, глядя на него во все глаза. Наглость. Невероятная, невозможная наглость. Он был уверен. Абсолютно. Почему? Откуда? Она сама еще минуту назад была готова разорвать его голыми руками. А теперь...

Она отвела взгляд. Первая. Потому что не могла больше смотреть в эти глаза, в которых было столько всего, что она не хотела видеть. Не сейчас.

Руки сами собой опустились.

— Я так и думал, — тихо сказал Калаэн, поднимаясь на ноги. Он протянул ей руку, помогая встать.

Аса оперлась на его ладонь, чувствуя, как затекшее тело слушается плохо. Ноги подкашивались, пришлось на мгновение опереться о его плечо. Он не воспользовался моментом, не прижал к себе. Просто стоял, давая ей опору, и ждал.

Она выпрямилась, отстранилась. И, не глядя на него, направилась туда, где Эд все еще стоял с картой, а вокруг уже клубилась подготовка к атаке.

Калаэн шел следом.

— Нам нужен план, — сказал он, подходя к пню. — Ты знаешь это место лучше всех.

Аса взглянула на карту. Обычная, армейская. Там были обозначены лишь примерные контуры лагеря, которые удалось разглядеть с высоты или снять с чужих слов. Этого было недостаточно. Слишком мало. Слишком опасно.

Она отодвинула Эда в сторону и взяла в руки огрызок угля, который Роуди использовал, чтобы делать пометки. Закрывает глаза на секунду, вызывая в памяти каждую деталь того места, где провела двенадцать лет.

А потом начала рисовать.

Рука двигалась быстро, уверенно, без единой запинки. На грубой карте проступали линии, которых не было ни на одном армейском чертеже. Казармы. Столовая. Тренировочные залы. Жилые блоки для мекешей разного возраста. Отдельно комнаты учителей. И в самом центре, окруженный тройным кольцом охраны и магических барьеров — дом Фернуха.

Она чертила, не останавливаясь, и те, кто стоял рядом, затаили дыхание. Калаэн смотрел на ее профиль, на то, как напряжены плечи, как пальцы, сжимающие уголь, не дрожат, и чувствовал, как внутри разрастается то самое чувство, которое он никак не мог в себе убить. Восхищение. Смешанное с нежностью. И с гордостью.

Закончив с внешним периметром, Аса принялась за внутренние помещения. И вот тут Роуди не выдержал.

— Мам, а это что? — он ткнул пальцем в небольшие квадратики, расположенные ближе к жилому сектору учителей, но отдельно от остальных.

Аса подняла на него взгляд. В ее глазах на мгновение мелькнуло что-то, от чего у Роуди похолодело внутри. А потом ее пальцы задвигались, объясняя.

«Комнаты для детей. Тех, кого забрали недавно. Самых маленьких».

Эдвин стоял рядом с генералом, шепотом переводя то, что говорила мать. Калаэн почувствовал, как внутри похолодело. Дети. Он знал, что Фернух забирает детей. Знал много лет. Но знать и видеть — разные вещи. Сейчас, на этой карте, которую чертила женщина, прошедшая через этот ад, эти маленькие квадратики обретали пугающую реальность.

— Их нужно вытащить в первую очередь, — сказал он, и голос его прозвучал глухо. — До начала основной атаки.

Аса кивнула. Один раз. Коротко.

— Я возьму этот отряд на себя, — Эдвин шагнул ближе к карте, вглядываясь в набросанные матерью линии. — Здесь, с южной стороны, есть подземный ход. Старый, его еще при постройке лагеря сделали. Фернух думает, что о нем никто не знает. Но мама знает.

Он поднял взгляд на Калаэна.

— Мы с Роуди пройдем туда до рассвета, пока они не сменили караул. Выведем детей через этот же ход.

— По периметру будут магические ловушки, — заметил Калаэн, глядя на карту. — Тень, ты их обозначила?

Аса снова взяла уголь. Ее пальцы, все еще немного дрожащие после недавнего плена, задвигались по бумаге, вычерчивая пунктирные линии вокруг детских блоков. Три круга. Один за другим. Символы рядом с каждым.

Эдвин, не отрывая глаз от ее рук, переводил:

— Первый круг — сигнальные заклинания. Второй — боевые, на уничтожение. Третий... — он запнулся. — Третий — опутывающие. Чтобы жертва не могла двигаться, но оставалась жива. Для пленников.

Калаэн сжал челюсть. Фернух не просто охранял своих «учеников». Он делал все, чтобы они не могли сбежать. Или чтобы их не могли выкрасть.

— Как их обойти? — спросил он.

Аса подняла на него взгляд. В черных глазах, видимых в прорезях маски, мелькнуло что-то, очень похожее на усмешку. Пальцы задвигались.

«Никак. Только отключить. У меня есть маячки».

— Маячки? — переспросил Калаэн

Эдвин, не дожидаясь, пояснил:

— Мамина разработка. Маленькие магические устройства, которые подавляют сигнальные заклинания на время. Она их готовила... — он запнулся, — давно. На всякий случай.

Калаэн смотрел на карту, на эти три круга, на маленькие квадратики детских комнат, и в голове его складывался план. Отвлекающий удар. Проход через подземный ход. Эвакуация детей до того, как Фернух поймет, что происходит.

— Хорошо, — сказал он. — Эдвин, ты ведешь отряд к детям. Роуди... — он повернулся ко второму брату, — ты с нами. В основную атаку.

Роуди кивнул, но взгляд его был прикован к картам.

— Здесь еще одно здание. За жилым блоком учителей.

Эдвин нахмурился.

— Да, мы его видели. Мам, сторожка?

Аса покачала головой. Пальцы задвигались быстрее.

«Нет. Там живут подростки. С четырнадцати до восемнадцати».

Калаэн перевел взгляд с ее рук на квадратики, которые она только что нарисовала. Поменьше, чем детские. Но больше, чем каморки прислуги.

— Их тоже нужно вытащить, — сказал он.

Роуди шагнул вперед.

— Я пойду туда. Пока вы отвлекаете внимание на основной лагерь, я проникну с восточной стороны. Здесь, — он ткнул пальцем в карту, — есть старый колодец. Он выводит прямо к прачечной. А оттуда до жилого блока рукой подать.

Аса покачала головой. Ее жест был резким, отсекающим.

«Нет».

Она обвела взглядом всех троих: своих сыновей, замерших в напряжении, и Калаэна, стоящего чуть поодаль с непроницаемым лицом. А потом ее руки задвигались снова, и в каждом жесте сквозила та холодная, расчетливая жестокость, которой научил ее Фернух.

«Это уже не дети. Это — мекеши. Незаконченные, но обученные. Они умеют убивать так же хорошо, как я в четырнадцать. Если не лучше».

Роуди побледнел, но попытался возразить:

— Мам, ну как же... они же...

«Они — убийцы. — ее пальцы резали воздух, как лезвия. — У них нет выбора. Фернух забирает детей и ломает их. Кого-то быстрее, кого-то медленнее. Но к четырнадцати годам от того ребенка, которым они были, не остается ничего».

Она сделала паузу, давая им осознать. В ее глазах стояла та самая пустота, которую Калаэн видел лишь однажды — в храме, когда она собиралась идти на Фернуха одна.

«Я знаю, потому что я была такой. И если, когда мы пойдем внутрь, они на вас нападут — не сомневайтесь. Бейте на поражение. Потому что они не будут сомневаться ни секунды».

Тишина повисла над поляной тяжелым, гнетущим облаком. Роуди смотрел на мать так, будто видел ее впервые. Эд молчал, его лицо было белым как мел. Только Калаэн не изменился в лице. Он подошел ближе и положил руку на плечо Асе.

— Мы поняли, — сказал он тихо, но так, чтобы слышали все. — Мы сделаем все, что нужно. А ты... — он заглянул ей в глаза, — ты сделаешь то, зачем пришла.

Аса встретила его взгляд. И впервые за этот вечер в ее глазах мелькнуло что-то, кроме ледяной ярости. Благодарность. Тихая, почти незаметная.

Она кивнула. Один раз. И снова повернулась к карте, объясняя расстановку сил, пути отхода и самые уязвимые места лагеря.

А Роуди, все еще бледный, отошел в сторону и долго смотрел на темнеющий вдалеке лагерь, где спали те, кого он минуту назад считал просто детьми.

Глава 4. Шанс и месть.

Все на холме ждали Эдвина.

Ночь стояла темная, безлунная, только звезды мерцали сквозь рваные облака, да где-то далеко, в лагере Фернуха, горели редкие огни. Ветер доносил запах дыма, лошадей и той особенной, тяжелой сырости, которая бывает перед рассветом.

Аса стояла у старого дуба, прислонившись спиной к шершавому стволу, и смотрела вниз, туда, где в низине, скрытый деревьями, темнел лагерь. Там, в этих каменных стенах, когда-то ломали ее. Там она потеряла голос, там потеряла всё, что можно было потерять, и еще немного сверху.

Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоял Роуди. Его обычно веселое лицо сейчас было бледным, осунувшимся, и он то и дело покусывал губу, глядя туда же, куда смотрела она.

— Мам, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — А что, если... если перенести заклинание с Фернуха на кого-нибудь другого?

Аса медленно повернула голову. В черных глазах, видимых в прорезях маски, мелькнуло удивление.

— У тебя же вышло, — продолжил Роуди, и голос его дрогнул. — Ты смогла. Может, тогда они и убивать нас не полезут? Нам меньше работы, да и потом... — он запнулся, глядя на лагерь. — Ты же вон, с Фернухом оставаться не захотела.

Аса смотрела на него долго. Очень долго. Потом ее рука поднялась, и пальцы сложились в медленный, тяжелый жест.

«Выбора не было. Да и потом... на всех магии не хватит. Это не так просто, как кажется».

Роуди слушал, и его лицо, и без того бледное, становилось все блее. Он перевел взгляд на лагерь, на темные очертания бараков, где спали подростки, которых завтра, возможно, придется убивать. Те, кто еще не успел стать монстрами. Те, кого еще можно было спасти.

— Хоть кого-нибудь спасти, — пробормотал он, и в голосе его было столько отчаяния, что у Асы внутри привычно сжалось всё в тугую, болезненный узел.

Калаэн, стоявший чуть поодаль и наблюдавший за ними, шагнул ближе. Его серые глаза в свете догорающего костра казались почти черными, и в них не было той командирской твердости, к которой привыкли солдаты. Было что-то другое. То самое, что Аса видела в повозке, когда он вернул ей кинжал. В столичной каморке, когда вытаскивал ее с того света. В Геларте, когда целовал под прицелом чужих глаз.

— Надо попытаться дать им шанс, — сказал он, и голос его прозвучал тихо, но твердо. — Если есть хоть малейшая возможность...

Он замолчал, собираясь с мыслями. Потом перевел взгляд на Асу.

— Перекидывай заклятие на меня, — сказал он. — Если кто-то из этих детей захочет сбежать... если кто-то из них сможет... я буду отдавать приказы, чтобы они могли жить.

Аса смотрела на него. В черных глазах, видимых в прорезях маски, плескалось что-то, чему она не могла подобрать названия. Страх? Надежда? Или то самое, что клокотало в нем самом, когда он смотрел на лагерь, где спали дети, которых учили убивать.

К генералу подошел Вирл, старательно держась на почтительном расстоянии от темной фигуры, застывшей у дерева. Его взгляд то и дело косился на женщину в маске, и в этих взглядах читалось то, что Аса видела в глазах солдат, когда те впервые сталкивались с ней. Страх. Уважение. И то особое, липкое любопытство, которое бывает перед чудовищем, когда не знаешь, кинется оно или нет.

Он помнил, как несколько часов назад, когда маги оглушили генерала и потащили его и двух лейтенантов к магическому portalу, мекеши готовились добить остатки отряда. Тогда,

в той суматохе, когда крики умирающих смешивались с рыком магических разрядов, а земля под ногами ходила ходуном, Вирл уже прощался с жизнью. Он видел, как заносится клинок над головой раненого сержанта. Видел, как двое мекешей, переговариваясь на своем гортанном наречии, уже выбирали следующую жертву.

А потом из леса что-то полетело.

Десятки мелких дротиков. Тонких, почти невидимых в сумерках, они вонзались в тела нападающих с тихим, чмокающим звуком, и мекешки падали один за другим, не успев даже вскрикнуть. Те, кто остался на ногах, заматались, пытаясь понять, откуда пришла смерть, но дротики доставали их везде. Из-за деревьев, из кустов, из самой земли, казалось.

А потом ветки деревьев раздвинулись.

И оттуда вышла она.

Женщина в маске. Вся в черном, с ног до головы, с кинжалами, поблескивающими в свете догорающих костров. Она шла не спеша, но в этой походке, в этой плавной, текучей грации было что-то, от чего у Вирла кровь застыла в жилах. Она шла, и мекешки, те, кто еще держался на ногах, падали перед ней, как подкошенные, потому что дротики все летели и летели, а потом в ход пошли кинжалы.

Вирл тогда подумал, что это один из легендарных хелтров вышел из леса. Тех самых, о которых рассказывают у костров, понижая голос и оглядываясь еще с ахнастанской компании. Тех, кто пожирает людей живьем, кто не оставляет свидетелей.

Но хелтры не спасают солдат. Хелтры не подходят к раненому сержанту и не перевязывают ему рану, пока вокруг дымится трупы.

А она подошла.

Она склонилась над сержантом, и Вирл видел, как ее пальцы в перчатках, еще секунду назад сжимавшие кинжал, осторожно, почти нежно, накладывают жгут на разорванную артерию. Как она достает из-за пазухи флягу и поит раненого, придерживая его голову. Как потом, поднявшись, смотрит на остатки их отряда — на живых, на мертвых, на тех, кто еще дышал, но уже не мог идти, — и в ее черных глазах, видимых в прорезях маски, нет ничего, кроме ярости.

Вирл тогда зашептал молитву богам. Он не был верующим, но в тот момент, глядя на эту женщину, на эти кинжалы, на эту маску, он подумал, что, наверное, так выглядят ангелы смерти. Не те, что в храмах, изображенные в красных одеяниях. А настоящие. Те, что приходят в ночь и забирают тех, кому пора.

Сейчас, стоя перед генералом и косясь на темную фигуру у дерева, он чувствовал то же самое. Только теперь она не убивала. Стояла неподвижно, прислонившись спиной к шершавому стволу, и смотрела на лагерь. И в этом взгляде, в этой неподвижности было что-то, от чего Вирлу хотелось опустить глаза и не смотреть. Потому что казалось, что она видит то, чего не видят другие. То, что скрыто за стенами, за магическими барьерами, за тысячами миль войны и смерти.

Стоило поблагодарить Эдвина за то, что тот послал сигнал матери по артефакту. Возможно, он проставится выпивкой.

— Ваша светлость, — Вирл кашлянул, прогоняя наваждение. — Лейтенант Эдвин вернулся. С отрядом.

Калаэн, стоявший у карты, поднял голову.

— Сколько?

— Семеро, ваша светлость. — Вирл запнулся, подбирая слова. — Они говорят... это все, кто был. В тех комнатах, где дети. — он снова запнулся, и его взгляд снова метнулся к Тени, будто ища у нее поддержки.

Калаэн сжал челюсть. Желваки на скулах заходили, и Вирл, знавший генерала не первый год, понял, что тот сдерживает ярость. Не ту, слепую, которая толкает на безрассудства. А ту, холодную, расчетливую, которая бывает перед самой опасной операцией.

— Где они сейчас? — спросил Калаэн, и голос его прозвучал ровно, буднично.

— Внизу, ваша светлость. В овраге, как вы и велели. Их укрыли, накормили. Лейтенант с ними.

Калаэн кивнул. Перевел взгляд на лагерь. Там, в низине, за деревьями, все еще горели огни, и дым, тонкий, едва уловимый, поднимался к небу, смешиваясь с предрассветной мглой.

— Пора, — сказал он.

Тень, стоявшая у дерева, медленно отлепилась от ствола. Шагнула вперед, и в этом движении, бесшумном, плавном, было столько готовности, что Вирл невольно отступил на шаг. Она подошла к карте, склонилась над ней, и ее палец в перчатке ткнул в точку, обведенную красным.

«Здесь. Самый слабый участок. Охрана меняется через десять минут. Если ударить сейчас...»

Она не договорила. Не нужно было. Калаэн кивнул, и в его серых глазах, подсвеченных догорающим костром, загорелся тот самый огонь, который Вирл видел перед каждой операцией, где на кону были жизни.

— Вирл, — голос генерала зазвенел сталью. — Передай Эдвину: пусть готовит детей. Как только услышат шум — уходят по туннелю. Ни звука. Ни одного.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Вирл козырнул и, стараясь не смотреть на Тень, развернулся и зашагал прочь. Но краем глаза, уже на спуске, он видел, как она поправила маску. Как ее рука скользнула к поясу, где висели кинжалы. Как она, не глядя на генерала, шагнула в темноту, туда, где за деревьями чернел лагерь.

И Вирл, глядя на эту фигуру, растворяющуюся в предрассветной мгле, подумал, что, наверное, сейчас он видит то, что увидят немногие. Как рождается чудо. Или как умирает надежда. В зависимости от того, чем все кончится.

Он зашептал молитву снова. И пошел вниз, к оврагу, где в темноте, прижавшись друг к другу, сидели семеро детей, которых Эдвин вывел из ада. И ждали. Того же, чего ждали все они. Рассвета.

* * *

Атака началась, когда первые лучи рассвета только тронули верхушки сосен.

Тень двинулась первой. Бесшумно, как умела только она, скользя между деревьями, сливаясь с тенями, которые отбрасывали вековые стволы. Калаэн шел за ней, на шаг отставая, и его дыхание было ровным, спокойным. Командующий, идущий в бой, а не за спиной солдат.

За ними, рассыпавшись веером, двигались остальные. Две сотни отборных бойцов, те, кто умел драться в темноте, в тесноте, там, где не нужны ни строй, ни знамена. Те, кто не боялся умереть.

Лагерь Фернуха встретил их тишиной.

Сначала Тень подумала, что они успели. Что маги, усыпленные беспечностью, не заметили приближения, что часовые, убаюканные долгой ночью, клуют носами на постах. Но нюх, который никогда не врал, завопил ледяным колоколом за секунду до того, как первый огненный шар ударил с восточной башни.

— В укрытие! — рявкнул Калаэн, и его голос, усиленный магией, перекрыл грохот.

Земля вздрогнула. Взрывная волна швырнула Тень на землю, и она, перекатываясь, ушла за выступ скалы, чувствуя, как по спине текут горячие осколки. Рядом, тяжело дыша, прижался к камню Калаэн. Его лицо было бледным, но спокойным, только глаза горели тем холодным, расчетливым огнем, который она знала так хорошо.

— Тридцать два, — сказал он, не глядя на нее. — Учителя, маги, взрослые мекеши. Я насчитал пятнадцать.

Тень кивнула. Она тоже считала.

Бой завязался сразу, с той ожесточенной, беспощадной яростью, которая бывает только у загнанных в угол зверей. Маги били заклинаниями, мекеши рубились в ближнем бою, и воздух наполнился запахом гари, крови и того особенного, тошнотворного духа, который остается после боевой магии.

Тень работала кинжалами, уходя от ударов, нанося свои, и краем глаза следила за полем боя. Калаэн прикрывал ее спину, и его шпага, которую он редко обнажал в таких схватках, сегодня была в руке с самого начала. Он рубил, колол, отбивал удары, и Тень чувствовала его дыхание за своей спиной, чувствовала, как он устал, как тяжело ему дается каждый шаг.

А потом она увидела их.

Подростки. Одиннадцать человек. Они выбежали из-за бараков, и в их руках были мечи. Не учебные, а настоящие, боевые, с зазубринами на лезвиях, которые оставляют только убийства. Их лица были бледными, глаза пустыми, и в этой пустоте было что-то, от чего у Тени внутри привычно сжалось всё в тугую, болезненный узел.

Она знала эти лица. Не их. Те, другие. Те, кого она видела в зеркале много лет назад, когда впервые взяла в руки кинжал и пошла на задание. Те же пустые глаза. Та же механическая, заученная жестокость.

Шестеро побежали прямо на них, с мечами наголо, с криками, в которых не было ничего человеческого. Только ярость. Только боль. Только то, что в них вбили годами тренировок и унижений. А вот другие пятеро, бросив мечи, двинулись в сторону леса, надеясь исчезнуть.

Роуди, стоявший чуть в стороне, прикрывая фланг, вскинул руку. Его пальцы сложились в замысловатый жест, губы зашевелились, выплевывая слова заклинания. Оглушающее. Тетино любимое. То, которому мать учила его долгими вечерами, когда он был еще мальчишкой.

Первый подросток споткнулся на бегу, схватился за голову и рухнул лицом в землю. Второй — тоже, но третий увернулся, и оглушающее прошло мимо, ударив в стену барака, оставив на ней черную, обугленную отметину.

Тень поморщилась.

Всего год на южной заставе, и вот результат! Уже мажет! Когда он успел разучиться? Когда перестал тренироваться? Когда решил, что война — это только бои и походы, а не ежедневная, изнурительная работа над собой?

Ничего. Теперь она займется им. Лично. Будет у нее все выходные отрабатывать заклятия. С утра до ночи, пока пальцы не начнут складываться в жесты сами собой, пока не сотрется в кровь, пока не забудет, что такое промахиваться. Она его мать, в конце концов. А матери не позволяют своим детям становиться плохими солдатами, иначе потом эти дети становятся мертвыми.

Все это она думала, стоя спина к спине с Калаэном, в центре боя, где вокруг свистели стрелы, взрывались заклинания, и воздух был тяжелым от запаха крови и гари.

Она парировала удар, ушла в пережат, вскочила и полоснула кинжалом по горлу наседающего мекеша. Кровь брызнула на маску, теплая, липкая, и она, не вытираясь, шагнула вперед, заслоняя Калаэна от нового удара.

— Четверо, — сказал он, не оборачиваясь. — Осталось четверо.

Она не ответила. Не могла. Только рубанула наотмашь, отбрасывая очередного врага, и снова встала спина к спине, чувствуя, как тяжело бьется его сердце сквозь ткань мундира.

Роуди, наконец, справился. Третий подросток упал, сбитый оглушающим с ног. Четвертый замер, оглядываясь, и в его пустых глазах мелькнуло что-то, очень похожее на страх. Он продолжал бежать в лес. Туда, где, наверное, надеялся спрятаться, затеряться, выжить. Не успел. Заклятие оглушило его у самой опушки.

Тень смотрела ему вслед. Пятый лежал на земле, без сознания, и его меч, выпавший из руки, тускло поблескивал в свете догорающих костров. Шестой, самый младший, с ужасом

смотрел на Роуди, и в его глазах, еще не до конца пустых, плескалось что-то, чему она не могла подобрать названия.

— Не трогайте его, — сказал Калаэн, перехватив ее взгляд.

Тень кивнула. Один раз. Коротко. И снова повернулась к бою, потому что взрослые мекешы все еще были здесь, и маги все еще били заклинаниями, и учителя, те, кто когда-то учил ее, стояли насмерть, не желая сдаваться.

Пятнадцать. Она считала. И знала, что каждый из них — это чья-то жизнь. Чья-то смерть. Чей-то выбор, который они сделали много лет назад, когда согласились стать частью этой машины.

Она убивала их. Одного за другим. Холодно, расчетливо, без жалости. Потому что если бы не она, они убили бы ее. Или Калаэна. Или Роуди. Или тех детей, что сидели сейчас в овраге и ждали рассвета.

Но внутри, там, где она прятала свои самые темные, самые запретные мысли, что-то тихо плакало.

Она думала о том, что когда-то, очень давно, она могла остаться такой, как они. Если бы не Тайми. Если бы не Налла. Если бы не Йэфа. Если бы не... он.

Калаэн.

Который стоял сейчас за ее спиной, прикрывая ее от ударов, и дышал тяжело, часто, но не отступал ни на шаг.

Она рубанула еще раз. И еще. И еще.

А когда последний мекеш упал, когда маги, исчерпав резервы, подняли руки вверх, сдаваясь, когда учителя, те, кто еще был жив, замерли, глядя на нее с ненавистью и страхом, она позволила себе выдохнуть.

Всего на секунду.

— Чисто, — сказал Калаэн, оглядывая поле боя. — Магов — вязать. Мекешей, кто не желает сдаваться — добить.

А Тень медленно пошла, к дому, что стоял в самом центре лагеря.

* * *

Дом Фернуха был сложен из темного, почти черного камня. Небольшой, но крепкий, с узкими окнами-бойницами и тяжелой дубовой дверью, окованной железом. Он стоял в самом сердце лагеря, окруженный тройным кольцом охраны, которое они уже прошли. Там, где еще час назад стояли мекешы, теперь лежали тела. Кто-то был мертв, кто-то просто без сознания. Тень не смотрела на них. Она шла к двери, и каждый шаг отдавался в висках глухой, пульсирующей болью.

Толкнула дверь. Та подалась с глухим, протяжным скрипом.

Внутри пахло иначе, чем снаружи. Не кровью, не гарью, не страхом. Дорогим табаком, воском и той особенной, въедливой затхлостью, которая бывает в домах, где живут одни мужчины. Прихожая была тесной, с вешалкой для плащей и рядом сапог, аккуратно выставленных у стены. Порядок. Фернух любил порядок. Он всегда говорил, что беспорядок в доме ведет к беспорядку в голове.

Тень прошла дальше, в гостиную.

Он стоял у камина.

Фернух был в темном, дорогом камзоле, при боевой сабле с потертой рукоятью и царапинами на гарде. Он держал ее в правой руке, опустив острием в пол, и смотрел на огонь. Услышав шаги, медленно повернулся.

Лицо его было спокойным. Почти умиротворенным. Глубоко посаженные глаза, цепкие, ничего не упускающие, смотрели на нее без страха. Без ненависти. Только с тем холодным, оценивающим вниманием, которое она помнила с детства.

— Аса, — сказал он, и голос его, сухой, скрипучий, прозвучал в тишине гостиной глухо, почти приветливо. — Я знал, что ты придешь. Вопрос был только в том, когда.

Она молчала. Стояла у двери, сжимая в руке кинжал. Кровь из раны на плече капала на паркет, оставляя темные, влажные пятна.

— Сильно, похоже, ты своего дракона зацепила. Если ради того, чтобы ты могла отомстить, он целую армию привет.

Она не ответила. Только сделала шаг вперед.

Фернух усмехнулся. Усмешка вышла кривой, безрадостной, и в ней не было той ледяной насмешки, которую она помнила по школе. Было что-то другое. Усталость. И странное, почти отеческое сожаление.

— Что ж... — сказал он, поднимая саблю.

И бросился в атаку.

Он был быстр. Быстрее, чем она ожидала. Сабля свистнула в воздухе, целя в голову, и Тень едва успела уйти в пережат, чувствуя, как лезвие срезает волосок на виске. Она откатилась к стене, вскочила, выхватывая второй кинжал.

Фернух наседавал. Удары сыпались градом, каждый был выверен, точен, смертоносен. Он не щадил сил, не экономил дыхание, бил так, будто знал, что это его последний бой. И, может быть, так и было.

Тень отбивалась. Уходила, парировала, снова уходила. Кинжалы в ее руках мелькали, как молнии, отражая удары, нанося ответные. Но Фернух был опытен. Он знал ее приемы, знал ее слабые места, знал, куда она ударит, прежде чем она успевала подумать.

Он достал ее.

Лезвие сабли скользнуло по ребрам, неглубоко, но больно. Кровь хлынула, пропитывая рубашку, и Тень, стиснув зубы, ударила в ответ. Кинжал чиркнул по его предплечью, но Фернух не отступил. Только оскалился, и в его глазах, в этих глубоко посаженных, цепких глазах, мелькнуло что-то, очень похожее на азарт.

— Годы, Аса, — выдохнул он, нанося новый удар. — Годы берут свое. Но не у меня.

Он врал. Она видела это. Видела, как дрожит его рука, когда он заносит саблю для удара. Как сбивается дыхание, когда он делает выпад. Как пот, выступающий на лбу, смешивается с кровью из царапины на щеке. Он старел. Он был уже не тем Фернухом, который учил ее убивать. И она воспользовалась этим.

Тень ушла вниз, под его защиту, и кинжал вонзился ему в запястье. Фернух вскрикнул — коротко, сдавленно — и сабля выпала из ослабевших пальцев, с лязгом покотившись по паркету.

Он замер.

Стоял, прижимая раненую руку к груди, и смотрел на нее. В его глазах не было страха. Только усталое, спокойное принятие того, что должно было случиться рано или поздно.

— Садись, — сказала она. Беззвучно, одними губами, но он прочел.

Фернух усмехнулся. Опустился в кресло у камина. Откинулся на спинку, вытянув ноги к огню. Жест был почти домашним, будто он не ждал смерти, а просто решил отдохнуть после долгого дня.

Тень шагнула к нему. Кинжал в руке был тяжелым, теплым от крови. Она подняла свободную руку, и магия, покорная, как всегда, потекла по пальцам, сплетаясь в заклинание. Веревка, лежавшая на столике у окна, взметнулась в воздух, обвила его запястья, локти, грудь, прижимая к спинке кресла.

Фернух не сопротивлялся. Сидел, глядя на нее, и в его глазах, в этих глубоко посаженных, цепких глазах, мелькнуло что-то, очень похожее на одобрение.

— Ты стала сильнее, — сказал он. — Я всегда знал, что из тебя выйдет толк.

Она не ответила. Стояла перед ним, сжимая кинжал, и чувствовала, как кровь из раны на плече течет по руке, капает на пол, смешиваясь с его кровью.

— У меня была хорошая жизнь, Аса, — сказал Фернух, и голос его, хриплый, усталый, прозвучал в тишине почти мечтательно. — Я сделал то, что хотел. Я создал то, что останется после меня. Мекеши. Мои дети. Мое наследие.

Он замолчал. Смотрел на огонь, на пляшущие языки пламени, и в его глазах, в этих глубоко посаженных, цепких глазах, не было ничего, кроме спокойной, ледяной гордости.

— Я ни о чем не жалею, — сказал он. — Ни об одном ударе. Ни об одном приказе. Ни об одной смерти. Я делал то, что должен был. И если бы мне дали еще один шанс, я бы сделал это снова.

Тень слушала. Стояла, сжимая кинжал, и чувствовала, как внутри, там, где должна была клокотать ярость, разливается странная, ледяная пустота. Она ждала этого момента годы. Ждала, когда сможет посмотреть ему в глаза и сказать: *«Ты проиграл. Ты умрешь. И никто не вспомнит твое имя»*.

Но слова застревали в горле. Потому что он был прав. Его наследие останется. Мекеши, которых он воспитал, будут жить. Кто-то продолжит его дело. Кто-то, как она, сбежал. Кто-то, как Дешмер, найдет свободу. Но все они будут носить в себе его отпечаток. Его уроки. Его жестокость. Его умение выживать.

— Что ж, — сказал Фернух, глядя на нее. — Кончай. Не тяни.

Тень смотрела на него. На это лицо, которое помнила с детства. На тонкий шрам у ворота, который сама оставила. На глаза, в которых сейчас не было ни страха, ни мольбы. Только спокойное, почти торжественное ожидание.

Она опустила кинжал.

Рука скользнула в карман его камзола, туда, где, она знала, он всегда носил отравленную иглу. Нащупала, вытащила. Тонкая, острая, с едва заметным маслянистым блеском на кончике. Фернух держал ее для врагов. Для тех, кто мог попытаться убить его. Она пригодилась для него самого.

Она зажала иглу в пальцах, поднесла к его шее. Там, где кожа была тонкой, а артерия близко. Фернух смотрел на нее, не мигая. В его глазах, в этих глубоко посаженных, цепких глазах, мелькнуло что-то, очень похожее на удовлетворение.

— Умно, — сказал он. — Ум всегда был твоей сильной стороной.

Она уколола.

Игла вошла легко, почти невесомо. Фернух дернулся, открыл рот, но звука не вырвалось. Только хрип, сдавленный, умирающий. Его глаза, широко открытые, смотрели на нее, и в них, в последний раз, мелькнуло что-то, чему она не могла подобрать названия. Гордость? Облегчение? Или то самое, странное, почти отеческое, что она иногда видела в его взгляде, когда он думал, что никто не смотрит?

Он умер быстро. Яд был хорош, и Фернух, как всегда, не поскупился на качество. Тело его обмякло, голова откинулась на спинку кресла, и только глаза, все еще открытые, смотрели в потолок, где плясали тени от дгорающего камина.

Тень стояла, глядя на него. Сжимала в руке иглу, с которой все еще капал яд. Кровь из раны на плече текла по руке, капала на паркет, смешиваясь с его кровью.

Она не чувствовала ничего. Ни триумфа, ни облегчения, ни той сладкой, долгожданной свободы, о которой мечтала все эти годы. Только пустоту. Глухую, вымораживающую пустоту, от которой хотелось выть.

Волчица внутри нее тихонько заскулила. Ей не нравилось то, что происходило. Ей не нравился запах. Ей хотелось, чтобы они ушли.

В комнате было тихо. Только огонь потрескивал в камине да где-то далеко, за стенами, слышались приглушенные крики и лязг стали. Бой затихал.

А потом дверь открылась.

Калаэн шагнул в гостиную, и его лицо, бледное, осунувшееся, с темными кругами под глазами, было спокойным. За его спиной, чуть позади, стоял Роуди. Молодой, с растрепанными волосами и перепачканным сажей лицом, он смотрел на Тень, на тело Фернуха, на кинжал в ее руке, и в его глазах плескалось что-то, чему она не могла подобрать названия. Ужас? Облегчение? Или то же самое, что klokотало в ней самой?

Калаэн шагнул к ней. Остановился в двух шагах, не приближаясь, не нарушая ту невидимую границу, которую она выстроила между ними.

— Тень, — сказал он тихо. — Ты как?

Она не ответила. Стояла, глядя на тело Фернуха, и чувствовала, как кровь из раны течет по руке, капает на пол. Потом медленно, очень медленно, развернулась.

И вышла.

Не глядя на него. Не глядя на Роуди. Не глядя на тело человека, который отнял у нее все. Который дал ей все. Который научил ее убивать, выживать, не чувствовать.

Она шла по коридору, мимо тел, мимо пленных, мимо солдат, которые расступались перед ней, глядя во все глаза. Мимо Вирла, который крикнул что-то, но она не услышала. Мимо какого-то майора, который хотел остановить ее, но не посмел.

Она вышла на улицу. Ночной воздух ударил в лицо, холодный, свежий, пахнувший дымом и кровью. Звезды висели низко, тяжело, будто оплакивая кого-то. Или что-то.

Но где-то в глубине, там, где еще теплилась жизнь, разгорался маленький, слабый огонек. Свобода. Настоящая. Без оглядки. Без страха.

Глава 5. Просто Аса

Огонь догорал.

Там, за линией деревьев, где еще час назад стоял лагерь Фернуха, сейчас полыхало зарево. Драконье пламя не щадило никого и ничего — ни постройки, ни тела тех, кто предпочел смерть плену. Вместе с ними сгорел и сам Фернух. Аса видела, как Калаэн, уже в человеческом облике, стоял у края пожарища и смотрел, как обращаются в пепел останки того, кто тридцать четыре года назад украл ее жизнь.

Она сидела у костра.

Не того, большого, общего, вокруг которого грелись солдаты и сустились лекари. А своего, маленького, который она развела в стороне, подальше от всех. Ей нужна была тишина. Нужно было переварить то, что случилось.

Мертв.

Мысль билась в голове, как загнанная птица о прутья клетки. Снова и снова.

Мертв. Мертв. Мертв.

Фернух мертв.

Она сама вонзила в него иглу, которую он всегда носил в кармане. Отравленную. Для врагов и непослушных мекешей. Для тех, кто пытался бежать. Для нее, если бы она когда-нибудь оступилась.

Аса смотрела на свои руки. На пальцы, которые еще помнили, как кололи его шею. Они не дрожали. Вообще.

Почему они не дрожат?

Она убила его. Сама. После двенадцати лет рабства, после смерти родителей, после всего, что он с ней сделал. После двадцати трех лет жизни в страхе. Она должна была чувствовать... что? Радость? Облегчение? Торжество?

Вместо этого внутри была только пустота. Огромная, выжженная пустота, как та поляна там, за деревьями. И в этой пустоте билась одна-единственная мысль:

Мертв.

Рядом, у большого костра, было шумно. Солдаты, уставшие после боя, но возбужденные победой, перешучивались, делились впечатлениями, кто-то уже достал флягу и пускал ее по кругу. Но Аса слышала не их.

Она слышала другое.

— ...ну иди сюда, мелкий, не бойся... хочешь хлебушка?

Голос молодого солдата, мягкий, почти сюсюкающий. Аса подняла голову и посмотрела туда, откуда он доносился.

У большого костра сидели дети.

Те, кого успели вытащить из подземелий и жилых блоков до того, как Калаэн спалил лагерь дотла. Самых маленьких, лет от пяти до десяти, было семеро. Они жались друг к другу, как испуганные зверьки, и смотрели на огромных, шумных солдат с легким недоверием. Один из военных, здоровенный детина с обветренным лицом, протягивал мальчишке краюху хлеба и улыбался так, будто пытался приручить дикого волчонка.

Мальчишка взял хлеб. Осторожно, двумя руками. Понюхал. И только потом откусил маленький кусочек.

Аса смотрела на это и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. Она знала этот взгляд. Этот жест. Эту осторожность. Сама когда-то так же смотрела на тех, кто протягивал ей еду в первые месяцы после того, как ее привезли сюда.

Рядом с маленькими сидели те, кто был постарше. Шестеро. От четырнадцати до восемнадцати. Те, кто уже прошел обучение. Те, кто уже убивал. Они не жались друг к другу. Они сидели поодаль, со связанными за спиной руками, и смотрели на солдат совсем иначе.

Настороженно. Почти враждебно.

В их глазах не было страха. Только холодная, расчетливая оценка. Они искали слабые места. Искали возможность. Искали способ выжить.

Аса знала и этот взгляд. Сама смотрела так на надсмотрщиков в первые годы, пока не научилась прятать глаза и играть роль.

Старшие молчали. Не просили еды, не пытались заговорить с солдатами. Просто сидели и ждали. Чего? Она не знала. Может быть, смерти. Может быть, шанса.

— Эй, вы как? — раздался голос молодого лейтенанта, обращенный к ним. — Может, хотите есть?

Ответом ему было молчание. Только пара пар глаз скользнула по его лицу, оценивая, запоминая, откладывая в копилку информации.

Лейтенант поежился и отошел.

Аса снова уставилась в огонь.

Они выживут. Те, кто младше, может быть, смогут забыть. Старшие...

Она не знала, что будет со старшими. Она знала только одно: они живы. Все. Потому что перед тем, как вонзить иглу в Фернуха, она успела перекинуть заклятие. С Фернуха на Калаэна.

Теперь они были привязаны к нему. Если он не отдаст им приказ две недели, то умрут в страшных муках. Но пока они живы. И будут жить, пока он помнит о них.

Он будет помнить, — подумала Аса. — *Он не такой, как Фернух.*

Шаги за спиной она слышала за секунду до того, как он опустился рядом на бревно. Не спросил, не предупредил. Просто сел.

Аса не обернулась.

Калаэн молчал. Смотрел в тот же огонь, что и она. Дышал тяжело, но ровно. От него пахло гарью, потом и кровью — чужой, не своей.

— Как ты? — спросил он наконец. Тихо. Без напора.

Аса дернула плечом. Один раз. Коротко.

Он кивнул, будто именно такого ответа и ожидал. Помолчал еще немного. А потом сказал то, ради чего, видимо, и пришел:

— Я понятия не имею, что с ними делать.

Он мотнул головой в сторону детей.

Аса наконец повернулась и посмотрела на него. В свете костра его лицо казалось высеченным из камня. Усталым, пропахшим дымом, но спокойным. Только в глазах читалась настоящая, не показная растерянность. Калаэн Глортейн, генерал, герцог, дракон, командовавший армиями и бравший неприступные крепости, понятия не имел, что делать с тринадцатью детьми, которых только что спас.

И от этого несоответствия — его силы и его беспомощности — у Асы вдруг защемило в глазах.

Она отвернулась, чтобы он не заметил. Посмотрела на тех, кого он спас. На маленьких, которые уже вовсю уплетали солдатский хлеб, и на старших, которые все еще сидели молчаливыми статуями.

Потом достала карандаш и бумагу, и снова, как много лет назад, написала ему на листке послание.

«Младших в приют. Я знаю там людей. Примут, выходят, обучат ремеслу. Им еще можно помочь забыть».

Калаэн кивнул, внимательно следя за движением ее карандаша.

«Старших... — Аса запнулась на мгновение, но продолжила. — Старших — в армию. Под твоё личное наблюдение. Дисциплина, порядок, жесткая рука. Им нужен хозяин. Если оставить без присмотра, то это может закончиться убийствами. Если посадить в тюрьму, то озвереют окончательно. Они привыкли подчиняться и исполнять приказы. Поэтому армия — единственное место, где их энергию можно направить в нужное русло. Где они будут под контролем и одновременно... смогут стать кем-то другим».

Калаэн читал, не перебивая. А когда она закончила, на его губах появилась та самая кривая усмешка, его, фирменная.

— В приют и в армию, — повторил он. — Коротко и по делу. Ты всегда так, да?

Аса пожала плечами.

— Ладно, — он поднялся, отряхивая штаны. — Значит, так и сделаем. Младших... спасибо, я приму твою помощь. Со старшими разберусь сам. — Он помолчал секунду, глядя на нее сверху вниз. — Ты как, справишься? Посидишь еще?

Аса кивнула. Не оборачиваясь.

Она слышала, как он уходит, как подзывает кого-то из офицеров, как начинает отдавать распоряжения. Голос у него был ровный, уверенный, командный. Тот самый, под который она работала двадцать один год назад.

И смогла, наконец, расслабиться и выдохнуть.

“Мертв”, — снова стукнуло в висках.

Она посмотрела на небо, усыпанное звездами, на догорающее зарево там, где был лагерь, на детей у костра, которые понемногу начинали оттаивать под заботой солдат.

Мертв. Свободна. Жива.

Пустота внутри понемногу начала заполняться. Чем? Она еще не знала. Может быть, горем по тому, что никогда не вернуть. Может быть, надеждой на то, что еще можно исправить. Может быть, просто усталостью.

Но впервые за много лет это была ее пустота. Ее усталость. Ее жизнь.

Аса закрыла глаза и позволила себе просто сидеть. Слушать треск костра и голоса людей, которым она только что помогла выжить.

И ждать, когда внутри, наконец, перестанет биться это бесконечное:

Мертв. Мертв. Мертв.

* * *

Утро ворвалось резко — холодом, сыростью и первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь пордевшую листву. Калаэн продрог даже во сне, несмотря на то, что зарылся в плащ и лежал почти вплотную к тлеющим углям. Сказалась усталость. Он отключился, едва голова коснулась скатки, и не слышал ничего до самого рассвета.

Он сел, растирая затекшую шею. Тело ныло после вчерашнего, но это была приятная, солдатская ломота. Та, что проходит после хорошего завтрака и пары кружек горячего чая. Он потянулся, хрустнув позвонками, встряхнул головой, прогоняя остатки сна, и перевел взгляд туда, где вчера устроилась Тень.

И замер.

Она спала. Без маски.

Видимо, сняла вчера, когда он уже провалился в сон. Сняла и отложила куда-то в сторону, оставив свое лицо открытым. Впервые за все годы, что он ее знал.

Калаэн смотрел и не мог отвести взгляд.

Он был прав.

Она была красива. Не той броской, светской красотой, к которой он привык на балах и приемах, а другой. Глубокой, настоящей, словно высеченной из камня. Темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, блестели на утреннем солнце, как шелк. Густые, живые, непослушные. В такие хотелось зарыться, пропускать между пальцев, вдыхать аромат. Прямой нос, тонкий,

аристократический, придавал ее лицу породу, которую не купишь ни за какие деньги. Овал лица был четкий, благородный, без лишней мягкости, но и без резкости. Чувственные губы. Даже во сне чуть тронутые той редкой линией, которую он ловил лишь несколько раз.

И шрамы.

Их было немного, но они были. Тонкая белая полоска у виска, там, где когда-то прошло лезвие. Еще одна на скуле, почти незаметная, если не знать, куда смотреть. И самое страшное — у горла. Старый, заживший, но все еще различимый рубец, там, где когда-то...

Он сглотнул, прогоняя мысль. Не сейчас.

На вид ей было лет тридцать. Может, чуть больше. Для перевертышей и магов это норма — выглядеть моложе, чем есть на самом деле. Они жили дольше, и старели куда медленнее обычных людей. Его собственная мать была магом и в семьдесят выглядела на сорок, и никто не находил в этом ничего странного. Да и он сам, в свои восемьдесят внешне едва дотягивал до сорока. Аса... Асе было за сорок, но сейчас, в этом мягком утреннем свете, она казалась почти девчонкой. Только шрамы и та глубокая, неуловимая тень в чертах лица выдавали, сколько ей на самом деле пришлось пережить.

Она спала, откинув голову на импровизированное изголовье из своего же плаща, и дыхание ее было ровным и глубоким. Впервые за все время, что он ее знал, она спала по-настоящему. Без той внутренней настороженности, которая всегда чувствовалась в ней даже сквозь маску.

И рядом с ней, привалившись к ее боку и положив голову матери на плечо, спал Роуди.

Калаэн моргнул, не веря своим глазам.

Роуди. Молодой лейтенант, двадцати лет от роду, боевой офицер, прошедший не одну стычку, весельчак и балагур, спал, свернувшись калачиком у матери под боком, как маленький мальчик. Его лицо во сне было беззащитным, расслабленным, и в этой позе, в этом жесте было столько детской, трогательной доверчивости, что у Калаэна на мгновение перехватило дыхание.

Калаэн сидел неподвижно, боясь дышать слишком громко, боясь разрушить эту картину. Солдаты в отдалении уже начинали шевелиться, слышались приглушенные голоса, позвякивание котелков. Кто-то ставил воду для чая. Но здесь, у этого костра, время словно остановилось.

Он смотрел на Асу и видел в ней то, чего не замечал раньше. Не Тень. Не шпиона. Не ту, что хотел сделать своей любовницей. А просто женщину. Уставшую, сломленную, но выжившую. Которая сейчас, впервые за много лет, позволила себе быть слабой.

И он понял вдруг, что готов смотреть на это лицо каждое утро. До конца жизни. Что все его прошлые увлечения, все эти красивые, пустые женщины, которых он развлекал в своей постели, были просто... тенью. Бледной копией, по сравнению с ней.

Роуди во сне пошевелился, что-то пробормотал и еще крепче прижался к матери. Аса, не просыпаясь, машинально подняла руку и легонько провела по его волосам, успокаивая. Жест был таким привычным, таким естественным, что Калаэн почувствовал, как к горлу подступает ком.

Он медленно, очень медленно, чтобы не потревожить их сон, поднялся на ноги и отошел к большому костру, где уже начинали суетиться солдаты. Ему нужно было время. Нужно было переварить то, что он только что увидел.

Но одно он знал точно.

Он никогда не забудет это утро. И это лицо. И этого спящего парня, положившего голову на плечо матери.

Никогда.

Но время не ждало. Уже через час отряд, приведя себя в порядок и наскоро перекусив, выстроился у магического портала, который Эдвин и Роуди открыли на поляне. Воронка света мерцала в воздухе, переливаясь всеми оттенками синего, — нестабильная, капризная, но рабо-

тающая. Артефакторы королевства постарались на славу, когда несколько лет назад восстанавливали древние схемы переходов.

Калаэн, уже в седле, оглянулся на Тень.

Она стояла чуть поодаль, без маски, и в этом было что-то непривычное, почти неправильное. Ее лицо, открытое утреннему солнцу, казалось слишком уязвимым для той, кто провел половину жизни в тени. Темные волосы, стянутые в низкий пучок, выбившимися прядями обрамляли скулы. Она смотрела на портал с той особенной, напряженной настороженностью, которую Калаэн привык читать в ней за годы совместной работы.

Роуди, сияя, как начищенный медяк, первым направил коня к арке.

— Ну, мам, не отставай! — крикнул он, и в его голосе не было ни капли усталости, что терзала остальных. — Там, в Вайсфеле, обещают горячий обед и нормальную кровать. Я, между прочим, на земле в овраге спал, между корнями. У меня теперь спина, как у старого хрыча.

— У тебя спина, как у молодого нахала, — буркнул Эдвин, пропуская брата вперед. — Поезжай уже, не задерживай.

Роуди хмыкнул, подмигнул матери и скрылся в сияющей воронке. Эдвин, как всегда спокойный и сосредоточенный, кивнул генералу, перевел взгляд на мать, коротко улыбнулся уголками губ, и тоже исчез.

Аса шагнула к portalу, но на мгновение замерла, глядя на мерцающий свет. Ее пальцы, сжатые в кулаки, побелели на костяшках. Калаэн видел это. Видел, как напряглись ее плечи, как чуть заметно дрогнула щека там, где проходил старый шрам.

— Тень, — позвал он негромко.

Она обернулась. В ее черных глазах, тех самых, что он помнил по всем этим годам, плескалось что-то, чему он не нашел названия. Страх?

— После вас, — сказал Калаэн, жестом приглашая ее вперед. — Я замыкаю.

Она кивнула. Один раз. Коротко. И шагнула в свет.

Калаэн выдохнул, подхватил под уздцы коня, которого достал для нее из обозных запасов — гнедую кобылу с умными глазами и спокойным нравом, — и шагнул следом.

Переход занял несколько секунд. Искры закружились перед глазами, земля ушла из-под ног, а когда она вернулась, Калаэн уже стоял на дороге, ведущей к Вайсфелю. Вдалеке, на холме, темнели сторожевые башни форта. Родной, знакомый до каждой трещины на камнях.

Солдаты отряда уже выстраивались, проверяли снаряжение, перешучивались. Эдвин о чем-то говорил с Вирлом, кивая в сторону крепостных ворот. Роуди, уже успевший спешиться, крутился вокруг материнной кобылы, проверяя подпругу.

Аса стояла у дороги, глядя на форт. Ее лицо было бледным, руки опущены, но Калаэн заметил, как они мелко дрожат. Пальцы, еще несколько часов назад сжимавшие кинжалы, сейчас беспомощно висели вдоль тела, и в этой беспомощности было столько... всего. Усталости. Боли. Страха. Вот только перед чем? Все же закончилось. Теперь для нее все действительно закончилось.

Он подошел ближе. Остановился в шаге, не нарушая границу.

— Спасибо, Тень, — сказал он тихо, чтобы слышала только она. — За все.

Она повернула голову, взглянула на него. В черных глазах мелькнуло что-то. Удивление. Благодарность? Но она не ответила. Только кивнула.

И в этот момент с другой стороны кобылы вынырнул Роуди.

— Спасибо, Тень, — передразнил он, прищурившись и подражая генеральской интонации с такой точностью, что Эдвин, услышавший это с другого конца колонны, покачал головой. — А вы знаете, ваше сиятельство, что маму вообще-то зовут Ассанда? Или просто Аса.

Тишина повисла над дорогой такая густая, что стало слышно, как ветер шевелит гриву генеральского коня.

Аса медленно, очень медленно повернула голову к сыну. Ее глаза, казалось, метали молнии. Такой взгляд мог бы превратить камень в пепел, а человека — в воспоминание.

Роуди, поймав этот взгляд, ничуть не смутился. Он пожал плечами и широко улыбнулся своей обычной, озорной улыбкой.

— Мам, ну правда. Фамилия у нас звучная. И генералу твое имя узнать — раз и плюнуть. Что ты на меня глазами сверкаешь? — он наклонил голову, глядя на нее с притворным укором. — Это, между прочим, с одиннадцати лет уже не работает. Я вырос, знаешь ли. Меня теперь так просто не запугаешь.

Он шагнул к ней, нагнулся и чмокнул в щеку. Громко, по-сыновьи, ничуть не стесняясь солдат, которые уже всю таращились на эту сцену.

Аса замерла. Ее руки, все еще дрожащие, поднялись было, чтобы оттолкнуть нахала, но Роуди уже отскочил, ловко вскочил в седло своего коня и, весело насвистывая какой-то брагурный мотивчик, двинулся в сторону форта, даже не оглядываясь.

Эдвин, стоявший у обочины, покачал головой. Его лицо, обычно невозмутимое, тронула легкая, почти незаметная усмешка.

— Нужен тут еще? — спросил он, глядя на мать. Вопрос был риторическим, но Аса ответила. Отрицательно покачала головой.

Эдвин кивнул, козырнул генералу, кинул быстрый взгляд на мать — долгий, внимательный, проверяющий, — и, развернув коня, поехал следом за братом. Его спина была прямой, посадка — безупречной. Офицер. Солдат. Сын.

Калаэн смотрел им вслед. На Роуди, который уже что-то кричал часовым у ворот, размахивая руками. На Эдвина, который ехал чуть позади, спокойный и собранный, как всегда.

Потом перевел взгляд на Асу.

Она стояла у кобылы, держась за луку седла, и ее руки — он видел это так ясно, будто смотрел сквозь увеличительное стекло — мелко-мелко дрожали. Не от холода. Не от страха. От чего-то другого. Может от усталости, которую она не позволяла себе показывать? Или от напряжения последних дней, которое наконец давало о себе знать? От того, что она — жива. Свободна.

Он не знал.

— Аса, — позвал он. Впервые. Вслух. Ее имя, которое он узнал только сейчас, прозвучало в его устах непривычно, но правильно. Словно он ждал этого момента много лет.

Она подняла на него глаза. В черных глазах — бездна. Усталость. Боль. И что-то еще, чему он не мог подобрать названия. Надежда? Страх перед ней?

— Добро пожаловать, — сказал Калаэн.

И она, не ответив, взялась за поводья и, пересилив дрожь в руках, вскочила в седло. Легко, по-кошачьи, как умела только она. Кобыла под ней фыркнула, переступила копытами, но осталась на месте. Умная, спокойная, правильная.

Калаэн поднялся в седло, взял поводья.

— Колонна, — скомандовал он, и голос его зазвенел над дорогой, возвращаясь в привычное командное русло. — В форт! Шагом!

Солдаты зашевелились, подтянулись. Вирл, уже успевший переговорить с часовыми, махнул рукой, и колонна медленно двинулась вперед, к распахнутым воротам Вайсфеля.

Калаэн ехал рядом с Асой. Не впереди, не сзади. Рядом. Так, чтобы видеть ее профиль, ее напряженные плечи, ее руки, которые уже перестали дрожать, потому что она взяла себя в руки. Как всегда. Как умела только она.

Впереди, у самых ворот, Роуди спрыгнул с коня и что-то оживленно рассказывал капитану стражи, размахивая руками. Эдвин спешил следом, подошел к брату и молча положил руку ему на плечо, одергивая. Роуди тут же сбавил тон, но не перестал улыбаться.

Аса смотрела на них. На своих сыновей. И в ее глазах, в этих черных, бездонных глазах, впервые за много дней мелькнуло что-то теплое. Не улыбка. Она не умела улыбаться просто так, легко, как другие женщины. Но что-то очень на нее похожее.

Калаэн видел это. И понимал, что запомнит и этот момент тоже. Навсегда.

Колонна входила в Вайсфель, и где-то на башне уже били сбор, и солдаты выстраивались вдоль дороги, приветствуя генерала. Но Калаэн смотрел только на нее.

На женщину, которую он потерял двадцать один год назад.

И которую, возможно, только сейчас начинал находить.

* * *

Она не собиралась задерживаться.

Калаэн понял это сразу, как только они переступили порог комендатуры. Аса даже не села. Так и стояла у окна, сложив руки на груди, и смотрела на суету во дворе, пока он отдавал распоряжения, подписывал бумаги, которые Вирл подсовывал ему одно за другим, и делал вид, что целиком и полностью поглощен делами форта.

Он врал. Себе в первую очередь.

Потому что мысли его были не здесь. Не о донесениях, не о потерях, не о том, как король отреагирует на уничтожение лагеря Фернуха (положительно отреагирует, он был в этом уверен). Мысли его были о ней. О женщине, которая стояла сейчас у окна, залитая серым светом зимнего дня, и молчала.

Откуда у нее титул?

Вопрос засел занозой. Он уже успел, улучив момент, тихо спросить у Вирла, пока Аса поднималась наверх, чтобы умыться, переодеться (где и когда только Эдвин успел найти матери платье?) и собраться.

— Герцогиня Дельрины, — Вирл, как всегда, был сама осведомленность. — Запись о титуле внесена в реестровую книгу пять лет назад.

— За какие заслуги?

Вирл развел руками:

— Точных сведений нет, ваша светлость. Ходят слухи... — он запнулся, подбирая слова. — Говорят, она оказала короне неоценимую услугу. Какую именно — неизвестно. Но еще герцогиня владеет заводами, лавками, землями. И весьма успешно.

— Замужем?

Вопрос вырвался раньше, чем Калаэн успел его обдумать.

Вирл посмотрел на него с легким, едва заметным удивлением, но ответил ровно:

— Никогда не была, ваша светлость. И, по слухам, не стремится. Детей воспитывала одна.

Калаэн кивнул, делая вид, что вопрос был чисто формальным. Но внутри что-то царапнуло. Остро, ревниво, хотя права на эту ревность у него не было никакого.

Никогда не была замужем.

Значит, тот, кто стал отцом ее детей... кто бы это ни был... он не удостоился даже этого. Или она сама не захотела. Или...

Калаэн оборвал мысль. Не его дело. Не его. Он не имел права копаться в ее прошлом, выпрашивать, гадать. Она спасла ему жизнь. И имела полное право на свои тайны.

Но думать он вскоре просто не смог.

Бумаги сливались перед глазами, строчкиплыли, и он поймал себя на том, что в пятый раз перечитывает одно и то же донесение, не понимая ни слова.

— Ваша светлость? — Вирл, стоявший у двери, кашлянул. — Карета подана. Герцогиня спускается.

Калаэн отложил перо. Поднялся. Машинально поправил мундир, не глядя, потому что взгляд его уже был прикован к двери.

Шаги раздались на лестнице. Легкие, уверенные, почти неслышные. Но он уловил их. И замер.

Аса вошла в комнату, и у Калаэна перехватило дыхание.

Она была в темно-синем шерстяном платье. Простом, без единого украшения, но сидевшем на ней так, словно его шили по меркам, которые снимали сами боги. Ткань облегла плечи, грудь, талию. И скрывала все остальное, оставляя простор воображению. Длинные рукава, высокий ворот, никакого декольте. Ничего вызывающего, ничего лишнего. И при этом, крег его подери, как же это было красиво.

Калаэн сглотнул. Штаны, и без того тесноватые после долгой дороги, стали совершенно непригодны для ношения.

Он оценил взглядом ее стройную фигуру, и не нашел ни одного изъяна. Рождение двоих сыновей не испортило ее нисколько. Если не считать того, что добавило... кое-что. Той самой зрелой, уверенной женственности, которой нет у юных девчонок, но которая сводит мужчин с ума быстрее любой красоты.

«*Боги*, — подумал Калаэн, чувствуя, как кровь приливает к лицу, и надеясь, что никто не заметит. — *Что она со мной делает?*»

Волосы — темные, густые, живые — были убраны в строгий пучок на затылке. Ни одной выбившейся пряди. Идеальный порядок. Но Калаэн, глядя на этот пучок, думал только о том, как бы распустить его. Как бы провести пальцами по этим волосам, рассыпая их по плечам, чувствуя их тяжесть и шелк. Ей бы больше пошла другая прическа. Что-то более женственное. Что-то, что подчеркивало бы мягкость линии скул, игру света на темных прядях. Что-то, что он мог бы...

Она подняла на него взгляд.

Черные глаза — бездонные, спокойные, ничего не выражающие — скользнули по его лицу. Остановились на секунду. Потом опустились ниже. Туда, где мундир заканчивался, а штаны... штаны выдавали его с головой.

Калаэн замер.

Одна ее бровь слегка выгнулась. Совсем чуть-чуть, но он это заметил. И в этом изгибе было столько... насмешки? Понимания? Знания того, что она делает с ним, даже не прилагая усилий?

А потом она закатила глаза.

Медленно, выразительно, с таким видом, будто перед ней стоял не генерал, не герцог, не дракон, а нашкодивший щенок, который описал новый ковер.

И покачала головой.

Коротко, едва заметно, но Калаэн понял этот жест лучше любых слов. "*Мужчины*", — говорил он. — "*Вечно у вас одно на уме*".

Она на ходу натягивала тонкие, кожаные перчатки. Пальцы ее двигались быстро, уверенно, и он смотрел на эти пальцы, вспоминая, как они сжимали кинжалы, как рисовали карту, как складывались в жесты, которые он только начинал вспоминать.

— Герцогиня, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы уверены, что не хотите отдохнуть? Путь до столицы неблизкий, а вы...

Она остановилась. Посмотрела на него.

В ее взгляде не было ничего. Ни гнева, ни благодарности, ни той теплоты, которую он видел у костра, когда она спала без маски. Только ледяное, непроницаемое спокойствие.

И короткое движение головой — отрицательное.

Она не останется. Не здесь. Не с ним.

Калаэн кивнул, принимая выбор, который, впрочем, и выбором-то не был. Она всегда уходила. Всегда. И он, как дурак, всегда смотрел ей вслед.

— Тогда... счастливого пути, — сказал он.

Она уже взялась за дверную ручку, когда его голос остановил её — тихий, почти небрежный, но в нём чувствовалась та сталь, которую она так хорошо знала.

— Аса.

Она обернулась. Вопросительно подняла бровь.

— Откуда у тебя титул? — спросил он, скрестив руки на груди. — Герцогиня Дельрини. Ты не похожа на женщину, которой титул падает с неба просто так.

Аса замерла на пороге. Её пальцы, лежащие на ручке, чуть заметно сжались. В чёрных глазах мелькнуло что-то — не гнев, не раздражение. Скорее усталая насмешка над его настойчивостью.

Она медленно подняла свободную руку. Жест был коротким, рубящим — таким, каким отсекают нежелательный разговор.

«Это не твоё дело».

Калаэн открыл было рот, но она уже вышла, бесшумно притворив за собой дверь. Он остался стоять посреди комнаты, глядя на пустую дверную ручку, и усмехнулся — горько, одними уголками губ.

— Ладно, — сказал он пустоте. — Выясню сам.

Он подошёл к окну, проводил взглядом карету, выезжающую за ворота. Внутри, на сиденье, темнел её силуэт. Она не обернулась.

— Береги себя, — сказал он.

Через мгновение внизу хлопнула дверца кареты. Раздался голос Роуди, веселый, беззаботный: «Ну, мам, давай, устраивайся!» — и чей-то смех. Эдвина? Или кого-то из солдат?

Калаэн стоял у окна и смотрел, как карета, запряженная четверкой темных лошадей, выезжает за ворота форта. Как Роуди, сидящий на коне рядом с дверцей, что-то кричит часовым, машет рукой, провожая мать до ближайшей развилки. Как Эдвин, чуть позади, молчаливый и сосредоточенный, оглядывается на окно комендатуры. И, встретившись с генеральским взглядом, отворачивается первым.

Карета скрылась за поворотом.

Вирл, стоявший у двери, кашлянул:

— Ваша светлость, донесения...

— Оставьте, — сказал Калаэн, не оборачиваясь. — Через час. Я... мне нужно подумать. И найдите мне учебник по языку жестов.

Вирл, удивленный, ничего не сказал и вышел. Дверь закрылась.

Калаэн остался один.

Он смотрел на пустую дорогу, на снег, на серое небо, и думал о том, что только что видел. Темно-синее платье. Строгий пучок. Глаза, которые закатились, когда она поняла, куда он смотрит.

Она знала. Знала, что он хочет ее. Знала — и не боялась. Не смущалась. Не играла в ту игру, к которой он привык. Просто закатила глаза, покачала головой и ушла.

"Мужчины", — говорил ее жест. "Вечно у вас одно на уме".

И она была права.

Потому что у него действительно было одно на уме.

Калаэн провел рукой по лицу, прогоняя наваждение. Но образ — темно-синее платье, черные глаза, изогнутая бровь — никуда не уходил.

Он не забудет и этого.

Никогда.

Хочу сердечно поблагодарить PS Alisha, Ольгу Тихонову, Asmodel, Tania Normatov, Jelly Berry за награды к данной истории.

Также хочу поблагодарить всех, кто оставил награды к книге "Тень и генерал"! Огромное Вам спасибо!

Глава 6. Ночь над Фортом

Ночь над фортом была тихой и ясной, усеянной холодными бриллиантами звезд. Калаэн, отложив в сторону последние донесения, почувствовал потребность в глотке свежего воздуха и неспешной прогулке, чтобы размять затекшие мышцы. Он накинул темный плащ и вышел из своего кабинета, направляясь в сторону заднего двора.

Воздух был чист и прохладен, пахло дымом, хвойной хвоей и далеким предвестием осени. Из-за угла казармы доносились приглушенные звуки — тихий, мелодичный перебор струн и приглушенный шепот. Калаэн свернул за угол и остановился в тени высокого штабеля бочек.

Из темноты медленно выплыла картина, от которой у него на мгновение перехватило дыхание. У небольшого, аккуратно сложенного костра сидели двое. Младший лейтенант Эдвин Дельрины, склонившись над небольшим альбомом, что лежал у него на коленях, с упоением водил угольным карандашом. А рядом, прислонившись к брату и устроившись поудобнее, сидел его брат, Роуден. В руках у Роуди была походная гитара, и его пальцы лениво, почти неслышно, перебирали струны, извлекая тихие, задумчивые аккорды, сливающиеся с потрескиванием поленьев.

Они не разговаривали. Между ними царила та самая тихая, глубокая гармония, что возможна лишь между теми, кто связан не только кровью, но и душой. Калаэн замер, чувствуя себя сторонним наблюдателем, вторгшимся в чужое святилище.

Но долго оставаться незамеченным он не смог. Роуден, чей слух волка был несравненно острее человеческого, чуть заметно напрягся, а его пальцы замерли на струнах. Эд, почуяв перемену в брате, тут же оторвался от рисунка и поднял голову.

Их реакция была мгновенной и отточенной до автоматизма. Оба брата разом вскочили на ноги, вытянулись в безупречном строевом положении, под козырек. Ни тени недавнего расслабления не осталось на их лицах. Только собранность и уставное почтение.

— Господин генерал! — их голоса прозвучали почти синхронно, четко и громко, нарушая ночную тишину.

Калаэн, чувствуя легкий укол досады за прерванный мирок, сделал несколько шагов вперед, в круг света от костра.

— Вольно, лейтенанты, — отдал он короткий приказ, подходя ближе. — Прошу прощения, что потревожил.

Братья перевели дух, плечи их чуть расслабились, но осанка осталась выправленной. Они стояли, ожидая дальнейших указаний, как и положено младшим офицерам в присутствии командующего.

— Плохо спится в гарнизоне? — спросил Калаэн, чтобы разрядить напряженность, его взгляд скользнул по гитаре и альбому.

— Так точно, господин генерал, — первым ответил Роуден, все еще немного скованно. — Решили подышать воздухом. Устав не запрещает.

— Устав много чего не запрещает, — заметил Калаэн, и в его голосе прозвучала легкая усталость. Он посмотрел на Эда. — Рисуешь?

Эдвин, поймав его взгляд, чуть выпрямился еще больше, если это было возможно.

— Так точно, господин генерал. Виды форта. Для памяти.

Калаэн кивнул, его взгляд упал на гитару.

— А ты, Роуден, на чем специализируешься? Кроме строевых песен?

Роуди позволил себе легкую, почти незаметную улыбку.

— Люблю баллады и оперу, господин генерал.

Калаэн молча постоял еще мгновение, глядя на огонь, который притягивал как магнитом. Затем, приняв внезапное решение, он сбросил плащ с плеч и, не говоря ни слова, присел на сложенное у костра толстое бревно, оказавшись напротив братьев. Он чувствовал, как они оба снова напряглись, но лишь коротко кивнул: «Не обращайтесь на меня внимания. Приказ — расслабиться».

Сначала тишина была тягучей и неловкой. Но постепенно, видя, что генерал не собирается их проверять или отдавать приказы, а просто сидит, смотря в пламя, братья начали понемногу расслабляться. Первым сдался Роуден. Его пальцы снова нашли струны, и в ночь уплыла тихая, меланхоличная мелодия. Затем Эд, бросивший на Калаэна быстрый, оценивающий взгляд, снова склонился над своим альбомом, и вскоре послышался знакомый шелест угля.

И вот Калаэн сидел и смотрел на них. Приглушенный свет костра выхватывал из темноты их лица, и он не мог отвести глаз. Эдвин... был вылитая Аса. Тот же овал лица, те же четкие, благородные линии, тот же сосредоточенный изгиб бровей. Только глаза... Глаза у Эда были не черные, как уголь, а серо-голубые, холодные и ясные, как озерная вода в пасмурный день. Странно, но в их глубине таилось что-то неуловимо знакомое, какая-то далекая переключка, которую он не мог опознать.

А Роуден... С ним все было иначе. В его ухмылке, в озорном блеске черных, как смоль, глаз, в самой посадке головы читалось что-то неуловимо знакомое, что заставляло сердце Калаэна сжиматься по непонятной причине. Парень, должно быть, пошел в своего отца, кем бы он ни был. От Асы у него были разве что эти бездонные глаза. Но скулы, линия подбородка, волосы, что вихрились непослушной прядью на лбу, даже то, как он держал плечи — все это было чужим, и в то же время будто бы виденным где-то в глубине памяти.

Даром что близнецы. Природа будто нарочно разделила черты, дав каждому свое наследие.

В этот момент Роуди, поправляя гитару, неловко дернулся. Инструмент со скрипом выскользнул из его рук и грохнулся на землю. Пытаясь его поймать, парень задел плечом сложенную рядом стопку мешков с песком, которые тут же, с глухим стуком, опрокинулись.

— Крег! — вырвалось у Роудена, и он тут же метнулся ворочать тяжелые мешки обратно. Лицо его выражало целую гамму чувств — досаду на собственную неловкость, вину за беспорядок и раздражение на самого себя.

Калаэн не сдержал легкой усмешки. И в этот момент, глядя на это выразительное, совершенно не умеющее скрывать эмоции лицо, он подумал: «А вот теперь он точь-в-точь в мать». В этой непосредственной реакции, в этой искренности было так много от Асы.

Эд, не говоря ни слова, отложил уголь и встал, чтобы помочь брату водрузить мешки на место. Калаэн смотрел на них, на эту простую, братскую солидарность, и вдруг с неожиданной остротой подумал, что хотел бы иметь таких сыновей. Не солдат. Не подчиненных. Именно сыновей. Чтобы знать, что эта крепкая, верная дружба часть и его мира. Чтобы гордиться не только их воинскими успехами, но и вот этими простыми, человеческими моментами у ночного костра.

Он наблюдал, как Роуди, увлеченный музыкой, забывшись, тихо напевает что-то себе под нос, а Эд время от времени одергивает его жестом, чтобы не мешал концентрации. Он видел, как Эд, не глядя, протянул руку и поправил сбившуюся прядь на лбу у брата, и тот, не прерывая игры, машинально кивнул в ответ.

Горькая усмешка тронула его губы. Он так и не обзавелся семьей, потому что единственная женщина, которую он готов был видеть с собой рядом, решительно ему отказала. А теперь он сидел и смотрел на ее наследие. Они были бы гордостью любого отца и любого рода. Им овладело внезапное, настойчивое, жгучее желание узнать о том неведомом мужчине, который сумел завоевать сердце Асы и подарил жизнь этим удивительным парням.

— Король, — начал он, нарушая тишину, и оба брата тут же подняли на него взгляд, — намерен представить вас к награде. За операцию по спасению моей драконьей шкуры от Фернуха.

Он позволил себе легкую улыбку, стараясь говорить не как генерал с подчиненными, а почти как старший товарищ.

— Ваш отец, я уверен, будет за вас невероятно горд. Воспитать таких сыновей — уже подвиг. А уж ваши собственные поступки и вовсе делают ему честь.

Слова повисли в воздухе. И тогда произошло то, чего Калаэн никак не ожидал.

Братья переглянулись. Быстрый, стремительный взгляд, полный какого-то странного, горького понимания. В их глазах не было ни гордости, ни тепла при упоминании отца. Была лишь прохлада и легкая усталость, словно от давно надоевшей темы.

Эдвин, всегда сдержанный, отвел взгляд в сторону костра. Его голос прозвучал ровно, без интонаций, констатируя простой факт:

— У нас нет отца, господин генерал.

Калаэн почувствовал, как у него внутри что-то оборвалось. Неужели тот человек погиб? Или бросил их? Мысль о том, что Аса осталась одна с двумя детьми, как раскаленный гвоздь, вонзилась в него.

Но прежде чем он успел что-то сказать или выразить соболезнование, Роуден, с его вечной склонностью поправлять брата и смягчать острые углы, тихо, почти небрежно добавил:

— Ну, как сказать «нет»... — Роуди провел пальцами по струнам, извлекая тихий, задумчивый аккорд. — Формально отец, конечно, существовал. Но мама не любит эту тему. Вообще.

Эдвин, не отрываясь от рисунка, ровным, бесстрастным голосом добавил:

— Мы знаем его имя. И всё.

Роуден кивнул, подхватывая нить разговора с привычной легкостью, но в его глазах не было прежней насмешки. Лишь легкая усталость от давно пройденного урока.

— Да. Почему он не остался? Почему она ему ничего не сказала о нас? Не знаем. Мама никогда не говорила. Для нас это просто... факт. Была ночь, был мужчина, появились мы. А всё остальное — не наша история.

Он снова перебрал струны, и на этот раз мелодия прозвучала чуть печальнее.

— Она одна всегда была нашей матерью и отцом. Так что, если честно, господин генерал, нам даже не с кем себя сравнивать и некому предъявлять претензии. Наш отец — это то пустое место, которое она сама заполнила собой. И справилась, надо сказать, блестяще.

Калаэн слушал, и его охватывало странное чувство. Не ярость, а скорее горечь. Горечь за Асу, которая прошла через это в одиночку. И горькое, шемящее восхищение перед той титанической силой, что позволила ей не просто выжить, но и вырастить таких сыновей, не ожесточив их сердца, не поселив в них ненависть к неизвестному отцу.

Он смотрел на них. На Эда, с его спокойной, замкнутой силой, и на Роудена, с его открытостью, под которой таилась та же глубокая верность матери. И понимал, что их равнодушие к фигуре отца — не показное, не защитная реакция. Это был результат материнского воспитания. Аса не стала делать из этого трагедию или тайну. Она просто... жила дальше. И дала им всё.

— Ваша мать... — его голос дрогнул, и он на мгновение запнулся, — исключительная женщина. И совершила настоящий подвиг. Вам стоит гордиться ею.

— О, поверьте, господин генерал, мы гордимся, — Роуди ухмыльнулся, и в его улыбке светилась чистая, неподдельная любовь. — Хотя, если честно, нас не двое. Вообще-то мы тройняшки.

Эд наконец оторвался от альбома и с легкой укоризной взглянул на брата, но тот уже не мог остановиться.

— Да-да, с нами в комплекте идет еще наша сестра, Нефа. Редкостная заноза, между прочим. — Роуди закатил глаза с таким комичным ужасом, что у Калаэна дрогнули уголки губ. — А еще есть Налла. Она нам кузина, но мама воспитывала ее с пеленок, после того как тетя умерла родами. Она старше нас на два года. Так что она нам тоже сестра. Мама нас до сих пор фантастической четверкой называет. И меньше всего проблем маме доставили как раз Налла и вот этот, — Роуди ткнул большим пальцем в сторону Эда. — Он, я уверен, уже родился скучным занудой, с ним вообще никаких хлопот не было.

Эд, не проронив ни слова, точно и аккуратно ткнул брата локтем в ребро. Роуди фыркнул, но замолчал, потирая бок, однако продолжил тихо наигрывать на гитаре.

Калаэн удобнее устроился на бревне, протянув руки к огню. Он смотрел на них, и странное, теплое чувство разливалось по его груди. Он видел перед собой не просто солдат, а семью. Настоящую, шумную, живую. Ту, о которой он в тишине своего роскошного, но пустынного особняка даже не смел мечтать.

Все эти годы его окружали любовницы и содержанки. Красивые, пустые, ждущие от него только подарков и статуса. Они ему осточертели. Вымотали до глубины души. А он... а он хотел вот этого. Вот такой семьи. Вот такого тепла у костра. Вот таких детей, которые подкалывают друг друга, но готовы друг за друга в огонь и в воду.

Он смотрел на этих мальчишек, на их удивительную мать, сумевшую одной вырастить целый маленький, гордый клан, и думал: *А почему бы и нет?*

Аса больше не была Тенью. Она была герцогиней, успешной предпринимательницей. Ее враг мертв. Она была свободна. А он... он наконец-то понял, чего хочет по-настоящему.

Может, в этот раз... в этот раз получится? — робко, как первая весенняя трава, пробила в его сознании мысль. — *Может, на этот раз я смогу найти к ней подход как мужчина к женщине? Смогу поухаживать?*

Он снова подбросил в костер сухой сучок, наблюдая, как взвиваются в ночь новые искры.

— Значит, фантастическая четверка... — задумчиво проговорил он, глядя в огонь. — Должен признаться, я завидую вашей матери. Не каждый может создать такое... наследие.

Он произнес это без тени лести, с искренностью, которая заставила Эда на мгновение оторвать взгляд от рисунка, а Роуди смягчить перебор струн. И в тишине, под треск огня и тихую музыку, Калаэн Глортейн, генерал и герцог, впервые за долгие годы чувствовал не тяжесть одиночества, а легкое, трепетное предвкушение. Предвкушение возможности, ключи от которой грелись с ним у одного костра.

Калаэн внимательно смотрел на братьев, подбирая слова.

— Вы ведь знаете, что двадцать один год назад, когда шла война, ваша мать была моим лучшим шпионом? — спросил он, внимательно следя за их реакцией. — Самой эффективной из всех, с кем мне довелось работать.

Эд и Роуди снова обменялись быстрыми взглядами. Казалось, они снова стали немного осторожнее, но удивления на их лицах не было.

— Мы знаем, — тихо сказал Эдвин, откладывая альбом. — Она никогда не скрывала, что работала на корону. И что вы были её... заказчиком.

Роуди кивнул, его пальцы замерли на струнах.

— Да. Но детали... детали она не любит вспоминать.

Калаэн почувствовал, как в груди что-то сжалось. Ему отчаянно хотелось знать больше. Узнать её историю, понять, что сделало ее той, кем она стала.

— А как она... — он сделал паузу, — как она попала к Фернуху? Вы знаете эту историю?

Братья заметно замаялись. Роуди неуверенно перебрал струны, Эд снова уставился на свой рисунок, но было видно, что он не видит линий. Они явно колебались, взвешивая, можно ли доверять.

Он понимал, что приказом здесь ничего не добиться. Это должно было быть их добровольным решением.

— Я понимаю, — тихо сказал Калаэн, и его голос прозвучал не как у генерала, а почти как у старшего товарища. Он смотрел не на них, а в огонь, давая им время. — Это не вопрос. И я не требую ответа как ваш командир.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Просто... я знал её тогда. Только одну её грань — Тень. Самую сильную, самую неуязвимую. Ту, что никогда не подводила. — Он медленно перевел взгляд на братьев. — Но я догадывался, что за этой силой скрывается что-то... огромное. И очень тяжелое. И если быть откровенным, то считал ее не только шпионом, но и другом. И я хочу понять. Понять, через что ей пришлось пройти, чтобы стать той, кого я знал.

Его искренность, казалось, застала их врасплох. Эд перестал водить карандашом, а Роуди перестал беспокойно теребить струны.

— Она никогда не жаловалась, — наконец, очень тихо сказал Роуден. — Никогда.

— В этом я не сомневаюсь, — Калаэн кивнул. — И я не прошу вас жаловаться за неё. Я прошу... помочь мне увидеть картину целиком. Ту женщину, что стояла за агентом. Ту, что смогла вырастить вас такими. — Он обвел их обоих взглядом, и в его глазах читалось неподдельное уважение. — Её история заслуживает того, чтобы её знали. Хотя бы в общих чертах.

Братья снова переглянулись. На этот раз их безмолвный диалог длился дольше. Наконец, Роуди тяжело вздохнул и отложил гитару. Он посмотрел на Эда, тот почти незаметно кивнул.

— Ладно, — Роуди провел рукой по волосам. — Но это долго и... не очень весело. Мама родилась в Каладене. Наша бабушка, — начал он, и его голос стал серьезным, без привычной шутливой нотки, — была урожденной герцогиней Дельрины, наследницей руд и приисков. Она вышла замуж за простого офицера, Бериса Кувела. Её и нашего деда убили тридцать пять лет назад по заказу Жамера Саладью, дяди нашей бабушки Иманы, которому очень захотелось примерить корону герцога.

Он сделал паузу, давая Калаэну осознать эту информацию.

— Они возвращались с королевского бала всей семьей, когда кучер сказал, что что-то с колесом. И попросил всех выйти, пока он не осмотрит карету. Мама говорила, что бабушка даже не успела ничего осознать, как кучер перерезал ей горло. Вторым был дед. Это было на глазах у матери и тети Таймилы. Матери было шесть, тётке — четыре. Кучер оказался мекешем. Дед пытался дать отпор и защитить дочерей, но... Мекеш и забрал перепуганных девочек прямиком к Фернуху. Тот посчитал, что волчицы в качестве мекешей будут его венцом.

Калаэн замер, не в силах вымолвить ни слова. Он знал, что Аса была в рабстве, но чтобы так... Чтобы ребёнка, наследницу рода...

— С мамой ему видимо пришлось нелегко. Настолько, что маг в наказание даже выжег голос. — раздался более спокойный и сухой голос Эда. — Ей было четырнадцать, когда Фернух начал отправлять ее на задания. Это дало возможность разобраться, как сначала обойти рабское заклятие, а потом его и вообще снять. Спустя двенадцать лет после того, как они попали к Фернуху, им удалось сбежать. Однако тётя оказалась беременна и скончалась при родах. Мать осталась с новорожденной Наллой на руках.

— Ей удалось снять рабское заклятие, — Роуди снова оживился, словно радуясь возможности перейти к чему-то более светлому.. — Но это... далось нелегко. Были короткие заказы, подработки. Потом работа на вас. Она копила на свою первую лавку. И у неё всё получилось. А пять лет назад она поехала в Каладен. Смогла доказать, что она дочь Иманы Дельрины. Жамера казнили, титул вернули, а с ним и право официально пользоваться родовой магией. Правда, земли король оставил себе. Но и пес с ними! — весело добавил Роуди, бряцая струнами. — Главное волчья магия. А уж деньги она и сама заработает.

Калаэн медленно поднялся с бревна. Слова братьев висели в воздухе тяжелым, гнетущим облаком. Ему нужно было остаться одному, переварить услышанное, осмыслить тот ад, через который прошла Аса, и то невероятное мужество, с которым она из него выбралась.

— Благодарю вас, лейтенанты, — его голос прозвучал приглушенно. — За доверие. Прошу прощения, что потревожил ваш вечер.

Он кивнул им и ушел, его фигура быстро растворилась в ночной темноте, оставив братьев наедине с потрескивающим костром.

Роуди проводил его взглядом, а затем резко повернулся к Эду.

— Что это было? — прошептал он, откровенно вытаращив глаза. — Ты это чувствуешь? Хотя да, ты не чувствуешь... Это... Неужели он ещё...?

Эд тяжело вздохнул и выразительно развел руками, его жест красноречиво говорил: «Я не знаю!»

Роуди придвинулся ближе, его глаза загорелись азартом.

— А как думаешь, получится? — он сделал многозначительную паузу.

— Не знаю. Но цветы и конфеты не прокатят. Это даже не смешно.

— Ну я же не предлагаю букетик фиалок! — фыркнул Роуди. — Если она действительно до сих пор ему не безразлична... Ну давай же, думай!

— И почему это думать должен я?! - недовольно проворчал Эд. - Ты у нас главный по романтике! У тебя самого с Кизой всё как в сказке, без всяких наших ухищрений.

— Ну ты и сравнил! Нет, Кизе тоже не одни цветочки и подарки были нужны, но и внимание, любовь и забота. Но что делать с женщиной, которая считает букет цветов за веник, драгоценности не носит от слова совсем, а от заботы шарахается, будто от чумы! Генералу помочь нужно найти правильный подход. Тонкий.

— Какой, например? — Эд наконец отложил свой альбом и с нескрываемым скепсисом посмотрел на брата. — Предлагаешь, чтобы он бросился ради неё в огонь? Или победил в одиночку армию? Всё это уже было, между прочим. Не сработало.

— Да что ты говоришь! — ехидно отозвался Роуди. — Не сработало?! Seriously?

— А ты не думал, Роуди, что всё это может быть... опасным? Для неё? — его голос стал тише и серьезнее. — Она только начала оттаивать. Стала позволять себе чуть больше, чем просто выживать. Что, если он её ранит? Случайно? Своим высокомерием или непониманием? У любого, даже самого сильного человека есть предел. И что если она сломается окончательно?

Роуди замолчал, и его вечно улыбчивое лицо стало не по-детски серьезным. Он посмотрел на огонь, будто ища в нем ответы.

— Она не сломается, — сказал он наконец, и в его голосе не было и тени сомнения. — Просто... её сломанные части нужно было собрать правильно. А она сама себе никогда не давала на это времени. Всё тащила, всё держала.

Он перевел взгляд на Эда, и в его глазах светилась глубокая, тихая нежность.

— Ты же помнишь, что она нам всегда говорила? После особенно тяжелых дней, когда ей было плохо, а мы, мелкие, приставали с вопросами. Она брала нас, всех четверых, обнимала и повторяла: «Вы — лучшее, что случилось в моей жизни. Мое самое большое счастье и моя самая крепкая опора». Она никогда не позволяла нам усомниться в этом. Никогда.

Эд молча кивнул, его собственное суровое выражение лица смягчилось при этих словах.

— А этот генерал... — Роуди покачал головой, и на его губах снова появилась ухмылка. — Он упрямый как баран. И, кажется, единственный человек на свете, который смотрит на неё... я даже не знаю, как это описать. Но он не боится её. Вообще. И она, чувствую, не знает, что с этим делать. А только такой человек её и выдержит. Такой и нужен.

— Но что насчёт неё? — тихо спросил Эд. — Она всю жизнь была сильной. А что, если она не хочет, чтобы её «выдерживали»? Сколько поклонников у нее за эти годы было? Ни у одного не вышло! Что, если ей и так хорошо одной?

— Хорошо? — Роуди фыркнул. — Эд, ну посмотри сам. Нефа и Налла скоро выйдут замуж. Я женюсь на Кизе. Ты... ты рано или поздно встретишь свою любовь, я в этом уверен. И что тогда? Она останется одна. В этом большом, тихом особняке. С мыслью, что её дело сделано, её волчата выросли, и жизнь, по сути, кончилась. Разве мы такого для нее хотим? Чтобы она снова закуклилась в своих долгах и делах, только на этот раз от одиночества? Да и поклонники откровенно были так себе!

Он сделал паузу, дав брату вникнуть в его слова.

— И потом... — Роуди посмотрел на Эда с внезапной пронзительной грустью. — Я не только о маме беспокоюсь. Я и о тебе. Легко ли тебе, а? Единственному дракону в нашей волчьей стае?

Эд ничего не ответил. Он сидел, сгорбившись, уставившись на свои руки, лежавшие на коленях. Костер трещал, отбрасывая на его лицо длинные, пляшущие тени. И в этой тишине, под этот треск, Роуди с абсолютной, кристальной ясностью осознал то, о чём в семье не говорилось вслух, но что, казалось, витало в воздухе с самого их рождения.

Эдвин Дельрины, спокойный, рассудительный, с глазами цвета озерной воды и душой стратега, был драконом. Не метафорически. Не в переносном смысле. А настоящим, кровь от крови Калаэна Глортейна, драконом.

— Я помню, что мы все решили еще пять лет назад, когда поняли, наконец, что ту проклятую записку писал не отец, а Клара. Что он никогда не узнает, что ту ночь провел не с ней, а с мамой. И что не узнает о нас. Но... Да, мы семья, мы всегда за тебя, ты это знаешь. Но ты другой. Я никогда до конца не смогу понять, как это, когда жжет горло от огня. Каково это - летать. Никто из нас. А он... он такой же. Он может понять тебя так, как мы, при всей нашей любви, никогда не сможем. Разве ты не хочешь, чтобы у тебя наконец-то появился кто-то, с кем можно поговорить о том, каково это — быть чешуйчатым в мире пушистых?

— Мама...

— Мама никогда не была против того, чтобы мы рассказали ему правду, и ты это знаешь! Просто никому из нас это было не нужно. Никому, кроме, пожалуй, тебя. Но ты громче всех тогда выступал за то, чтобы все осталось, как есть. Ты же не просто за маму боишься, — медленно проговорил он, вглядываясь в лицо близнеца. — И за себя тоже. Что он нас всех, и тебя, не примет.

Эд резко отвел взгляд, но было уже поздно. Роуди поймал этот момент. Мгновенную, незаметную для любого другого человека уязвимость. Мимолетный страх, промелькнувший в серо-голубых, таких чужих для их волчьей стаи глазах.

— Или боишься как раз того, что примет.

Эд опустил взгляд, его пальцы нервно постучали по обложке альбома. В словах брата была жестокая, неоспоримая правда.

— Она заслужила счастье, — тихо заключил Роуди. — Не просто покой, не просто отсутствие боли. А настоящее, теплое, бестолковое счастье. Чтобы кто-то держал её за руку просто так. Чтобы она могла расслабиться и наконец-то начать жить. Не выживать. А жить. И пора уже этой упрямой волчице позволить кому-то себя приручить. Вернее, впустить в свою стаю того, кто уже давно в ней оказался и, кажется, отказывается уходить.

Он бросил в костер сухую ветку, наблюдая, как взвиваются в ночное небо новые искры.

— А получится у них или нет... — Роуди пожал плечами, и его ухмылка вернулась. — Это уже их история. Наше дело болеть за них и иногда давать пинка под зад. В нужном направлении, разумеется. И у меня как раз тут идея появилась. Но нужно с майором поговорить.

Дорогие читатели, я приняла решение разрешить скачивание своих готовых книг, так как с интернетом бывает туго.

**И огромное спасибо вам за ваши награды к книгам! С них оплатила рекламу!
Вы лучшие!**

Глава 7. Утро без тени

Верингорд. Неделю спустя.

Сознание возвращалось медленно, как утренний свет, сочащийся сквозь тяжелые портьеры. Аса лежала неподвижно, вслушиваясь в себя.

Тишина.

Не та звенящая, настороженная тишина, к которой она привыкла за годы выживания. Не та, что заставляла ее, просыпаясь, мгновенно оценивать расстояние до двери, наличие оружия, запахи и звуки. Другая. Глубокая. Теплая. Пустая от тревоги.

Она прислушалась внимательнее — и чуть не рассмеялась от изумления.

Того щемящего, холодного комка, что жил в ней двадцать три года, не было. Исчез. Расстворился, будто его и не существовало.

Аса открыла глаза и уставилась в потолок, проверяя это новое, непривычное ощущение. Никакого внутреннего сжатия при мысли о завтрашнем дне. Никакого бессознательного сканирования "враги-опасность-пути отступления". Никакого фонового страха, который стал для нее такой же нормой, как дыхание.

Только покой.

Она позволила себе улыбнуться. По-настоящему. Не той скупой, контролируемой улыбкой, которую дарила всем, кроме детей, а широкой, почти глупой, разливающейся по всему лицу.

Как же хорошо.

Аса потянулась в постели, как большая довольная кошка, чувствуя, как приятно ноют мышцы после глубокого, здорового сна. Потянулась и замерла, смакуя это ощущение — просто потянуться, потому что хочется, а не потому что надо вставать.

Дети выросли. Эд и Роуди — офицеры, красавцы, умницы. Нефа нашла своего гениального чудака, который смотрит на нее такими глазами, будто она — центр вселенной. Налла... Налла, ее первая, ее спасенная, скоро выйдет замуж за человека, который лечит людей с той же самоотдачей, с какой сама Аса когда-то спасала Наллу. А Роуди женится на Кизе. Хорошая девушка, она нравилась Асе. Приятно пахла, а уж когда смотрела на Роуди...

Три свадьбы. Три праздника жизни в ее доме.

А потом пойдут внуки. Новая жизнь, новое счастье. Она будет бабушкой. Самой любящей бабушкой в мире!

Она села в постели, обхватив колени руками, и позволила себе еще минуту этой роскошной, непривычной праздности. Враги мертвы. Фернух сгорел в собственном логове, и она сама держала в руках ту иглу, что оборвала его жизнь. Жамер дождался суда и казни. Титул вернулся к ней, родовое имя снова сияет.

А денег... Аса усмехнулась собственным мыслям. Денег столько, что она могла бы не работать до конца жизни и еще правнукам осталось бы. Заводы работают, лавки приносят прибыль, контракты заключаются сами собой, потому что имя Дельрины снова звучит весомо.

Все позади.

Она спустила ноги с кровати, прошлепала босиком к туалетному столику и села перед зеркалом. В отражении на нее смотрела женщина с чуть растрепанными после сна волосами и счастливыми глазами. Аса подмигнула себе — детство, вырвавшееся наружу, — и взяла в руки гребень.

Движения были привычными, почти автоматическими. Гребень скользил по темным прядям, собирая их в послушный поток. Скоро они лягут в тугую, аккуратный пучок, как она носила их всю жизнь. Удобно. Практично. Ничего лишнего.

Рука замерла на полпути.

Эд и Роуди теперь служат в гарнизоне. В гарнизоне Калаэна. Рядом. Совсем рядом. А он знает, что они ее сыновья.

Гребень дрогнул в пальцах.

Аса смотрела на свое отражение, и только что разлитое по лицу счастье начало сменяться знакомым, въевшимся беспокойством. Она прикусила нижнюю губу — нервный жест, от которого никак не могла избавиться с детства.

Нет. Стоп.

Она заставила себя выдохнуть.

Мальчики никогда не интересовались отцом. Она сделала для этого все. Все, что могла. Ни слова ненависти, ни капли горечи, когда они спрашивали. Просто "была ночь, был мужчина, появились вы". Без драмы, без обвинений, без надрыва. Она слишком хорошо знала, как разъедает ненависть, как она прорастает в душу и душит, если дать ей волю. Она не позволила этому случиться. Ни с ними. Ни с собой.

И они выросли спокойными. Без злобы. Без желания искать, мстить, выяснять. Но и без желания встретиться с отцом. Они никогда не стремились рассказать ему о себе. Им это было не нужно. Так с чего она начала беспокоиться?

Даже если и расскажут — что с того?

Аса снова провела гребнем по волосам, резче, чем следовало, и прядь больно дернулась. Она поморщилась, но рука не остановилась.

Ну расскажут. Ну узнает он. И что? Она с ним общаться не обязана. Вообще. У них нет общих дел, нет причин пересекаться. Она — герцогиня Дельрины, владелица заводов, лавок и прииска. Почти уважаемая женщина. Он — генерал, герцог Глортейн. И если он когда-нибудь узнает о том, что она родила от него троих детей (а она сомневалась, что узнает), и решит их признать, то пусть с детьми и налаживает отношения! С ней это ни к чему!

Ничего страшного.

Расческа снова замерла.

"Ничего страшного", — повторила она себе, глядя в глаза собственному отражению.

Тревога, только что вползшая в душу, снова начала отступать под напором утреннего спокойствия. Она положила гребень на столик и посмотрела на свои руки. Спокойные. Не дрожат.

Все хорошо. Двадцать один год прошел. Дети выросли, враги мертвы, жизнь наладилась. Даже если правда выплывет наружу — она справится. Она всегда справлялась.

Аса снова взяла гребень и, глядя на себя в зеркало, медленно, с расстановкой, закончила заплетать волосы. Пучок лег ровно, привычно, как ложился тысячи раз.

Она встала, одернула сорочку и направилась к шкафу, чтобы выбрать платье на сегодня. Дела ждут.

Но на пороге спальни остановилась, обернулась и еще раз посмотрела на пустую кровать, на залитую утренним светом комнату, на свое отражение в зеркале, уже издалека.

И улыбнулась.

Жизнь определенно наладилась.

Аса спустилась вниз, и привычный запах свежесваренного кофе окутал ее уютным облаком. На площадке первого этажа она столкнулась с горничной Лизель, которая несла охапку свежего белья.

— Доброе утро, ваша светлость! — Лизель присела в книксене, и на ее лице расцвела улыбка. Девушка работала у Асы уже третий год и до сих пор не уставала радоваться своей должности.

Аса кивнула в ответ, позволяя уголкам губ чуть приподняться. Лизель была хорошей девочкой. Тихой, исполнительной, не лезла с разговорами, но всегда приветливая. Идеальная горничная.

Из столовой показалась экономка, госпожа Терра, полная женщина лет пятидесяти с неизменным пучком седеющих волос и связкой ключей на поясе. Она служила у Асы с первого дня, как только герцогиня купила этот большой и светлый особняк, и за пять лет стала чем-то вроде невидимой опоры дома.

— Ваша светлость, завтрак подан, — сообщила она, вытирая руки о фартук. — Кофе, как вы любите, и свежие круассаны от булочника.

Аса кивнула, проходя в столовую, но у двери обернулась. Ее пальцы взлетели в воздух, складываясь в привычные жесты.

«Что с новым дворецким?»

Госпожа Терра уже привыкла к этому способу общения. За пять лет она научилась читать жесты герцогини не хуже, чем если бы та говорила вслух.

— Ах, ваша светлость, — вздохнула экономка, следуя за ней в столовую и поправляя салфетку на столе. — Подходили трое. Один с опытом, из хорошего дома, но как услышал про язык жестов — сразу отказался. Сказал, что для него это слишком сложно.

Аса села за стол, взяла чашку с кофе и вопросительно подняла бровь.

— Второй моложе, лет тридцати, — продолжила Терра, расставляя перед герцогиней тарелки. — Тоже опытный, служил у барона Кайлека, пока тот не разорился. Пришел, посмотрел, послушал... и тоже отказался. Сказал, что боится не понять вас в важный момент и подвести.

Аса хмыкнула, отпивая кофе. Горячий, крепкий, с легкой горчинкой — именно так, как она любила.

«А третий?» — ее пальцы правой руки задали вопрос, пока она откусывала круассан левой.

— Третий Себастьян Лефевр, — госпожа Терра произнесла это имя с некоторой торжественностью. — Пятьдесят два года, служил у графа де Монтиньи двадцать лет, пока граф не уехал в загородное поместье и не распустил почти всю столичную прислугу. Опытный, выдержанный, с отличными рекомендациями.

«И?»

— И он размышляет, ваша светлость. — Экономка развела руками. — Сказал, что хочет пару дней подумать. Язык жестов его не пугает, он даже проявил интерес. Сказал, что в его возрасте полезно учиться новому, мозги не черствеют. Но хочет оценить свои силы — не подведет ли.

Аса снова хмыкнула, на этот раз с легкой, одобрительной ноткой. Она отломила еще кусочек круассана и отправила в рот, размышляя.

«Умный, — подумала она. — Не лезет очертя голову, оценивает. Такой, если возьмется, будет стараться изо всех сил».

Она посмотрела на госпожу Терру и кивнула.

«Пусть думает. Если согласится — возьмем».

Экономка обрадовалась. Она явно симпатизировала кандидату, который не сбежал при первых трудностях.

— Я скажу ему, ваша светлость. Думаю, к концу недели он даст ответ.

Аса кивнула и вернулась к завтраку, а госпожа Терра, поняв, что больше вопросов нет, бесшумно удалилась.

Оставшись одна, Аса позволила себе на мгновение задуматься о том, как странно устроена жизнь. Пять лет назад она скрепя сердце нанимала первых слуг. Сама мысль о посторонних в доме вызывала у нее почти физическое отторжение. Чужие люди, которые будут видеть, как она живет, трогать ее вещи, находиться рядом с детьми...

Но титул обязывал. Герцогиня Дельрини не могла жить одна в огромном особняке, как какая-нибудь затворница. Пришлось уступить.

И она уступила. Но на своих условиях.

Аса перебирала кандидатов с таким тщанием, будто готовила разведывательную операцию. Проверяла прошлое, расспрашивала предыдущих работодателей, требовала рекомендации от людей, которым доверяла. И даже после найма еще полгода присматривалась, оценивала, прислушивалась к внутреннему чутью, которое ни разу не подвело за все годы выживания.

В итоге штат получился смехотворным для герцогини. Всего две горничные, лакей, прачка, садовник, конюх (он же кучер), повар, экономка и дворецкий. В домах других аристократов прислуги было в три-четыре раза больше. Но Асе хватало. Ей вообще много чего не нужно было из того, что полагалось "по статусу".

Она усмехнулась своим мыслям, допивая кофе.

Старый Берж... Вот кого было жаль. Он уволился месяц назад, сказав, что хочет проводить больше времени с внуками. Аса понимала. Возраст, заслуженный отдых. Но дворецкий был идеальный: безупречная выучка, умение быть невидимым и при этом все замечать, и главное — абсолютная лояльность. Она назначила ему пенсию из собственных средств и отказа слушать не стала. Берж заслужил.

За пять лет сменилась только одна горничная, да и та вышла замуж. Аса дала ей щедрое приданое. Девушка была хорошая, работающая, и уходила с сожалением, только любовь оказалась сильнее.

Персонал держался за это место. И причин было много.

Аса хорошо платила. Выше среднего по столице. Когда приходили швеи обшивать Наллу и Нефу, она неизменно заказывала обновки и для прислуги. Не из показной щедрости, а просто потому что считала это правильным. Люди, которые заботятся о ее доме и ее детях, заслуживают заботы в ответ.

Она дарила маленькие подарки на праздники. Иногда — просто так, если замечала, что кто-то приболел. Оплачивала лекарей при необходимости и не заставляла работать при недомоганиях. Была вежлива, учтива, никогда не повышала голоса. Слуги знали: герцогиня строга, но справедлива. Если сделаешь работу хорошо — получишь благодарность. Если напортачишь — получишь выговор, но без криков и унижений.

И было еще одно, самое важное обстоятельство.

Асы почти не бывало дома.

Детей тоже. Мальчики, как вернулись в столицу, находились в гарнизоне, почти безвылазно. А до этого вообще год служили на южной заставе. Нефа пропадала в лаборатории Тео, и Аса с тихой радостью отмечала, что дочь увлеклась артефакторикой не только из-за жениха, ей действительно это нравилось. Налла несколько дней в неделю дежурила в госпитале, лечила людей и возвращалась уставшая, но счастливая.

Слуги могли бездельничать целыми днями. Прибирать пустые комнаты, готовить еду, которую ели только они, и получать за это хорошие деньги.

С таких мест не уходят.

Аса доела круассан, вытерла пальцы салфеткой и встала из-за стола. Мысли о новом дворецком отошли на задний план — сегодня предстояло встретиться с управляющим завода, проверить последние отчеты и, кажется, подписать контракт с новым поставщиком редких ингредиентов для зелий.

Она вышла в холл, где ее уже ждал кучер с докладом о том, что карета подана.

Жизнь текла своим чередом. Спокойно. Размерно. Хорошо.

«Интересно, — подумала Аса, надевая перчатки, — согласится ли этот Себастьян?»

Она поймала себя на том, что ей почему-то хочется, чтобы согласился. Наверное, потому что он не сбежал при первых трудностях, а решил подумать. В этом было что-то... правильное.

Аса улыбнулась своим мыслям, вышла на крыльцо и села в карету. Экипаж мягко тронулся с места, увозя ее от особняка в утренний город. За окном проплывали аккуратные столичные улицы, мощенные булыжником, с уже проснувшимися лавками и спешащими по делам горожанами.

— На завод? — уточнил кучер через окошко.

Аса покачала головой и жестом показала: сначала в Дом помощи.

Она основала его восемь лет назад. Тогда денег стало достаточно, чтобы не просто выживать и растить детей, но и помогать другим. Идея пришла не сразу, но, однажды оформившись, уже не отпускала.

Слишком хорошо она помнила, каково это — оказаться на улице с младенцем на руках, без денег, без крыши над головой, без права на ошибку. Помнила холод, голод, отчаяние, от которого спасала только ярость и необходимость выжить ради Наллы, Эда, Роуди и Нефы.

Помнила, как нашла Йэфу.

Карета остановилась у неприметного трехэтажного здания в тихом районе, недалеко от рынка, но в стороне от главных улиц. Аса вышла, и первое, что услышала — детский смех со второго этажа, где располагалась комната для матерей с малышами.

И запах свежего хлеба. Она всегда здесь пекли свой. Дешево и сытно.

На пороге ее уже ждали.

Йэфа стояла, уперев руки в бока, в чистом фартуке поверх простого шерстяного платья. Седая прядь выбилась из-под косынки, лицо покраснелось от кухонного жара, но глаза сияли тем самым теплом, которое Аса помнила уже двадцать три года.

— Аса! — Женщина шагнула навстречу и крепко обняла ее. Просто, по-свойски, без всяких там герцогинь и церемоний.

Аса позволила себе эту редкую роскошь — прижаться на мгновение, вдохнуть знакомый запах муки, трав и дома. Того самого первого дома, который у них появился.

Двадцать три года назад Аса нашла ее в ночлежке.

Йэфа лежала на узкой койке, обессиленная после родов, а рядом с ней, замотанный в какую-то тряпку, пищал новорожденный. Своей семьи у Йэфы больше не было. Отказались, когда узнали о беременности без мужа. Отец ребенка сбежал, едва услышав про беременность. Два месяца она жила в этой дыре до родов и неделю после.

Аса пришла туда не случайно — искала, кто сможет кормить Наллу. У нее самой молока не было, чтобы кормить племянницу, к тому же пропадала на заданиях, а Налле нужно было молоко, тепло и забота.

Йэфа посмотрела на нее тогда затравленным, но цепким взглядом. И согласилась.

Аса поселила их в маленьком, старом домике за водопадом. Покупала еду, оплачивала дрова, одежду. Приходила, когда могла, приносила деньги, сидела с детьми. В их странной маленькой семье Йэфа была за мать — та, что кормит, растит, ждет дома. А Аса — за отца, который уходит в опасные походы и приносит добычу.

Так и выжили.

Йэфа похоронила мужа два года назад. Прем умер тихо, во сне, от сердца. Ян и пасынок могли обеспечить мать сами, но Йэфе дома стало... душно. Она и пришла к Асе и попросилась на работу в "Дом помощи".

Аса взяла. И не пожалела ни разу.

— Заходи, заходи, — затормошила ее Йэфа, увлекая внутрь. — Ты как раз к завтраку. Свежие булки, каша, молоко. Заставляю всех есть нормально, а то некоторые норовят одним хлебом питаться, экономить.

Она провела Асу в просторную кухню, усадила за отдельный маленький столик в углу, сама села напротив, налила ей чаю и пододвинула тарелку с еще теплой булкой.

За длинным столом уже сидело несколько человек. Женщина с младенцем на руках, уставшая, но с уже не таким затравленным взглядом, как неделю назад. Молодой парень, тощий до прозрачности, который вчера помогал колоть дрова. Пожилой мужчина с трясущимися руками, который старательно боролся с собой уже третий месяц.

Йэфа проследила за ее взглядом и удовлетворенно кивнула.

— Держатся, — сказала она негромко. — Те двое, что на той неделе устроились, заходили вчера. Благодарили. Обе плакали, но уже по-другому.

Аса кивнула, отпивая чай. Крепкий, с мятой, как она любила. Йэфа помнила все.

— А сама ты как? — спросила Йэфа, в упор глядя на нее.

Аса на мгновение замерла. Потом поставила чашку и посмотрела на подругу. Ту, что двадцать три года назад взяла на руки чужого ребенка и кормила его вместе со своим. Ту, что ждала ее с заданий, не зная, вернется ли.

«Странно, — призналась она. — Хорошо. Спокойно. Непривычно».

— Это нормально, — Йэфа накрыла своей ладонью ее руку. — Привыкай. Ты заслужила.

Аса хотела возразить — привычка спорить с похвалой въелась в кости, — но промолчала. Просто кивнула и снова взяла чашку.

— С новенькими нашими сложнее, — вздохнула Йэфа, переходя к делам. — Двое, кажется, серьезно хотят бросить. Работают, держатся. А один... — Она махнула рукой. — Уже выставили. В первый же день бутылку пронес, напился. Не хочет — не заставишь.

Аса кивнула. Правила здесь были простые. Месяц пробного срока. Кто старается, не отказывается от работы, борется — тем помогают, сколько нужно. Кто не хочет ничего менять — вылетает сразу.

Но есть и те, кто борется месяцами. Срываются, начинают заново, плачут по ночам, но утром снова берутся за работу. Таким здесь тоже место. Потому что борьба — это уже путь.

Аса кивнула в сторону женщины с младенцем, которая как раз кормила малыша, прикрывшись краем платка.

«А эта?» — спросили ее пальцы.

Йэфа понизила голос:

— Третью неделю у нас. Муж выгнал, когда узнал, что ребенок не от него. Родня не приняла. Совсем одна. Предлагала ей работу на заводе, как ты просишь. И комната, и пригляд за дитем, и кормить можно отлучаться. — Она покачала головой. — Боится. Говорит, не справится, сложно, вдруг не потянет, вдруг с ребенком что случится, пока она в цехе...

Аса слушала, не перебивая. Смотрела на молодую, испуганную женщину, но с той цепкостью во взгляде, которая бывает у тех, кто еще не сдался.

Она коротко, беззвучно хмыкнула. Потом перевела взгляд на Йэфу и чуть заметно усмехнулась уголком губ.

«Справится, — уверенно сказали ее пальцы. — Они все справляются».

— Почти все, — осторожно поправила Йэфа, и в ее голосе прозвучала горечь. — Помнишь ту мадам? Красивая такая, с девочкой лет пяти?

Аса помнила. Та женщина продержалась месяц, получила комнату на заводе, работу полегче, присмотр за ребенком. А потом просто исчезла. Оставила дочь в детской комнате и не вернулась. Ни в тот вечер, ни на следующий день, никогда.

— Девочку тогда в приют отдали, — тихо сказала Йэфа. — Хороший приют, ты сама его поддерживаешь, но все равно... без матери.

Аса опустила взгляд в чашку. Таких случаев было немного. Единицы. Но каждый отзывался болью где-то глубоко внутри. Она никогда не могла понять, как можно бросить своего ребенка. Своего. Кровного.

«Эта не бросит, — наконец сказала она, снова глядя на женщину с младенцем. — Вижу».

Йэфа проследила за ее взглядом и медленно кивнула.

— Я ей передам, что ты сказала. Может, приободрится. Твое слово для них много значит.

Аса ничего не ответила. Просто допила чай и поставила чашку на стол.

Йэфа вдруг хлопнула себя по лбу.

— Ох, старая душа! Чуть не забыла! — Она метнулась к полке у входа, сняла оттуда пухлую папку, перевязанную бечевкой, и протянула Асе. — Тут счета за последний месяц. Продукты, дрова, обновка для детской, новые одеяла. Зима хоть и не скоро, но старые совсем прохудились. И за ремонт крыши, помнишь, мы договаривались? Мастер на той неделе придет, задаток просил.

Аса приняла папку, положила на колени и, не открывая, кивнула.

«Передам секретарю, — показала она жестом. — Занесет в книгу расходов и поставит на оплату».

— Ты главное проверь, чтоб не обсчитали, — наставительно сказала Йэфа, подбоченясь. — Я в этих цифрах не очень, а ты у нас голова.

Аса усмехнулась краешком губ. Йэфа всегда так говорила, хотя за двадцать один год научилась вести хозяйство не хуже любой купчихи. Просто привыкла, что сначала Аса «за отца», значит, и с деньгами разбираться ей. А потом уже Прем с финансами разбирался.

— Ладно, — Йэфа встала, одернула фартук. — Ты надолго? Может, посмотришь, как там наши?

Аса покачала головой. **«Не сегодня. Дела на заводе. Просто заехала проведать».**

— Ну-ну, — Йэфа посмотрела на нее с легким прищуром, но улыбнулась. — Проведать она заехала. Беги давай. А мы тут справимся.

Она обняла Асу на прощание. Крепко, по-матерински, как умела только она. И добавила тихо, в самое ухо:

— Я тобой горжусь, слышишь? Всегда гордилась.

Аса вышла на крыльцо и села в карету. Завод ждал. Но в груди было тепло. Она оглянулась в окно. Йэфа все еще стояла на пороге, рука поднята в прощальном жесте.

“Спасибо тебе”, — подумала Аса. — “За все.”

Карета остановилась у массивных ворот завода, и Аса вышла, поправив на плече ремешок сумки с папкой счетов. Ворота были новыми, крепкими, с гербом Дельрины, который она вернула себе пять лет назад. За ними гудел, дышал, жил ее мир.

Она прошла через проходную, и первое, что услышала — привычный, почти родной шум: стук молотов, шипение пара, лязг металла. Завод работал. Ее завод.

Рабочие, попадавшие на пути, кланялись с уважением. Те, кто работал здесь не первый год, позволяли себе улыбнуться и кивнуть чуть теплее, чем требовал этикет. Молодой парень, тащивший ящик с заготовками, при виде герцогини споткнулся, покраснел и выпалил:

— Здрасьте, ваша светлость!

Аса чуть приподняла уголки губ в ответ — для нее это было почти улыбкой. Парень расплылся в ответной улыбке и потащил ящик дальше, чуть не врезавшись в стену.

Она знала, что рабочие ее любят. Здесь платили лучше, чем на других заводах. Здесь не штрафовали за каждый чих, не вычитали из жалованья за сломанный инструмент, не выгоняли за болезнь без выходного пособия. Здесь можно было привести ребенка в специальную комнату, где за ним присмотрят, пока мать работает. Здесь к людям относились... по-человечески.

И люди отвечали тем же.

Администрация — другое дело. Бухгалтеры, учетчики, мастера цехов — те при виде герцогини вытягивались в струнку и говорили исключительно по делу. Ее побаивались. Знали, что она въедлива, что любую цифру проверит, любую отчетность пересмотрит, что на кривде ее не проведешь. Но знали и другое: если работаешь честно — она тебя в обиду не даст и премию не забудет.

Аса поднялась на второй этаж административного корпуса и вошла в приемную. Секретарь, молодой человек с вечно испуганным лицом, вскочил, едва не опрокинув стул.

— Ваша светлость! Я... управляющий у себя, я сейчас доложу...

Аса жестом остановила его и направилась к двери с табличкой «Управляющий». Стучать она не стала — здесь это было ни к чему.

За дверью сидел Гастон Бертье. Кряжистый мужчина лет пятидесяти с тяжелой челюстью, седыми висками и взглядом, который, казалось, просверливал дыры в стенах. При виде герцогини он поднялся, но не вытянулся, как остальные, а просто кивнул, обозначая уважение.

— Ваша светлость.

Аса кивнула в ответ, села в кресло напротив и положила на стол папку со счетами от Йэфы.

«Это оплатить, — показала она жестом. — Из личных средств, не с завода».

Гастон взял папку, бегло пролистнул и кивнул.

— Будет сделано.

Они помолчали. В кабинете висел тяжелый запах табака и чернил. На стене висели графики производства, испещренные пометками. На столе лежали стопки отчетов, разложенные с педантичной аккуратностью.

Пять лет назад, когда Аса только наняла его, они спорили до хрипоты.

Гастон был человеком старой закалки. Он привык выжимать из персонала максимум. Это считалось хорошим управлением. Штрафы за опоздания, штрафы за поломку инструмента, штрафы за брак, премии только за перевыполнение плана, и никаких поблажек. Так работали везде, где он служил раньше. Так приносили прибыль хозяевам.

Аса смотрела на это и качала головой.

Первый год они ругались. Гастон вывешивал приказ о штрафах — Аса отменяла. Гастон урезал жалованье провинившимся — Аса восстанавливала. Гастон приходил к ней с отчетами, доказывал, что без жесткой руки рабочие распустятся, что предприятие разорится, что он вообще не понимает, как можно вести дело такими методами.

Аса слушала. И отменяла снова.

К концу первого года Гастон явился к ней с заявлением об уходе. Он был уверен, что они на грани краха. Слишком много трат, слишком мало контроля, рабочие скоро сядут на шею и свесят ножки.

Аса взяла заявление, посмотрела на него своим тяжелым, непроницаемым взглядом. Потом положила листок на стол и придвинула к нему папку с бухгалтерским отчетом, который он еще не успел изучить. Лишь потому, что на стол Асы отчет лег лишь этим утром.

Цифры говорили о другом.

Текучка кадров, которая на других заводах Гастона достигала половины штата в год, здесь была почти нулевой. Люди не уходили. Рабочие, проработавшие на одном месте год-два, уже не были новичками. Они знали станки, знали материал, знали, как сделать быстрее и лучше. Брак сократился. Производительность выросла. Прибыль... прибыль была выше, чем на любом предприятии, где Гастон служил раньше.

Он смотрел на цифры, и его тяжелая челюсть медленно отвисала.

— Как? — спросил он тогда хрипло.

Аса пожала плечами. **«Люди работают лучше, когда к ним относятся по-человечески».**

Гастон забрал заявление об уходе и больше никогда не подавал.

С тех пор они сосуществовали в странном симбиозе. Гастон держал рабочих в ежовых рукавицах. Требовал дисциплины, следил за порядком, не спускал откровенной лени. Аса была согласна, прекрасно понимая его правоту, но следила, чтобы эти «ежовые рукавицы» не превращались в унижение. И система работала.

Гастон отложил папку со счетами и подвинул к ней другую, с текущими отчетами.

— Кстати, ваша светлость, — сказал он, пока она просматривала цифры. — Поверенные вчера закончили переговоры с гильдией рудокопов. Контракт на поставку защитных артефактов для шахт подписан. Условия, как вы просили: треть предоплаты, остальное по факту приемки.

Аса кивнула, отмечая про себя, что Ренье справился хорошо. Гильдия рудокопов была клиентом сложным. Торговались до последнего, но свои люди, постоянные, с ними нужно было работать аккуратно.

— И еще, — Гастон перевернул несколько листов, сверяясь с записями. — Коммивояжеры, которых мы отправили в восточные провинции, прислали весточку. Добрались до соседнего королевства, там местные магнаты заинтересовались нашими артефактными ружьями. Хотят обновить охрану, образцы оставили, ждут цену. Если все сложится, то сможем выйти на новый рынок.

Он поднял на нее взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Пять лет назад он бы ни за что не поверил, что герцогиня сможет выстроить такую сеть. А теперь коммивояжеры мотались по всему континенту, поверенные сидели в столице и обрабатывали крупных заказчиков, и дело росло.

Аса кивнула, принимая информацию. **«Пусть запросят цену, которую считают нужной, — показала она жестом. — Доверяю их чутью. Если надо, то дадим скидку на пробную партию».**

Гастон кивнул и сделал пометку в своих бумагах.

— И еще новые заказы от торговой гильдии, — Гастон подвинул к ней другую папку. — Лорд Вальтер фон Халлиган прислал спецификации. Хотят увеличить партию артефактов на дымовую завесу при перевозке товара.

При упоминании фамилии что-то кольнуло внутри, но Аса не подала виду. Взяла папку, пролистала, кивнула.

«Справимся?»

— Если добавим вторую смену, да. Люди согласны. Сверхурочные оплатим, они только за.

Аса подняла бровь. Обычно рабочие не любят вторых смен.

Гастон усмехнулся — редкость для его сурового лица.

— У нас просят добавочку. Потому что знают, что заплатим честно, и кормить будем, и за детьми присмотрят, пока они в цехе.

Аса кивнула, довольная. Значит, система работала.

Она подвинула к себе лист бумаги, быстро набросала распоряжение о второй смене, об усилении питания и о выделении дополнительной нянечки в детскую комнату. Подписала. Подвинула Гастону.

Тот пробежал глазами, кивнул и убрал в ящик стола.

— У меня все. А у вас, ваша светлость?

Аса покачала головой и поднялась. У двери обернулась.

«Ту женщину, — ее пальцы сложили слова. — С младенцем. Из Дома помощи. Если она придет на днях, возьми на пробу. Если не потянет, то в прачечную переведем, там проще».

Гастон нахмурился, но спорить не стал. Он давно усвоил, что если герцогиня сказала, будет так.

— Приму.

Аса кивнула и вышла.

В приемной секретарь снова вскочил, но она только махнула рукой — сиди. Спустилась по лестнице, прошла через двор, где грузили готовую продукцию, и остановилась на минуту, глядя на завод.

Он гудел. Работал. Жил.

И в этом гуле ей слышалась музыка.

Глава 8. Государственный заказ.

Верингорд. Столица Дастрии.

Калаэн, откинувшись в кресле, с отвращением подбрасывал в руке кавалерийскую саблю. Её клинок, тусклый и с зазубринами, олицетворял всю проблему.

— Мусор, — резко произнес он, швыряя клинок на стол с грохотом. — Сплав хрупкий, баланс никуда не годится. Из-за этого дерьма в последней кампании мы потеряли больше людей в ближнем бою, чем должны были. Поставщик снова подвёл.

Его помощник, майор Вирл, стоя по стойке «смирно», почтительно кивнул.

— Так точно, господин генерал. Контракт с «Горным Синдикатом» пора разрывать. Их оружие не выдерживает нагрузок.

— И что ты предлагаешь? — Калаэн провёл рукой по лицу, чувствуя усталость. Проблемы с поставками были головной болью, отнимающей силы, которые лучше было бы потратить на стратегию и тренировку войск.

Вирл сделал шаг вперёд, его глаза загорелись.

— Есть одна организация, господин генерал. Сравнительно молодая, но уже на слуху. Сеть оружейных лавок «Стальной Коготь». Я лично инспектировал их изделия. Сталь высшего качества, безупречная закалка, продуманная эргономика. Их артефактные ружья бьют дальше и точнее стандартных армейских, а клинки... их клинки, я бы сказал, почти произведения искусства. Один такой тестовый образец перерубил три наших штатных сабли подряд, не получив ни царапины.

Калаэн нахмурился.

— «Стальной Коготь»? Почему я о них ничего не слышал? Если всё так хорошо, почему они не поставляют в армию?

— В том-то и загвоздка, господин генерал, — вздохнул Вирл. — Они не работают с массовыми заказами. Предпочитают штучный товар и малые партии для частных покупателей и гильдий. Их владелец... или, точнее, владелица, — весьма принципиальная особа.

— Владелица? — Калаэн поднял бровь. Женщина во главе оружейного бизнеса была редкостью.

— Так точно. Герцогиня Ассанда Дельрини. Мать наших лейтенантов.

Имя прозвучало в тишине кабинета, как выстрел. Калаэн замер, его пальцы, лежавшие на столе, непроизвольно сжались. Воздух словно вытеснился из комнаты. Аса.

Перед его внутренним взором мгновенно возник её образ — сначала Тень, загадочная и неуловимая, затем герцогиня, холодная и неприступная, а потом... как она вырвала его и своих сыновей из лап Фернуха, осуществив свою кровавую месть.

Вирл, не замечая перемены в начальнике, продолжал:

— Говорят, она человек сложный. В основном весь бизнес строится на артефакторике, ювелирном бизнесе и лечебных зельях и снадобьях. Она охотно заключает контракты с больницами на поставки, но все же предпочитает продавать товар через собственные магазины. С государственными чиновниками на контакт идет весьма неохотно, попасть к ней на прием — задача почти невыполнимая. Её секретари отшивают всех. Но если вам, господин генерал, удастся с ней договориться... Армия получит лучшее оружие в королевстве. Конечно, если вы сможете убедить её работать с нами.

Мысли Калаэна закружились в новом русле. Государственный заказ... для других это огромные деньги, престиж, стабильность. Но для Асы, с её заводами и лавками, деньги, вероятно, не были главным. Он понимал её нежелание связываться с государственными поставками — слишком велик риск увязнуть в паутине казнокрадства и коррупции. Но с ним-то всё должно было быть иначе! Они знали друг друга. Она работала на него, доверяла ему когда-то

свою жизнь в качестве Тени. Он не был для неё безликим чиновником, жаждущим наживы. Он думал, что между ними осталась хоть капля профессионального уважения, которое позволит обсудить дело без этих светских и личных ран.

— Договориться? — тихо, больше для себя, чем для помощника, проговорил Калаэн, его взгляд устремился в окно, за которым расстился вид на столицу. — Да, майор. Я обязательно попробую договориться. Оставьте мне всю имеющуюся информацию о «Стальном Когте». И... подготовьте проект потенциального контракта.

Да, этот контракт был идеальным предложением восстановить их общение. Веским, официальным, не вызывающий подозрений. Он шел как генерал к успешной предпринимательнице. С предложением, от которого, по идее, невозможно отказаться. Это был его шанс снова войти в ее поле зрения как профессионал, коллега, партнер. Для начала. И кто знает, может быть, пробить первую, крошечную брешь в ее обороне.

Он мысленно выстраивал стратегию, как на карте боя. Никакого нажима, никаких упоминаний о прошлом. Только сталь, качество, выгода для королевства. Он представил, как стоит напротив нее в ее кабинете, чувствует знакомое напряжение в воздухе, видит, как ее черные глаза, полные недоверия, изучают его. И на этот раз он не отступит. Он будет спокоен, настойчив и обаятелен — крег побори, он умел очаровывать женщин, когда хотел! — и заставит ее если не согласиться, то хотя бы вступить в диалог.

Вирл, получив приказ, щелкнул каблуками и вышел, оставив Калаэна наедине с его мыслями

Он был уверен, что больших проблем не возникнет. Ну да, их личные отношения представляли собой минное поле, полное невысказанных обид и горьких воспоминаний. Но это был вопрос государственной важности. Дело. А в делах Аса всегда была беспристрастна.

Как же он ошибся.

Первое же его официальное письмо за подписью генерала Глортейна было вежливо, но твердо отклонено. Секретарь герцогини, чей голос звучал так, будто его точили на точильном камне, сообщил, что график герцогини расписан на месяцы вперед и, к сожалению, она не может выделить время. Калаэн, не сдаваясь, отправил второе, более настойчивое, упомянув общие интересы и прошлое сотрудничество. Ответ пришел еще быстрее. Тот же ледяной голос сообщил, что герцогиня «не видит на данный момент возможностей для плодотворного сотрудничества с армейскими структурами».

«Ну если не в лоб, то стоит зайти с тыла», — подумал он, глядя на плац, где шли занятия, и уголки его губ дрогнули в легкой ухмылке.

Он подозвал к себе Эдвина и Роудена, закончивших вольный бой на саблях. Братья подошли, вытирая пот со лба, их лица, столь разные и столь похожие, выражали готовность к приказу.

— Лейтенанты, у меня к вам нестандартное задание, — начал Калаэн, выбирая слова. — Не приказ, а скорее просьба. Армия остро нуждается в качественном оружии. Лучшее, что есть на рынке, производит «Стальной Коготь». — Он сделал паузу, давая им осознать. — Ваша мать.

Роуден фыркнул, обменявшись быстрым взглядом с братом.

— Так это вы, господин генерал, те самые настойчивые письма слали? Она вчера за ужином ворчала, что армия, мол, совсем обнаглела, докучает с предложениями.

Эд вздохнул, более сдержанный.

— Она сказала, что не хочет иметь дело с казенщиной и коррупцией. И что массовые партии — это не ее профиль.

— Я понимаю ее опасения, — кивнул Калаэн. — Но с моим личным контролем и вашей помощью, как связующих, мы могли бы обеспечить честность сделки. Речь идет о жизнях

ваших же будущих подчиненных. Я не прошу вас уговаривать ее. Просто... помогите донести серьезность моего предложения. Организуйте встречу. Неофициальную.

Братья снова переглянулись. Роуди ухмыльнулся.

— Ну, если это поможет спасти чьи-то жизни... Мы попробуем, господин генерал. Но ничего не обещаем. Наша мама — крепкий орешек.

— Слишком мягко сказано, — сухо парировал Эд. — Но мы передадим.

Калаэн смотрел, как они уходят, и впервые за весь день на его лице появилось подобие надежды. Если даже ее собственные сыновья не смогут пробить ее оборону, то тогда он признает поражение. Но сердце подсказывало ему, что этот путь, через семью, был единственно верным. Война с Асой в лоб была обречена на провал. А вот осада... осада требовала терпения и правильных союзников.

Через два дня в его кабинет с докладом попросился Роуден. Вытянувшись по стойке "смирно", он с трудом скрывал довольную ухмылку.

— Господин генерал, имею сообщение от матери, — доложил он, стараясь придать голосу официальные нотки. — В настоящее время она крайне занята вопросом патента на новый артефакт для завода зелий. Однако, по вопросу армейского контракта с вами может встретиться Тео Абнетри — жених нашей сестры Нефы. Мать поручила ему вести переговоры. Он может заехать в часть завтра, если вы согласны.

Калаэн медленно отложил перо. Тео Абнетри? Имя было ему совершенно незнакомо. Он представлял себе кого-то вроде молодого аристократа. Самоуверенного, хорошо одетого, возможно, немного легкомысленного.

— Жених вашей сестры? — переспросил он, поднимая бровь. — И ваша мать считает, что он справится с переговорами о государственном заказе для всей армии?

Роуден сделал вид, что подбирает слова.

— Господин генерал, Тео... э-э-э... обладает исчерпывающими техническими познаниями в области артефакторики и свойств материалов. Мать ценит его экспертизу. Она считает, что он сможет компетентно обсудить технические спецификации.

«Какая же тонкая издевка», — подумал Калаэн, смотря на ее сына. Она не могла придумать более очевидного способа сказать "не до тебя". Послать вместо себя какого-то юнца, жениха своей дочери, человека, которого Калаэн даже в глаза не видел. Это был почти что жест пренебрежения.

И все же... Он мысленно перевернул ситуацию. Месяц назад она даже не отвечала на его письма. Теперь же она прислала представителя. Не официальный отказ, а диалог. Косвенный, через жениха дочери, но диалог. К тому же, оружие армии все равно было нужно.

— Передайте господину Абнетри, что я буду ждать его завтра в 10 часов утра, — ровным тоном приказал Калаэн. — Доступ ему обеспечат.

— Так точно, господин генерал! — Роуден отдал честь, развернулся на каблуках и вышел, и Калаэн мог поклясться, что услышал сдавленный смех за дверью.

Генерал усмехнулся сам, оставшись один. Уже неплохо. Пусть это и был странный ход, пусть даже насмешка. Но это была уже не глухая стена. Маленькая, но победа. Он получил свою зацепку, свой шанс.

Калаэн откинулся в кресле, глядя на потолок. Мысли о контракте и Асе переплелись в его голове в один сложный клубок. Он поймал себя на том, что с нетерпением ждет завтрашней встречи — не столько из-за контракта, сколько из-за возможности хоть как-то приблизиться к ней, даже через этого загадочного Тео.

Он отдавал себе отчет в том, что не любил Асу. Любовь — это слишком громкое и сложное чувство, требующее взаимности и глубины, которых между ними не было. Но когда-то он был нешуточно ею увлечен. Той Тенью, что стояла целой армии. Ее ум, хладнокровие, непроницаемость сводили его с ума. И сейчас, позволив себе думать о ней не как о призраке из про-

шлого, а как о женщине - красивой женщине с каскадом темных блестящих волос, стройной фигурой и изящных руках. Он вспомнил, как случайно касался ее, и тело мгновенно отозвалось. Память услужливо подсказала тепло ее кожи, упругость мышц под ладонью. Он дал этому чувству место — острому, физическому влечению, лишенному пока романтического флера, но оттого не менее мощному. Это было простое, понятное желание, с которым, в отличие от запутанного клубка их общего прошлого, он хотя бы знал, что делать.

А еще он хотел себе семью. По-настоящему. Не тихую, чинную жизнь в родовом поместье с подобранной по расчету женой, а именно такую. Шумную, живую, полную смеха и споров, какую он видел в братьях Дельрини. И он был совсем не против стать отчимом Роуди, Эдвину и Нефе и дядей для Наллы. А сама Аса... Что такое сорок лет для перевертыша? Почти детский возраст. У них могут быть потом и свои дети. Мысль об этом заставила его сердце биться чаще. Если она не избавилась от беременности от того мужчины — а он, судя по ее характеру, сомневался, что она бы на такое пошла, — то, возможно, она согласится родить еще. Для них обоих.

Он встал и подошел к окну, глядя на огни города. Он сделает все, чтобы быть достойным мужем, отчимом и, возможно, отцом. Этот контракт... это был лишь первый шаг. Тактический ход на долгой, сложной, но такой желанной кампании за ее сердце.

На следующее утро ровно в десять ему доложили о прибытии Тео Абнетри. Калаэн, настроившись на встречу с легкомысленным аристократиком, был слегка ошеломлен, когда в дверь кабинета робко постучали и вошел... совсем не тот, кого он ожидал.

Перед ним стоял высокий, но удивительно щуплый юноша. Его одежда была чистой, но простой и слегка помятой, словно он провел ночь за книгами. Темные волосы торчали в разные стороны, а большие очки в тонкой металлической оправе сползали на кончик носа. Он нервно поправил их и неуверенно вытянулся по стойке «смирно», явно не зная, как вести себя в кабинете генерала.

— Г-господин генерал, — проговорил он тихим, но четким голосом. — Тео Абнетри. Меня направила герцогиня Дельрини для обсуждения... э-э-э... потенциального сотрудничества.

Калаэн, скрыв удивление, кивком предложил ему сесть.

— Господин Абнетри. Я признателен герцогине за ее готовность к диалогу. И вам — за визит.

Тео сел на край стула, положил на колени потрепанный портфель и вытащил оттуда объемную стопку аккуратно исписанных листов.

— Я ознакомился с проектными требованиями к холодному оружию и артефактным ружьям, которые вы предоставили. И... э-э-э... провел некоторые расчеты.

Он начал говорить. И через минуту Калаэн забыл о его внешности, а Тео о застенчивости. Юноша сыпал формулами, коэффициентами прочности, говорил о температурах закалки, об оптимальном соотношении углерода и легирующих добавок в стали, о резонансных частотах артефактных ядер. Он предлагал решения, тут же подкрепляя их чертежами и расчетами эффективности.

— ...таким образом, — подвел итог Тео, снова поправляя очки, — при сохранении текущего бюджета на единицу продукции, мы можем повысить прочность клинка на сорок семь процентов и дальнобойность ружей на двадцать, если изменим технологию закалки и применим композитный сердечник в ядрах. Правда, для массового производства это потребует перенастройки всех наших кузнечно-прессовых цехов. В связи с этим стоимость, конечно, будет первоначально дороже, но окупится за счет снижения потерь и увеличения срока службы.

Калаэн смотрел на него, ошеломленный. Это был не просто «юнец» или «жених дочери». Перед ним сидел гений. Человек, который видел суть проблемы там, где другие видели только

готовое изделие. И Аса знала это. Она послала ему не насмешку, а своего лучшего специалиста. Возможно, даже не понимая этого, она сделала ему огромный подарок.

— Ваши расчеты... впечатляют, господин Абнетри, — честно сказал Калаэн. — Вы работаете в «Стальном Когте»?

Тео смущенно потупился.

— Э-э-э... не совсем. Я артефакторик-изобретатель. Работаю в лаборатории на заводе мисс Дельрины. “Стальной коготь” к нему не относится и специализируется лишь на оружии. Но мисс Дельрины иногда консультируется со мной по техническим вопросам. И... она разрешила мне использовать ресурсы своей библиотеки.

— Я понимаю, — Калаэн медленно кивнул. — Ваши предложения более чем обоснованы. Я готов рассмотреть возможность пробной партии.

Переговоры длились еще час. Тео, говоря о деле, полностью преображался. Заикание пропадало, глаза за стеклами очков горели уверенностью. Калаэн ловил себя на мысли, что ему не просто интересно — он наслаждается этой беседой с блестящим аналитиком.

Когда Тео, наконец, собрал свои бумаги и, сунув их в портфель, попрощался, Калаэн остался один в кабинете. Он подошел к столу и взял в руки тот самый убогий клинок, с которого все началось.

Он улыбнулся. Аса не просто отгородилась от него стеной. Она послала к нему человека, который наглядно продемонстрировал: ее мир — это мир высочайших стандартов, бескомпромиссного качества и блестящих умов. И если Калаэн хочет быть в этом мире, ему придется соответствовать.

И он был готов. Не только как генерал, нуждающийся в хорошем оружии. Но и как мужчина, решивший завоевать женщину, которая сама была целой вселенной. И первый, пусть и странный, шаг на этом пути был сделан.

Возле входа в часть, прислонившись к стене казармы, Тео поджидали братья Дельрины. Роуди беззаботно перебрасывал с руки на руку какой-то камень, а Эд стоял в своей привычной позе — скрестив руки, с невозмутимым и слегка отстраненным видом.

Увидев выходящего Тео, Роуди тут же оживился.

— Ну что, герой? Как прошел бой с драконом в его логове? Не сожрал? — он бросил камень и хлопнул Тео по плечу.

Тео вздрогнул, нервно поправил очки и начал вытирать их платком.

— Всё прошло в рамках конструктивного профессионального диалога. Я предоставил исчерпывающие расчеты по модификации процессов закалки и композитным сердечникам для артефактных ядер. Генерал проявил заинтересованность и согласился рассмотреть вопрос о пробной партии.

Роуди закатил глаза с таким драматизмом, будто слушал оперную арию.

— Боже, ну ты и зануда! “Конструктивный профессиональный диалог”! — передразнил он. — Я же говорил, не надо было грузить его всеми этими формулами! Генерал и так был готов на всё. Сабли у мамы и правда блеск! Можно было просто кивнуть и сказать “давайте, мы сделаем вам лучшее оружие в мире”, и контракт был бы у тебя в кармане!

Эд, не меняя позы, тихо хмыкнул, глядя куда-то в сторону плаца.

— Роуди прав. Ты переборщил.

Тео, наконец-то нацепив очки на нос, посмотрел на них попеременно с видом глубокого, почти научного разочарования.

— Подготовка лишней не бывает никогда, — заявил он с непоколебимой уверенностью. — Эмпирические данные и математически выверенные аргументы — единственный способ гарантировать оптимальный результат. Лесть и упрощения — удел дилетантов.

Он сделал паузу, окинул братьев серьезным взглядом и, понизив голос до шепота, произнес:

— Вы вообще отдаете себе отчет, что Аса, узнав, что я встречался с генералом за её спиной и обсуждал технические спецификации её же оружия для армейского контракта, который она уже дважды отклонила... скорее всего, убьет? — Он четко выговорил ее имя, без титула, как было принято в семье. — Вас. Обоих. И меня — за компанию. В лучшем случае, мы все окажемся на улице, а мою лабораторию превратят в склад для тряпья.

Роуди фыркнул, но в его глазах мелькнула тень беспокойства.

— Да ладно тебе, она же не монстр! Ну, отчитает немного... Может быть, лишит десерта на неделю.

Эд наконец оторвал взгляд от плаща и медленно перевел его на Тео. Его лицо оставалось невозмутимым, но в серо-голубых глазах читалась стальная решимость.

— О контракте мы ей расскажем позже, — произнес он ровным тоном, не допускающим возражений. — И позаботимся о том, чтобы подготовка к контракту была оформлена так, будто инициатива исходила от самого военного министерства и лично короля. А твоя встреча будет выглядеть как рядовой технический брифинг по запросу генштаба. Окончательное согласие все равно будет за ней.

— Может быть, мне стоит написать предварительный отчет? — слабо предложил он. — Структурировать всё по пунктам, чтобы смягчить...

— НЕТ! — хором рявкнули на него Эд и Роуди.

Тео замер, его мозг, привыкший к строгим логическим цепочкам, с трудом обрабатывал эту информацию. Он снова снял очки и принялся лихорадочно их протирать.

— Вы предлагаете систематическую и многоуровневую дезинформацию? — прошептал он, пораженный. — В отношении Асы? Это... Это же чистой воды авантюризм с катастрофически высокой вероятностью провала!

— Назови это стратегической операцией, — парировал Роуди, снова подхватив свой камень. Его ухмылка вернулась, но стала более острой, целеустремленной. — Все ради высшего блага. И нашего общего спокойствия.

— Выразусь яснее, — Тео водрузил очки на переносицу и уставился на братьев. — Дело не только в контракте и не в том, что вы пытаетесь помочь бизнесу семьи за ее спиной. Так ведь?

Братья переглянулись. Безмолвный диалог длился секунду. Эд почти незаметно кивнул. Роуди тяжело вздохнул и провел рукой по волосам.

— Ладно, признаем, — сдался Роуди. — Контракт — это просто предлог. Приманка. Мы... э-э... решили, что пора свести родителей. Окончательно и бесповоротно.

Тео отшатнулся, будто от удара током. Его лицо выразило такую гамму чувств — от изумления до возмущения, — что Эд не сдержал легкой усмешки.

— Вы... что?! — выдавил Тео. — Вы вмешиваетесь в личную жизнь... моей практически приемной матери и будущей тещи! Это непрофессионально! Это аморально! Это... — Он замолчал, подбирая самое веское слово. — ...некорректно с точки зрения этики межличностных отношений!

— Ой, отстань со своей этикой! — отмахнулся Роуди. — Смотри на факты. Они оба несчастны по-своему. Он — потому что одинок. Она — потому что не знает, как быть просто женщиной, а не боевой единицей. А мы что, должны сидеть и смотреть, как они и дальше топчутся вокруг да около?

— Да! — воскликнул Тео. — Именно! Это их жизнь, их выбор! Наше дело — предоставить им данные для анализа, а не подтасовывать результаты!

— Иногда данные нужно не предоставить, а правильно подать, — спокойно вступил Эд. — Создать условия для проведения решающего эксперимента. Мама от него шарахается, как от прокаженного. А отец... Он пытается, но бьет мимо цели. Им нужен толчок. Мы его обеспечим.

— И что плохого случится, — подхватил Роуди, разводя руками, — если в результате наших, с позволения сказать, манипуляций, «Стальной Коготь» заключит выгодный контракт с армией?

Тео стоял, тяжело дыша. Его научный ум отчаянно искал изъян в этой, с его точки зрения, безумной схеме. Он видел логику — рискованную, авантюрную, но логику. Он видел цель — благую, без сомнений. Но метод... Метод вызывал у него приступ праведного гнева.

— Что плохого? — процедил он. — Помимо уже озвученного риска быть уничтоженным Асой? Полная потеря доверия! Разрушение паритета в семье! Возможность причинить им обоим боль, если все пойдет не по плану!

— Риск — дело благородное, — философски заметил Роуди. — А боль... Они и так оба давно уже варятся в этом котле. Хуже уж точно не будет.

Эд подошел ближе и положил руку на плечо ошеломленному Тео.

— Мы не заставляем тебя лгать, — сказал он своим тихим, весомым тоном. — Ты представил факты. Ты провел профессиональные переговоры. Остальное — наша забота. Доверься нам. Мы семья. И мы знаем, что делаем.

Тео смотрел на решительные лица братьев, на их абсолютную уверенность, и чувствовал, как его сопротивление тает. Они были иррациональны, непредсказуемы и опасны в своей братской солидарности. Но они любили Асу не меньше него. И, как это ни парадоксально, именно это и пугало его больше всего — их готовность на все ради ее счастья.

— Ладно, — сдавленно прошептал он, чувствуя, как предает все свои принципы. — Но если меня уволят с работы, я лично натравлю на вас Нефу. И ваша комната станет моей личной мастерской.

Роуди радостно хлопнул его по спине, от чего Тео едва не уронил очки.

— Вот это дух! Договорились! Теперь слушай план...

Дорогие читатели. Поздравляю Вас с Пасхой!

Желаю вам домашнего уюта, звонкого детского смеха и куличей, которые получатся самыми вкусными. Пусть в вашем доме пахнет ванилью и воском, а на душе будет легко, как в любимом романе со счастливым концом.

Христос Воскресе!

Глава 9. Семейный совет

Воскресное утро в поместье Дельрини выдалось на удивление солнечным. Золотистые лучи пробивались сквозь высокие окна столовой, заставляя танцевать пылинки в воздухе и отражаясь от начищенного серебра на столе.

За длинным дубовым столом собрались все. Эдвин, как всегда, сидел с непроницаемым лицом, аккуратно нарезая омлет. Роуден, напротив, с упоением намазывал джем на тост, одновременно что-то шепча сидевшей рядом Налле. Нефа, в домашнем платье и с растрепанными волосами, пила кофе и шурилась на свет, как сова, вытащенная из норы. Тео, уже успевший побывать в лаборатории (о чём свидетельствовала лёгкая копоть на манжете), сосредоточенно изучал какую-то схему, разложенную прямо поверх тарелки.

Аса сидела во главе стола и смотрела на это сборище с хорошо разыгранным спокойствием.

Спокойствие, впрочем, было обманчивым.

Она отпила кофе, поставила чашку на блюдце с едва слышным стуком, и все трое — Эдвин, Роуден и Тео — синхронно подняли головы.

Аса медленно перевела взгляд с одного на другого. Потом на Наллу, которая с удивительно невинным видом помешивала чай. На Нефу, которая вдруг сделала вид, что ужасно занята изучением крошек на скатерти.

Её пальцы поднялись, и жесты были чёткими, рубящими, не терпящими возражений.

«А теперь объясните мне, — она ткнула пальцем в Тео, потом в Эдвина, потом в Роудена, — что это за самостоятельность? Переговоры с генералом Глортейном о поставке оружия в армию?»

Тео поперхнулся чаем. Роуди, перестав жевать, уставился на мать с выражением нашкодившего щенка. Один Эдвин сохранил невозмутимость, хотя его пальцы на мгновение замерли над вилок.

Аса не дала им опомниться.

«Контракт с армией я отклонила. И разрешения на переговоры не давала. Откуда, скажите на милость, взялся господин Абнетри в кабинете генерала?»

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и прозрачный, как ледяная гладь.

Тео заёрзал на стуле, поправил очки и, кажется, начал подбирать слова для обоснования своего присутствия на переговорах. Но Эдвин его опередил.

— От генштаба поступил официальный запрос, — сказал он ровным, спокойным голосом, будто докладывал обстановку на плацу. — Генерал Глортейн, как командующий, обратился ко мне и Роудену с просьбой поспособствовать организации встречи для обсуждения технических характеристик вооружения.

Он сделал паузу, давая матери осмыслить.

— Обсуждение технических характеристик, — подчеркнул он, — это ещё не заключение контракта.

Аса смотрела на сына, и её взгляд мог бы прожечь дыру в каменной стене.

«Раньше вы никогда не интересовались семейным бизнесом», — её пальцы выбивали слова в воздухе с холодной, ледяной точностью. — «Никогда. И вдруг такая забота?»

— Мам, — подал голос Роуди, и в его обычно шутиливом тоне сейчас слышались серьёзные нотки, — семейный бизнес нам, может, и не так интересен. А вот чем мы, в случае чего, сражаться будем — этот вопрос нас очень интересует.

Он отложил тост, посмотрел матери прямо в глаза.

— Ты видела те сабли, которые нам сейчас поставляют? Хрупкий сплав, баланс никудышный. А твоё оружие... — он покачал головой с искренним восхищением, — мам, твои клинки и ружья блеск.

Тео, наконец собравшись с духом, поправил очки и добавил своим тихим, вдумчивым голосом:

— Э-э-э... технически, если мы начнём поставлять оружие в армию, это позволит нам... — он запнулся, подбирая слова, — масштабировать производство. Внедрить новые технологии, которые сейчас слишком дороги для мелких партий. В долгосрочной перспективе это снизит себестоимость и для гражданских заказов. Я подготовил расчёты, если хочешь...

Он потянулся к салфетке, чтобы прямо на ней нарисовать схему, но Аса жестом остановила его.

«Не надо расчётов. Я в них не сомневаюсь. Я сомневаюсь в ваших мотивах. Вы что, решили, что я не замечу?»

— Мам, — начал было Роуди, но она подняла руку, заставляя его замолчать.

«Ты, — ткнула она в Тео. — Ты гений, но ты идиот, если думаешь, что я поверю в официальный запрос»

Тео поперхнулся воздухом и снял очки, принявшись судорожно их протирать.

«Ты, — палец переместился на Роудена. — Ты не врёшь, когда говоришь, что вас заботит качество оружия, но это явно не единственное, что тебя заботит».

Роуди открыл рот, закрыл и уставился в тарелку.

«А вы, — её рука описала дугу, указывая на Наллу и Нефу. — Вы обе старательно смотрите куда угодно, только не на меня. Налла, ты чай перемешиваешь уже пять минут. Он давно остыл. Нефа, на скатерти больше нет крошек. Оставь её в покое».

Нефа виновато отдернула руку.

Аса перевела взгляд на Эдвина. Он единственный не отводил взгляда. Просто положил вилку, вытер губы салфеткой и посмотрел на мать прямо.

— Мы не собираемся говорить отцу правду о себе, если тебя это волнует, — сказал он. — Этот вопрос давно решён.

Аса смотрела на него, и волчица внутри вдруг встрепенулась.

Пахнет правдой.

Но интуиция, что спасала её сотни раз в бою и в бизнесе, заорала, что это *далеко не вся правда.*

Что-то не так.

«Меня не волнует, соберетесь вы говорить отцу о себе правду или нет. Ваше право, вам решать. Но я не люблю, когда мне лгут»

— Мам, — глаза Нефы загорелись самым опасным блеском, который обычно не предвещал ничего хорошего. — Ну хватит уже драматизировать! У нас с Тео есть кое-что получше твоих подозрений.

Она театрально выдержала паузу, явно наслаждаясь моментом.

— У нас с Тео есть разработки артефактов, которые идеально подошли бы для разведки. Маскировочные амулеты, подавители сигнальных заклинаний, артефакты, маскирующие запах. Мы никому их не продаём, потому что некуда. Гражданским они не нужны, а чёрный рынок... это не наш метод. Скучно и вульгарно.

Нефа подалась вперёд, опершись локтями на стол, и её голос стал вкрадчивым, как у кошки, заметившей жирную мышь.

— А вот если бы ты, мамочка, заключила с генералом контракт... — она многозначительно подняла бровь, и в её голосе зазвенели откровенно лукавые нотки. — ...мы бы развернулись в исследованиях так, что у военной разведки слюнки потекли бы. Мальчики знают! Они всё уши мне прожужжали! Правда, мальчики?

Нефа обвела взглядом братьев с видом заговорщицы, которая только что выложила на стол козырного туза и ждёт, когда все остальные начнут аплодировать.

Юноши синхронно кивнули, а Нефа замолчала, глядя на мать с надеждой.

Тео, поддерживая невесту, кивнул:

— Э-э-э... технически, маскировочные артефакты уже прошли полевые испытания. Они работают. Я могу показать тебе отчёты.

Снова пахнет правдой. Но она далеко не дура! Запах легко можно спрятать или дать ему звучать нужными оттенками, если ЗНАТЬ, как это сделать. А ее дети прекрасно это знают.

Аса смотрела на них. На свою стаю, на своих щенков, которые выросли и теперь считали, что имеют право решать за неё. И внутри нее поднялась глухая, давно знакомая злость от того, что её снова ставят перед фактом.

Волчица внутри лениво перевернулась на другой бок, зевнула и прошептала:

«Лучший способ узнать, что задумали щенки и драконенки — подыграть».

Аса мысленно фыркнула.

«Подыграть? Ты предлагаешь мне притвориться, что я ничего не замечаю?»

«Я предлагаю тебе не рубить с плеча. Понаблюдай. Узнай. А потом решиай. В конечном счете, в нашей стае всегда все решают вместе».

Да, в стае всё решают вместе. Даже если один из членов стаи — упрямая, не желающая ничьей помощи волчица.

Она мысленно зарычала на себя.

Асе-человеку план не нравился. Она ненавидела, когда что-то решали за её спиной. Ненавидела, когда её водили за нос. Ненавидела, когда те, кого она любила, смотрели на неё честными глазами, за которыми пряталась ложь.

Но волчица была права.

Если она сейчас устроит скандал, они замкнутся. Спрячут концы в воду. И она никогда не узнает, что они задумали.

А они что-то задумали. Может просто хотят... чего? Помочь? Или свести её с Калаэном?

Мысль ударила, холодная и отрезвляющая. И откуда она только взялась? Абсурд!

Аса посмотрела на Эдвина. На Роудена. На Нефу. На Наллу.

Они что, решили стать сватами?

Она чуть не фыркнула вслух.

Боги, только этого не хватало. Нет, нет и нет! Однозначно нет!

Но волчица внутри довольно заурчала.

«Умные щенки», — одобрила она. — «Правильно делают. Сама ты никогда не признаешься. А так всё само собой...»

Аса мысленно приказала волчице заткнуться.

Но та лишь лениво вильнула хвостом. Плевать! Все равно не ей решать! Она не станет ничего начинать с Калаэном! Но подыграть, подыграет! Крег с ними! Лучше пусть думают, что ничего не вышло, чем попробуют новую диверсию.

Аса медленно опустила руку. Напряжение в её плечах чуть ослабло, но только чуть. Она взяла чашку, сделала ещё один глоток, поставила её обратно с лёгким стуком.

Потом подняла взгляд на Эдвина.

«Ладно. Мальчики, назначьте встречу с генералом. Обсудим. Технические детали».

Она подчеркнула последние два жеста.

Нефа просияла. Тео облегчённо выдохнул и принялся поправлять очки, которые и так сидели идеально. Роуди расплылся в улыбке.

Эдвин кивнул. Один раз. Коротко.

— Я передам, — сказал он.

Аса поднялась из-за стола. Есть больше не хотелось.

— Мам, — окликнул её Роуди, когда она уже была у двери, — а ты... ты не злишься?

Она обернулась.

Посмотрела на него. На Эдвина. На Нефу, которая вдруг снова стала виноватой. На Наллу, которая смотрела на неё с мольбой. На Тео, который зачем-то снял очки и снова начал их протирать.

«Злюсь», — честно призналась она. — «Но это ничего не меняет. Вы всё равно уже всё решили».

Она вышла из столовой, оставив их в тишине.

В коридоре она остановилась, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Волчица внутри довольно урчала.

«Хорошие щенки и драконёныш», — повторила она. — «Умные. Заботливые. И он хороший. Ты же знаешь, что его тогда там не было».

Аса мысленно зарычала на неё.

Обычно волчица слушалась ее, но сегодня была непробиваема.

«Заткнись», — мысленно приказала Аса.

Волчица замолчала. Но удовлетворённое урчание не прекратилось.

Оно только чуть притихло.

* * *

Аса говорила им, что злится? Нет, она не злилась! Она была в бешенстве!

Ну неужели они не могли назначить встречу на заводе или хотя бы в её поместье? Почему нужно было ехать именно в особняк Глортейна?

Карета мягко покачивалась на рессорах, и Аса сидела, уставившись в окно на проплывающие мимо улицы. Она узнавала этот район. Двадцать один год назад она ходила здесь пешком, закутанная в скромное платье горничной, с низко опущенной головой, чтобы никто не разглядел лица. Тогда она была никем — без голоса, без имени, без будущего. Просто Тень, которая пряталась среди прислуги, потому что это было удобно.

А теперь она ехала сюда в собственной карете, с гербом Дельрины на дверцах, и её сопровождала дочь.

Нефа сидела напротив, разглядывая улицу с таким видом, будто ничего особенного не происходит. Одна нога небрежно закинута на другую, взгляд лениво скользит по улицам, но Аса видела больше: напряжённые плечи, пальцы, нервно теребящие край перчатки, и тот самый опасный блеск в глазах, который обычно означал, что дочь что-то задумала. И уж точно не ради переводческой миссии она увязалась с матерью.

— Красивые здесь дома, — заметила Нефа с видом знатока, когда карета свернула на улицу Алетьери. — Дорогие. И охрана приличная. Если когда-нибудь решу ограбить банк, я буду знать, где брать воротил для крышевания.

Она не ответила. Просто смотрела, как за окном проплывают знакомые ограды, кованые ворота, аккуратные подъездные аллеи. Вот дом, где она убиралась двадцать один год назад. Вот окна её комнаты — маленькой, тесной каморки на мансарде.

— Мам, ты хоть улыбнись, — Нефа наклонилась вперёд, заглядывая матери в лицо. — А то мы сейчас зайдём, а у генерала слуги разбегутся от твоего выражения лица. Подумают, что герцогиня Дельрины явилась требовать дань или, на худой конец, откусить кому-нибудь голову.

Аса медленно перевела на неё взгляд. Нефа выдержала его с совершенно невинным выражением — и тут же рассмеялась, сверкнув глазами.

— Ладно, молчу, молчу.

Карета остановилась.

Кучер, пожилой, но ещё крепкий мужчина по имени Корбен, прыгнул с козел и отворил дверцу кареты с той неторопливой, размеренной основательностью, которая отличала всех, кто долго работал у герцогини Дельрины. Он подал руку сначала Нефе. Та легко прыгнула на мощеную дорожку — грациозно, но без жеманства, по-кошачьи — поправила юбку и с любопытством уставилась на фасад особняка. Затем помог выйти Асе.

Она ступила на гравий и подняла голову.

Особняк Глортейнов был именно таким, каким она его помнила. Массивные дубовые двери, кованые канделябры по бокам, герб над входом — дракон, расправивший крылья, — и этот особенный, въевшийся в камни запах старого богатства и власти. Ничего не изменилось. Кроме неё.

Нефа встала рядом, чуть позади плеча матери. Поза, которую Аса узнала: не подчинение, а готовность прикрыть спину. Дочь всегда была слишком хороша в этих молчаливых, стайных вещах.

— Пойдем, — одними губами сказала Аса и направилась к двери.

Нефа, не обгоняя, двинулась следом, и её каблучки выбивали по каменным плитам дорожки короткий, уверенный ритм.

Она не успела постучать. Дверь открылась раньше, будто за ней стояли и ждали. На пороге возник Ферран.

Аса узнала его мгновенно. Дворецкий постарел. Это было видно по седине, прошившей виски, по более глубоким морщинам у рта и по той неуловимой хрупкости, которая появляется у людей, когда годы начинают брать свое. Но выправка осталась прежней: прямая спина, безупречный черный сюртук, лицо, вышколенное до каменной невозмутимости.

Он сделал шаг назад, пропуская их внутрь, и его взгляд вежливо скользнул по Нефе, но без интереса. А потом остановился на Асе.

— Ваша светлость, — произнес он, и голос его, обычно ровный и безупречный, чуть дрогнул. — Добро пожаловать. Генерал ждет вас в малом кабинете на втором этаже. Я провожу...

Он замолчал на полуслове. Аса видела, как его выцветшие, но все еще цепкие глаза пробежали по ее лицу, по темным волосам, убранном в строгий пучок, по шерстяному платью, по герцогской броши у ворота. В его запахе сначала было вежливое, профессиональное любопытство. Потом — узнавание, медленное, неверящее, как у человека, который видит привидение среди бела дня.

А потом — ошеломление.

Оно ударило в нос Асе, резкое и соленое, как морская вода. Запах шока. Ферран, чья знаменитая выдержка была легендой среди столичной прислуги, стоял и смотрел на неё, как на восставшую из мертвых.

И тогда из его горла вырвалось то, чего Аса никак не ожидала услышать от этого человека:

— Госпожа... Рейни.

Это был не вопрос. Это было узнавание — окончательное, бесповоротное, вырвавшееся наружу прежде, чем Ферран успел его подавить.

Аса почувствовала, как уголки ее губ сами собой дрогнули в усмешке.

Давненько её не называли этим именем.

Она не ответила. Не могла. Только смотрела на Феррана, и в её черных глазах плясало что-то очень похожее на веселье.

А потом её рука поднялась. Медленно, почти лениво. Пальцы сложились в привычные, отточенные жесты — вежливые, спокойные, без тени превосходства или смущения.

«Добрый день, господин Ферран. Рада вас видеть».

Нефа, стоявшая за плечом матери, перевела. Её голос звучал ровно и учтиво, как и подобает дочери герцогини. Но глаза смеялись. Аса чувствовала это, даже не оборачиваясь. Дочь

веселилась над этой странной, почти театральной иронией судьбы, которая свела их всех здесь, спустя двадцать один год.

Ферран, поняв, что проболтался, выпрямился. Его лицо снова стало каменным, но запах ошеломления никуда не делся.

— Прошу прощения, ваша светлость, — произнес он, и его голос снова был ровным, безупречным, будто ничего не случилось. — Не смею задерживать. Следуйте за мной.

Он развернулся и зашагал вверх по лестнице, и Аса с Нефой пошли следом.

Нефа, шедшая чуть позади, наклонилась к самому уху матери и прошептала так тихо, что обычный человек не расслышал бы и на шагу:

— Рейни... Боги, мам, это звучит как имя разбойницы с большой дороги. Я в восторге. Но, правда, я думала, ты уже все секреты нам выложила.

Аса усмехнулась краем губ и едва заметно пожала плечами.

Нефа тихо хмыкнула, но промолчала.

Они поднимались по лестнице, и Аса чувствовала, как каждый шаг отдается в груди глухим, далеким эхом. Здесь она ходила по коридорам, стараясь быть незаметной, натирала полы и чистила ковры. Здесь Калаэн тогда поднимался в свой кабинет, а она прижималась к перилам, опустив голову.

«Горничная», — скользнул по ней его взгляд, равнодушный, не задержавшийся и на секунду. И прошел мимо.

А она выдохнула и продолжила скрести подсвечники.

Аса сжала пальцы в кулак, прогоняя воспоминания.

Ферран остановился перед тяжелой дубовой дверью в конце коридора. Постучал. Голос из-за двери — тот самый, низкий, с командными нотками — отозвался:

— Войдите.

Дворецкий открыл дверь и отступил в сторону, пропуская гостью.

— Ваша светлость, — объявил он. — Герцогиня Рей... ох, простите, герцогиня Дельрини.

Аса шагнула через порог. Нефа — следом. И уже на пороге, не удержавшись, бросила Феррану короткий, лукавый взгляд:

— А вы, я смотрю, сокровище, а не дворецкий, — усмехнулась Нефа, скользнув мимо него. — Мам, может, переманим?

И, не дожидаясь ответа, скользнула в кабинет за матерью.

* * *

Внизу хлопнула дверца кареты, и Калаэн усмехнулся, доставая из кармана мундира небольшой артефакт в виде амулета.

Он покрутил его в пальцах, разглядывая тонкую работу Нефариин. Маленький серебряный круг с едва заметной пульсацией магии внутри. Артефакт, подавляющий запах, как пояснил Роуден.

Калаэн тогда не сдержал усмешки. Юноша стоял перед ним, вытянувшись по стойке «смирно», но в глазах его плясали такие чертики, что генерал на мгновение задумался: не слишком ли много воли она дает своим сыновьям?

— И часто вы с сестрой... вмешиваетесь в дела матери? — спросил он тогда, принимая амулет.

— Только когда это необходимо, господин генерал, — Роуди выдержал паузу с идеально серьезным лицом, но уголки его губ предательски дрожали. — Мы заботимся о семейном благополучии. Это наша... стратегическая задача.

Калаэн тогда фыркнул, но амулет на переговоры надел. Он чувствовал себя немного глупо, но отметил, что Аса действительно перестала бросать на него короткие, настороженные взгляды.

Теперь, стоя у окна и глядя, как карета с гербом Дельрини сворачивает за угол, он позволил себе оценить прошедшие переговоры.

Они прошли успешно.

Аса согласилась на контракт.

Он прокручивал в памяти каждую деталь их встречи. Как она вошла — плавно, бесшумно, с той особой грацией, которая отличала её от всех женщин, которых он знал. Как села напротив, сложив руки на столе, и её пальцы начали выводить жесты. Как Нефария, сидевшая рядом, переводила её слова ровным, спокойным голосом, иногда чуть заметно улыбаясь, когда мать допускала особенно едкий комментарий.

Калаэн слушал, но смотрел на руки Асы.

Он уже начинал понимать.

Учебник по языку жестов, который Вирл раздобыл ему неделю назад, лежал в ящике его стола, истрепанный и испещренный пометками. Каждый вечер, возвращаясь в поместье, он проводил час за его изучением. Постепенно, слово за словом, жест за жестом, он начал вспоминать. И сегодня, во время переговоров, он поймал себя на том, что понимает многое из ее речи без помощи Нефарии.

В конце концов они пришли к соглашению. Пробная партия, затем опцион на расширение. Цена — компромиссная. Сроки — жёсткие, но реалистичные.

Когда дамы вышли, он остался стоять у окна. Провожал их взглядом, разглядывая тонкую вязь рун, выгравированных по краю амулета. Работа Нефарии была великолепна. Он уже проверил, артефакт действительно подавлял запах, делая его «нейтральным» для чужого обоняния.

«Наденете — не сбежит», — вспомнил он слова Роудена.

Усмехнулся.

Дети Асы оказались самыми неожиданными союзниками в этой битве.

До вчерашнего дня он и не подозревал, что для волков-перевертышей каждая эмоция, каждое сомнение, каждая вспышка желания имели свой запах. Мысль была странной, почти неловкой, что её сын чувствовал всё. С первого дня. С того самого разговора у костра, когда он, сам того не зная, выдал себя с головой.

Калаэн провёл рукой по лицу, прогоняя наваждение.

И всё же... почему они помогают? Почему двое ее сыновей с такой готовностью подыгрывают ему? Подсовывают амулеты, устраивают встречи, шепчутся за его спиной, сводничают, крег его заберут?

«Что они с этого имеют?» — мысль кольнула подозрением, тут же угасшим. Не потому, что он был доверчив. А потому что отчего то был уверен, что эти двое не предадут. Не продадут. Не сыграют злую шутку.

«Интересно, как далеко я могу пойти в их помощи?» — подумал Калаэн, и усмешка его стала шире, почти мальчишеской. — *«Может, они и записку ей передадут, если я попрошу? Или заманят в ловушку... в хорошем смысле? Устроят так, чтобы мы остались наедине?»*

Мысль была соблазнительной. И пугающей. Потому что если они — его союзники, то она — его противник. И в этой битве, где нет ни оружия, ни стратегии, ни права на ошибку, он понятия не имел, как победить.

Он услышал шаги за дверью. Лёгкие, уверенные, с той особенной, размеренной поступью, которая отличала старого, вышколенного слугу.

— Войдите, — сказал Калаэн, не оборачиваясь.

Дверь открылась. Ферран, безупречный в своём тёмном сюртуке, с серебряным подносом в руках, шагнул в кабинет. На подносе дымился чайник, стояла чашка, сахарница и тарелка с тонко нарезанным лимоном.

— Ваша светлость, — Ферран поклонился, ставя поднос на край стола. — Я подумал, что вам, возможно, захочется чаю.

Калаэн кивнул, не глядя на него. Мысли его были далеко.

Ферран стоял у стола, и его руки, обычно такие уверенные, сейчас мелко дрожали. Чайник на подносе чуть звякнул, и Калаэн, заметив эту дрожь, нахмурился.

— Что с вами, Ферран? — спросил он, и в голосе его прозвучало лёгкое раздражение. — Вы больны?

— Никак нет, ваша светлость, — Ферран выпрямился, и дрожь в его руках, казалось, усилилась. — Я просто... все в порядке.

— Мне кажется, что не в порядке, — голос Калаэна стал жёстче, хотя в нём не было привычной командирской резкости, только холодное, колющее недоумение. — Вы ошиблись, Ферран, когда представляли герцогиню. И едва не назвали её другой фамилией. Это недопустимо для дворецкого в моём доме.

Ферран, всё ещё стоявший у стола с подносом, на котором дымился забытый чай, медленно выпрямился. Дрожь в его руках не утихала, но теперь Калаэн видел, что это была не слабость. Это было напряжение. Сдерживаемое, вымученное, почти болезненное напряжение человека, который вот-вот скажет то, что может стоить ему места.

— Прошу прощения, ваша светлость, — голос дворецкого был ровным, но в нём прозвучала глухая нотка, которую Калаэн слышал только однажды. Много лет назад, когда он докладывал ему о результатах осмотра той девушки, Клары. — Я не ошибся.

— Что значит «не ошибся»?

Ферран поставил поднос на край стола. Его руки, всё ещё дрожащие, но уже более спокойные, опустились вдоль тела. Он смотрел прямо на Калаэна, и в его выцветших, но всё ещё цепких глазах плескалось что-то, чему генерал не мог подобрать названия. Стыд? Смущение?

— Двадцать один год назад, ваша светлость, — сказал Ферран, и голос его, всегда такой ровный, безупречный, вдруг дрогнул. — В этом доме служила горничная. Её звали Аса Рейни. Она была немая. Тихая, незаметная, очень старательная. Я принял её по рекомендации. Она работала у нас недолго, всего полтора месяца.

Он замолчал, давая Калаэну время осознать услышанное. Но Калаэн не мог осознать. Слова Феррана падали в его сознание, как камни в воду, расходясь тяжёлыми, медленными кругами, размывая реальность, делая её зыбкой, нереальной.

— А сегодня я узнал в герцогине ту самую девушку, — продолжал Ферран. — И это... немного неловко узнать, что отдавал распоряжение об уборке потомственной аристократке.

Калаэн сидел, не в силах пошевелиться. Внутри него, там, где дракон метался в тесной клетке человеческого тела, вдруг стало тихо. Очень тихо. Словно зверь тоже слушал, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово.

— Горничная, — повторил Калаэн, и голос его прозвучал глухо, почти безразлично, хотя внутри всё кипело, рвалось наружу, требовало выхода. — Вы хотите сказать, что герцогиня Дельрины... двадцать один год назад работала в моём доме горничной?

Ферран коротко кивнул. Один раз.

Калаэн откинулся на спинку кресла, провёл рукой по лицу, прогоняя наваждение. Внутри всё кипело, требовало выхода, требовало действий, но он заставлял себя думать. Холодно. Расчётливо. Как учили в академии.

— Вы можете идти, Ферран, — сказал он, не глядя на дворецкого. — Спасибо, что сказали.

Ферран поклонился. Развернулся и бесшумно направился к двери.

Дверь закрылась с тихим, почти неслышным шелчком. И тогда Калаэн позволил себе то, чего не мог при Ферране. Его кулак с силой опустился на стол, заставив подпрыгнуть чернильницу. Бумаги разлетелись в стороны. Он не обратил на них внимания.

Злость накатывала волнами. Горячая, иррациональная, почти ослепляющая.

Она работала в его доме.

Полтора месяца. Она была здесь, под одной крышей с ним, и он ничего не замечал. Она натирала полы в его доме, подавала ему завтрак, а он смотрел сквозь неё, как сквозь пустое место.

Калаэн поднялся, прошёлся по кабинету, чувствуя, как тесно ему в этих стенах. Рванул воротник мундира, словно тот душил его.

Она видела его каждое утро. Знала, когда он уходит и когда возвращается. Знала, что он ест, с кем разговаривает, какие бумаги подписывает.

А он...

Он остановился у окна, прижался лбом к холодному стеклу. В саду темнело, и редкие фонари отбрасывали тусклые пятна света на дорожки.

Он мог просто пройти в крыло прислуги.

В любую минуту. В любой день. Пройти туда, открыть дверь её комнаты и увидеть её. Не Тень в маске, а её. Женщину, которая пряталась от него в его же собственном доме.

Калаэн сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Крег тебя дерит, Аса, — прошептал он в темноту. — Крег тебя дерит.

Он хотел что-нибудь разбить. Схватить подсвечник и швырнуть в стену. Опрокинуть стул. Разнести этот кабинет в щепки, потому что внутри было слишком много всего — ярости, обиды, унижения, и всё это не находило выхода.

Но он сдержался.

Генералы не разбивают мебель. Генералы держат удар.

Он выдохнул. Глубоко. Потом ещё раз. Подошёл к столу, поднял упавшие бумаги, поправил чернильницу. Сел в кресло и уставился в одну точку на стене.

Он вспомнил тот день, когда вернулся домой. Да, кажется, в тот день он действительно познакомился с новой прислужгой. И с новой горничной. Темноволосой, с опущенной головой. Он тогда подумал: «Ещё одна. Все они на одно лицо». И прошёл мимо.

Он ходил по дому, как слепой котёнок, и ничего не замечал.

Генерал. Герцог. Дракон.

А она провела его, как щенка.

Калаэн усмехнулся. В этой усмешке не было веселья. Только холодная, ледяная злость на самого себя за слепоту и самоуверенность. За то, что считал себя самым умным, а на деле оказался последним дураком, который не видел дальше собственного носа.

Как же он был слеп.

Он подошёл к столу, взял чернильницу и посмотрел на своё отражение в её тёмной, блестящей поверхности.

— Ну что Тень? — спросил он снова, и его голос прозвучал тихо, почти ласково. — Что ещё я о тебе не знаю?

В моей группе в ВК (Писатель Европейцева Александра) есть чат "Обмен рекомендациями книг". В нем участники рассказывают, какие книги других авторов им пришлись по вкусу! Присоединяйтесь!

Глава 10. Тело в цеху

Два месяца пролетели как одно мгновение.

Калаэн стоял на полигоне за Северным фортom, наблюдая, как артиллерийский расчет работает с новыми ружьями "Стального когтя". Ритмичные выстрелы разрывали утреннюю тишину, и облачка сизого дыма поднимались к бледно-голубому небу. Результаты превосходили все ожидания.

— Тридцать процентов точности на дистанции в полтора раза выше штатной, — Вирл, стоявший рядом с блокнотом, докладывал ровным, но взволнованным голосом. — Осечек практически нет. Артефактные ядра держат заряд в два раза дольше. Солдаты в восторге, ваша светлость.

Калаэн кивнул, не отрывая взгляда от стрелков. Он уже знал эти цифры, знал их наизусть, но каждый раз, когда видел подтверждение, внутри разливалось странное, почти детское удовлетворение. *Её работа. Её завод. Её гений.*

— А новые сабли? — спросил он, принимая из рук Вирла протянутый образец.

Он вытащил клинок из ножен, и сталь блеснула на солнце холодным, ровным светом. Баланс был отличный. Рукоять ложилась в ладонь как влитая. Калаэн сделал несколько пробных выпадов, чувствуя, как оружие становится продолжением руки.

Впрочем, от мекеша, прекрасно знающего толк в оружии, он другого и не ожидал.

— Лучше, чем мы рассчитывали, — признал он.

Вирл кивнул и сделал пометку в блокноте.

— Что касается маскировочных артефактов, которые представила госпожа Нефария... — адъютант запнулся, подбирая слова. — Полевые испытания прошли успешно. Разведчики, экипированные ими, смогли подобраться к условному штабу противника на расстояние двадцати шагов незамеченными. Генерал Райнер, который проводил учения, назвал это "нечестным преимуществом".

Калаэн усмехнулся.

— Война не терпит честности, Вирл. Передайте Райнеру, что я жду от него полный отчет. И пусть готовит заказ для разведывательных подразделений. Если госпожа Нефария согласится на массовое производство.

— Так точно, ваша светлость.

Калаэн вернул саблю адъютанту и окинул взглядом полигон. Солдаты, закончив стрельбы, строились в колонну, чтобы отправиться на обед. Кто-то перешучивался, кто-то устало потирал плечи, примятые отдачей. Обычная, будничная армейская жизнь. Но в ней теперь было что-то новое. Что-то, что связывало его с ней.

С Асой.

Он гнал от себя эту мысль последние две недели, но она возвращалась снова и снова, как только он оставался один. Или даже не один. Стоило ему увидеть новый образец оружия, услышать имя Дельрины в докладе, поймать себя на том, что он смотрит на карту поставок и думает не о логистике, а о том, как она сидит в своем кабинете, склонившись над бумагами, и её пальцы выводят на листе ровные строчки отчетов.

Завод Асы он посетил трижды.

Первый раз — официально, в составе комиссии по приёмке пробной партии. Его сопровождали Вирл, Торвальд и двое интендантов с блокнотами и вечно кислыми лицами. Аса встречала их у ворот в строгом тёмном платье, с непроницаемым лицом и тем самым взглядом, который, казалось, просверливал дыры в стенах. Рядом стоял начальник службы безопасности, Харц Карвин и управляющий Гастон Бертье.

Они провели их по цехам. Аса показала кузницы, где раскалённый металл шипел в воде, и артефакторные мастерские, где тишину нарушало только тихое жужжание магических резонаторов. Её пальцы мелькали в воздухе, объясняя технологические процессы, а рядом шёл молодой переводчик. Не Нефа в этот раз, а один из её помощников, парнишка с острым взглядом и безупречной выучкой.

Производство Калаэну понравилось. Он гнал от себя эту мысль, которая лезла настойчиво, как сорняк сквозь камни. Мысль о том, что он смотрит на завод не только глазами генерала, заинтересованного в перевооружении армии. Он смотрел на него глазами мужчины, который присматривается к приданому.

Это открытие было неприятным. Даже мерзким.

Потому что двадцать один год назад он сказал ей, что не может на ней жениться. У Тени не было ни состояния, ни титула. Она была никем. Безымянным призраком, который выполнял его приказы и исчезал в ночи. Он восхищался ею, хотел её, но жениться... Женитьба была делом иного порядка. Как герцогу ему нужна была жена с положением, с деньгами, с древним родом за спиной.

Теперь у Асы было всё.

Титул герцогини, возвращенный по праву крови. Заводы, приносящие доход, налог с которых составлял почти пятнадцать процентов поступлений в казну. Земли, рудники, сеть лавок.

Калаэн сжал челюсть, чувствуя, как желваки заходили на скулах.

Отец, впервые услышав о его намерениях, поджал губы, но кивнул. Мать, королева светских раутов, вздохнула с укоризной. Дед, отставной генерал, проворчал что-то о «позорных бастардах». Но когда им назвали цифры — состояние Асы, её годовой доход, её влияние в Торговом совете и гильдиях — их мнение изменилось. Не с радостью, но изменилось. Потому что герцогиня Дельрины, даже с тремя внебрачными детьми, стала партией, отказывать которой было бы... недальновидно.

Ведь в случае брака, по закону, все ее состояние могло перейти, если не в его собственность, то под его управление.

«Даже простой фермер, крег его дери, смотрит, сколько овец приведёт невеста в приданое», — с горечью подумал Калаэн, проходя мимо штабелей готовых сабель, упакованных в промасленную бумагу. — *«А я... я ничем не лучше».*

Он хотел жениться на Асе. Он *хотел* её. Не только как женщину. Её тело снилось ему почти каждую ночь, эти сны были жаркими, смутными и оставляли после себя чувство вины и неутоленной жажды. Он хотел её как личность — умную, сильную, несгибаемую. Он хотел её семью — этих удивительных, шумных, преданных друг другу детей, которые уже стали для него кем-то большим, чем просто подчинённые.

Но теперь, стоя в её цеху, среди её богатства, он с омерзением к самому себе понимал: в его решении был и этот, меркантильный оттенок. Если бы она осталась Тенью — без гроша, без имени, с тремя детьми-бастардами на руках и племянницей, — он бы всё равно хотел её. Но он *не смог бы* тогда жениться. А теперь — мог. И это «мог» пахло не только влюбленностью, но и расчётом.

«Ты лицемер, Глортейн», — сказал он себе, глядя, как переводчик, молодой парнишка с острым взглядом, ловит каждое движение пальцев Асы, чтобы тут же перевести ее слова интендантам. — *«Ты не лучше тех, кого презираешь».*

Но он не мог ничего с собой поделать. Тот факт, что её руки были наполнены богатством и властью, делал их союз... удобным. Для семьи.

«Любовь — приятный бонус», — всплыли в памяти чьи-то слова. Слова матери? Отца? Или его собственные, сказанные когда-то в пылу спора с кузеном, который женился на бесприданнице-лекаре?

Он почти услышал голоса предков: *«Династия, Калаэн. Ты не имеешь права думать только о себе. Ты продолжатель рода. Твоя жена должна быть достойна».*

Аса была достойна. Более чем.

И эта мысль — холодная, прагматичная, аристократическая — вызвала у него приступ тошноты. Потому что рядом с ней, в этом цеху, где пахло честным трудом и железом, все эти рассуждения о титулах и приданом казались пошлостью.

«Я хочу её», — сказал он себе, вкладывая в это слово всю ярость и отчаяние, на которые был способен. — *«И это — главное. А остальное... остальное просто помогает мне не выглядеть дураком в глазах родни».*

Он почти поверил в это.

Почти.

Вирл тогда, заметив, что генерал задумался, подошёл ближе.

— Ваша светлость, следующая точка осмотра — артефакторная мастерская. Герцогиня уже ждёт.

Калаэн кивнул и, сделав над собой усилие, выбросил из головы все лишние мысли. Он — генерал. Он здесь, чтобы оценить качество вооружения. А то, что его сердце колотится быстрее, а взгляд то и дело прикипает к затылку Асы, где выбилась одна непослушная прядь из строгого пучка... это не имеет значения. Совсем.

Он соврал себе. И пошёл за ней. В артефакторную мастерскую, где его ждала встреча с женщиной, на которой он твёрдо решил жениться. И это решение, принятое и сердцем, и холодным рассудком, теперь казалось ему единственно верным. Каким бы неблагородным ни был путь к нему.

* * *

В поместье Синяя Роза Калаэн въехал ровно в четыре часа пополудни, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая фасад особняка в тёплые, медовые тона. Он мог бы поручить это Вирлу. Мог бы отправить с бумагами любого из адъютантов. Мог бы, в конце концов, попросить братьев Дельрины передать бумаги матери при следующей их увольнительной.

Но зачем отказывать себе в удовольствии?

Калаэн усмехнулся собственным мыслям, когда слуга принимал у него плащ. Он чувствовал себя мальчишкой, который ищет любой предлог, чтобы оказаться рядом с той, кто не даёт покоя. Неприлично. Не по-генеральски. Но он давно перестал корить себя за эту слабость.

Его провели в кабинет — просторную, светлую комнату на втором этаже с высокими окнами, выходящими в сад. Здесь пахло кожей, деревом и сушёными травами. На стенах висели карты, несколько портретов. Стол был завален бумагами, но в этом хаосе чувствовался порядок, понятный только ей одной.

Аса сидела за столом и, не поднимая головы, что-то писала. Перо скользило по бумаге. При его появлении она чуть заметно напряглась — волчица уловила его запах за секунду до того, как слуга объявил о госте, — но не оторвалась от дела. Только кивнула на кресло напротив.

— Ваша светлость, — Калаэн опустил в кресло, чувствуя, как мягкая обивка принимает его тело. — Прошу прощения, что отвлекаю от дел. Хотел передать подписанные счета и распоряжения на оплату второй партии...

Он положил на край стола кожаную папку. Аса мельком взглянула на неё, кивнула и сделала жест слуге, который тут же исчез за дверью. Через несколько минут на столе уже дымился чайник, стояли две чашки, сахарница и тарелка с тонко нарезанным лимоном.

Аса отложила перо. Только тогда подняла на него взгляд.

Чёрные глаза — бездонные, спокойные, ничего не выражающие. Но Калаэн уже научился читать в них больше, чем она хотела показывать. Сегодня в них была лёгкая, едва заметная усталость. И тень того, что он позволил себе назвать любопытством.

«Зачем приехал сам?» — спрашивали её глаза. — «*Бумаги мог бы прислать с курьером*».

Калаэн понял этот безмолвный вопрос. И не ответил. Вместо этого взял чашку, сделал глоток и позволил себе роскошь просто смотреть на неё.

Она была прекрасна. Тёмные волосы, собранные на затылке в низкий, тяжёлый узел, открывали шею. Тонкую, изящную линию, которую он так хотел поцеловать. Простое серое платье с длинными рукавами скрывало её фигуру, но Калаэн помнил, что под этой тканью. Помнил слишком хорошо для мужчины, который не имел права помнить.

Она взяла свою чашку. Отпила. Поставила обратно с едва слышным стуком. И её пальцы взлетели в воздух, складываясь в вежливый, отстранённый вопрос.

«Как продвигаются испытания? Солдаты довольны?»

— В восторге, — честно ответил Калаэн. — Ваши ружья, герцогиня, лучшее, что поступало в армию за последние двадцать лет. Солдаты уже прозвали их «дельринийскими молниями».

Она чуть приподняла уголки губ. Для неё это было почти улыбкой.

«Приятно слышать».

Повисла пауза. Тишина в кабинете была тёплой, почти домашней, и Калаэн поймал себя на мысли, что мог бы сидеть здесь вечно. Пить этот чай, смотреть, как свет за окном медленно угасает, и чувствовать её присутствие рядом.

И желая продлить это мгновение, он решил спросить о том, что его... весьма заинтересовало.

— Аса, — позвал он.

Она замерла. Чашка в её руке остановилась на полпути ко рту. Только глаза — чёрные, настороженные — смотрели на него из-под ресниц.

— Я хочу спросить тебя кое о чём, — продолжил Калаэн, и голос его прозвучал ровно.

Она поставила чашку. Медленно, очень медленно, будто боялась расплескать. Её пальцы, лежавшие на столе, чуть заметно дрогнули.

«О чём именно?» — спросили её руки. Вопрос был осторожным, но в глазах уже загорался тот самый холодный, настороженный огонь, который он знал по их совместной работе.

Калаэн сделал еще один глоток чая, собираясь с мыслями. Вопрос, который он хотел задать, вертелся на языке последние три месяца, с того самого дня, как он впервые увидел Асу без маски. Тогда, в лесу, он чувствовал ее иначе. И сейчас — чувствовал.

— Во время ахнастанской компании, — начал он, и голос его прозвучал тише обычного, почти задумчиво, — я не чувствовал в тебе перевертыша. Ты была просто человеком. Исключительно одаренным, невероятно опасным, но человеком.

Аса замерла. Ее пальцы, лежавшие на столе, перестали двигаться. Только глаза смотрели на него с новым, настороженным выражением.

— А сейчас, — продолжил Калаэн, не отводя взгляда, — сейчас я чувствую. Очень сильно.

Ее плечи чуть расслабились, и она откинулась на спинку кресла. Жест был почти человеческим. Усталым, спокойным, без той вечной готовности к бою, которая обычно читалась в ее позе.

Пальцы поднялись.

«Я думала, что наши с сестрой волчицы умерли еще до того, как должны были проснуться»

Она сделала паузу, и Калаэн видел, как ее взгляд уходит куда-то внутрь, в те годы, о которых она не говорила вслух.

«Я думала, что причина в рабском заклятии Фернуха. Так я думала много лет».

Калаэн кивнул, не перебивая.

«Но оказалось, что это не так», — ее пальцы задвигались снова, и в них появилась та самая жесткая, рубящая четкость, которую он помнил по их разговорам о Фернухе. — **«По каким-то непонятным мне причинам моя волчица сама выходить тогда не собиралась. До сих пор не признается в чем было дело».**

— А когда? — тихо спросил он. — Когда она проснулась?

Аса подняла на него взгляд. В черных глазах мелькнуло что-то очень похожее на улыбку. Теплую, почти нежную.

«Через месяц после рождения близнецов».

Калаэн замер.

Рождение троих детей. Послеродовое истощение. И в этот момент — пробуждение зверя.

Он вспомнил себя. Ему было одиннадцать, когда проснулся его дракон. Он лежал в родовом поместье, в своей комнате, и его тело ломало так, будто каждую кость выворачивали наизнанку. Чешуя проступала на коже, глаза горели, и он кричал. Кричал так, что сбежалась вся прислуга, а мать, бледная как мел, стояла в дверях и не знала, что делать. Дед, старый генерал, вошел в комнату, сел на край кровати, положил тяжелую ладонь ему на лоб и сказал: «Терпи, внук. Драконы не плачут».

Он терпел. Трое суток. Пока тело не перестроилось, пока магия не нашла выход, пока дракон внутри не перестал метаться и не затих, принимая нового хозяина.

— Тяжело, наверное, пришлось, — сказал Калаэн, и голос его прозвучал хрипло. — Пробуждение — это колоссальная нагрузка на тело. А еще и после родов...

Аса смотрела на него. В ее глазах, в этих черных, бездонных глазах, мелькнуло что-то, чему он не нашел названия. Удивление? Благодарность? Или то самое, теплое, что она так долго прятала за маской ледяного спокойствия?

Она кивнула. Один раз. Коротко.

А потом ее пальцы задвигались, и Калаэн, уже умеющий читать этот язык лучше, чем признавался себе, перевел без труда.

«Да. Но это стоило того».

Она улыбнулась. По-настоящему. Впервые, за все то время, что он ее знал.

Калаэн смотрел на нее, и внутри него, там, где дракон обычно дремал в теплой, ленивой полудреме, сейчас все кипело. Он хотел встать, подойти к ней, взять ее за руки. Сказать, что понимает. Что знает это чувство — когда зверь внутри становится не обузой, а даром. Что он рад за нее. Что он восхищается ею. Что он...

Он не сделал ничего.

Потому что боялся.

Однажды он уже совершил эту ошибку. Тогда, много лет назад, когда потянулся к ней, хотел сорвать эту крегову маску, увидеть ее лицо. И она сбежала. Исчезла. Растворилась в воздухе, как дым, оставив после себя только запах вина и боли.

Больше он этой ошибки не повторит. Он будет терпелив.

Потому что если она снова сбежит — в этот раз он не выдержит. Не сможет делать вид, что ему всё равно. Не сможет притворяться, что она — просто герцогиня, с которой у него контракт.

Но мужское самолюбие заглушить было нелегко.

Мысль засела занозой, когда она сказала про пробуждение волчицы. *Через месяц после рождения близнецов.*

Он быстро прикинул в уме даты. Близнецы родились через десять месяцев после того, как армия Дастрии вошла в Лестраст. Если отнять девять месяцев беременности, то...

Значит, она была близка с кем-то сразу после победы.

Кто-то из солдат? Мэтт? Лекарь тогда оказывал ей знаки внимания. Калаэн помнил те нелепые цветы. Помнил, как этот сопляк смотрел на неё щенячьими глазами. Помнил, как

сам выгнал его тогда. Мысли путались, насккивали друг на друга, складываясь в картину, от которой становилось тошно.

Вопрос вырвался прежде, чем он успел его обдумать.

— Чем тот мужчина был лучше меня?

Аса подняла глаза. В её чёрных глазах, в этих бездонных колодцах, где обычно читалась только ледяная пустота или спокойная готовность к бою, сейчас плескалось что-то новое. Что-то, чему он не мог подобрать названия. Усталость? Грусть?

Её пальцы задвигались. Медленно. Почти неохотно.

«Он не был лучше тебя. Просто... так получилось».

Калаэн кивнул. Он не стал задавать больше вопросов. Какая разница? Какая разница, кто этот мужчина?

Он сам провёл ночь с Кларой. Ту самую, после которой проснулся с когтями вместо пальцев и запахом чужой крови на простынях. Он не помнил, что было. Просто проснулся и увидел тело, и запах, и эти пятна на простыне, и решил, что...

Калаэн оборвал мысль.

А что, если близнецы были недоношенными? — мелькнула новая, безумная, отчаянная догадка. — *А если с тем мужчиной случилось... потому что это он переспал с Кларой? Это была обида на него? Мсть?*

Он смотрел на Асу. На её спокойное, непроницаемое лицо. На её руки, лежащие на столе, с аккуратными, ухоженными ногтями. На шрамы. Тонкие, почти незаметные, но он знал, откуда каждый.

«Спроси», — шепнул дракон. — «Спроси сейчас. Она ответит. Ты же видишь, она не закрылась. Не убежала. Спроси».

Калаэн не спросил.

Какая разница?

Что было, то было. И хоть ревность колола вместе с самолюбием, он уговаривал себя, что она не была ни его женой, ни невестой, ни даже любовницей. Никогда. У них был контракт. Уважение. Работа. Но ничего больше.

И на эту ревность права у него нет.

— Я понял, — сказал он. Голос прозвучал ровно, спокойно, почти буднично. — Извини, что спросил.

Аса кивнула. Один раз. Коротко.

Калаэн допил чай. Поставил чашку на блюдце. Поднялся. Поправил мундир.

— Бумаги я оставлю, — сказал он, кивая на кожаную папку. — Там всё, что нужно для оплаты. Если будут вопросы, свяжись со мной через секретаря.

Она не ответила. Только смотрела на него, и в её чёрных глазах, в этих бездонных, непроницаемых глазах, было что-то, что он не мог прочесть.

— До свидания, Аса.

Он вышел за дверь. Шаги его гулко отдавались в коридоре, и он шёл, не оглядываясь, потому что боялся. Боялся, что если обернётся, то увидит её в дверях. Или не увидит. И то, и другое было невыносимо.

Внизу его уже ждал экипаж. Кучер, пожилой, седоусый, откинулся на козлах, дожидаясь седока. Калаэн сел в карету, хлопнул дверцей, и экипаж мягко тронулся с места.

Он откинулся на сиденье, закрыл глаза.

Ревность душила. Глухая, иррациональная, противная. Она разъедала изнутри, заставляя сжимать кулаки и скрипеть зубами.

Кто? Кто этот человек?

Он не знал. И, может быть, никогда не узнает. Потому что спрашивать больше не будет. А она не скажет. Никогда.

Карета выехала за ворота поместья Дельрины, и Калаэн, открыв глаза, посмотрел в окно. Особняк, тёплый, медовый в лучах закатного солнца, медленно удалялся. Где-то там, в кабинете на втором этаже, сидела она.

И, может быть, смотрела ему вслед.

Или нет.

Он не знал.

* * *

Аса подождала минуту.

Прислушалась к его шагам, стихающим в коридоре. К голосам внизу, где лакей подавал ему плащ. К тому, как хлопнула дверца кареты, как экипаж, мягко шурша колесами по гравию, тронулся с места.

Потом позволила иллюзии стечь с пальцев, и её руки, лежавшие на столе, начали дрожать.

Мелко, противно, неудержимо.

Она сжала их в кулаки, заставляя замереть, но дрожь не проходила. Она поднималась выше, к локтям, к плечам, к самому сердцу, и Аса чувствовала, как внутри, там, где она так старательно выстраивала стену, всё рушится.

Она открыла ящик стола. Пальцы, всё ещё дрожащие, нашарили маленький зелёный флакон, плотно закупоренный. Успокоительное зелье. Она не любила его пить. Оно порой делало мысли вязкими, а реакции медленными, но сегодня... сегодня было нужно.

Аса откупорила флакон, поднесла к губам и выпила залпом.

Жидкость была горькой, с травяным привкусом, обожгла горло и разлилась по пищеводу тёплой, тягучей волной. Дрожь в руках начала утихать. Не сразу, но начала.

Она вернула пустой флакон в ящик стола и откинулась на спинку кресла.

Аса выдохнула, чувствуя, как зелье растекается по венам, успокаивая, но не тупя мыслей. Стена, которую она так старательно выстраивала двадцать один год, дала трещину. И за этой трещиной было слишком много всего, что она не хотела видеть.

Она встала. Подошла к окну. Карета Калаэна уже скрылась за поворотом, но пыль на дороге ещё не осела, и в лучах закатного солнца она казалась золотистой, почти праздничной.

«Дурак», — подумала она о нём. — «Идиот. Зачем ты приехал сам?»

Она не договорила. Не хотела себе признаваться, как именно он смотрел.

Внизу хлопнула дверь. Голоса. Нефа и Тео вернулись из лаборатории. Аса слышала, как дочь спорит о чём-то с женихом, как Тео заикается, пытаясь возражать, как Нефа перебивает его, но в её голосе нет злости, только привычная, домашняя запальчивость. Налла, кажется, с ними. Её тихий, спокойный смех Аса узнала бы из тысячи. А вместе с ними, кажется, и Себариян.

Скоро они поднимутся вверх. Увидят её. Нефа, занятая своими мыслями, может, и не заметит ничего. Тео, погружённый в расчёты, тем более. Но Налла...

Налла всегда замечала. Как и ее жених. Лекари, они видят пациентов насквозь.

Аса провела рукой по лицу, прогоняя остатки напряжения. Взять себя в руки? Не сейчас. Слишком рано.

«Надо уйти», — решила она. «На час. На два. Пока не смогу смотреть на них спокойно».

Она вышла из кабинета, прошла по коридору, не встречая никого из слуг. К счастью, они были заняты на кухне и в столовой, накрывая к ужину. Спустилась по чёрной лестнице. В гардеробной на первом этаже висела её одежда для превращений. Удобные штаны, лёгкая рубашка, сапоги на плоской подошве. Всё тёмное, неброское, не сковывающее движений. Аса переделалась быстро, привычными движениями, а потом посмотрела на свою левую руку. На безымянном пальце, там, где у других женщин красовались обручальные кольца, у неё был артефакт. Тонкий серебряный ободок с едва заметной вязью рун. Работа Тео. Первая его большая удача.

Семь лет назад он сделал то, чего до него никто не мог — создал артефакт, который решает проблему одежды при превращении. Перевертыши мечтали об этом столетиями. Слишком сложная магия, слишком много переменных, слишком дорого. Но Тео сделал.

Кольцо работало прекрасно. При превращении одежда распадалась на сгустки света, втягивалась в артефакт, а при возвращении в человеческий облик так же легко возвращалась на место. Никаких сумок, никаких запасных комплектов, никакой необходимости ходить голышом в самый неподходящий момент.

Рынок взорвался. Заказы шли со всех королевств, и Тео, тогда ещё робкий и неуверенный в себе, растерялся. Аса сама вела переговоры с купцами и артефакторными гильдиями, а потом и с королевским двором Дастрии. Сама выбила патент. Сама настояла, чтобы имя изобретателя было выгравировано на каждом артефакте.

Тео предлагал сделать ей улучшенную версию. Более быструю, более надёжную, с дополнительными функциями. Аса отказалась. Ей был дорог этот артефакт. Не потому, что он был лучшим или самым удобным. А потому что он был первым. Первым успехом Тео, которого она считала почти сыном.

Она погладила кольцо пальцем, чувствуя подушечкой тёплую, едва заметную пульсацию магии. И, сделав глубокий вдох, выскользнула из дома.

Волчица рванула с места, едва Аса отпустила контроль.

Белый, как первый снег, огромный зверь летел над землей, почти не касаясь её лапами. Мышцы перекачивались под густой шерстью, дыхание было глубоким и ровным, а в груди билось то самое, первобытное, что невозможно объяснить словами.

Свобода.

Ветка почти хлестнула по морде, но она увернулась, не сбавляя скорости. Корень, выплывший из земли, — перепрыгнула, даже не глядя. Волчица знала этот путь наизусть. Она бегала здесь сотни раз, в темноте и в дождь, в снег и в туман, когда человеку нужно было выдохнуть, а зверю — напомнить, кто здесь главный.

Сейчас они бежали вместе. Одно целое, которое наконец перестало делить шкуру.

Волчица довольно зарычала, вдыхая запахи ночного леса. Сырая земля, хвоя, далёкий дымок из трубы лесника, лисья нора под старым дубом. И впереди — завод. Её территория. Её запах, смешанный с железом, маслом и той особенной, сладковатой ноткой, которую оставляют работающие артефакты.

Она вылетела на опушку, и внизу, в низине, раскинулись корпуса завода. Огни горели только в сторожке и у ворот. Остальные окна были тёмными. Рабочие разошлись по домам, и это правильно. Она не любила, когда кто-то задерживался допоздна. Лишние глаза, лишние вопросы, лишние запахи, которые потом приходится распутывать.

Волчица сбавила шаг, переходя на лёгкую рысь. Лапы ступали бесшумно, тело скользило между теней, сливаясь с ночью. Охрана у ворот даже головы не повернула. Серил, глава ее стражи, только проводил её ленивым взглядом и кивнул.

Они не часто видели её в обороте. Но прекрасно знали, как выглядит хозяйка, когда она была в теле волчицы. И знали, что лучше не лезть.

Аса миновала ворота, проскочила вдоль склада, нырнула в узкий проход между цехами. И здесь, в этом привычном, родном запахе железа и магии, пробились чужое.

Кровь.

Волчица замерла на месте, вскинула морду и потянула носом воздух. Запах шёл из третьего цеха. Того самого, где собирали артефактные ружья для армии. Того самого, где пару дней назад она стояла рядом с Калаэном и смотрела, как его интенданты тычут пальцами в чертежи.

Свежая кровь. Человеческая. Много.

Волчица оскалилась, и рык, низкий, горловой, вырвался из груди помимо воли. Она сделала шаг к цеху. Второй. Третий.

У двери остановилась. Принюхалась.

Кровь, металл, магия. Знакомая, своя, заводская. И ещё что-то. Дорогой табак, которым курили в столичных клубах. Воск для сапог, какой используют в богатых домах. И страх. Застарелый, липкий, который въедается в кожу и остаётся в запахе даже после смерти.

Аса не стала звать охрану.

Не потому, что не доверяла. А потому, что волчица внутри уже приняла решение. Это её территория. И она разберётся сама.

Аса обернулась.

Тело ломило недолго. Годы практики сделали превращение быстрым, почти мгновенным. Кости хрустнули, перестраиваясь, шерсть втянулась в кожу, лапы стали руками, морда — лицом. И вот она уже стояла на холодном каменном полу, босиком, в простой тёмной рубаше и штанах, и её пальцы сами собой сложились в жест, которого никто не видел.

«Здесь», — подумала она. — «Кровь здесь».

Она толкнула дверь.

Внутри было темно. Луна светила в высокие окна, выхватывая из мрака станки, столы, ящики с готовой продукцией. И алтарь.

Аса замерла на пороге, чувствуя, как волчица внутри встаёт на дыбы.

Алтарь был наспех сколочен из досок, которые валялись у стены — строительный мусор, не убранный после ремонта. Сверху — чёрная ткань, дорогая, с серебряной вышивкой, явно не с завода. На ткани — тело.

Мужчина. Лет пятидесяти, ухоженный, с холёными руками и дорогим камзолом, расшитым золотыми нитями. Он лежал на спине, но Аса уже поняла: убили его не так. Убийца подошёл сзади. Ритуальный кинжал — старый, с потускневшей рукоятью и замысловатыми рунами на лезвии — торчал из его спины, там, где сердце.

Крови было много. Она пропитала чёрную ткань, натекла на доски, капала на пол, собираясь в маленькую, тёмную лужицу.

Аса шагнула ближе. Принюхалась.

Дорогой табак. Воск для сапог. Страх. И магия. Чужая, злая, оставившая на клинке свой липкий, тошнотворный след.

Она обошла алтарь, вглядываясь в лицо убитого.

И узнала его.

Лорд Вальтер фон Халлиган. Член Торгового совета при короле. Один из тех, кто два месяца назад сидел напротив неё за столом переговоров и улыбался такой сладкой, приторной улыбкой, что у Асы внутри всё переворачивалось.

«Что ты здесь делаешь, Вальтер?» — подумала она, глядя в его остекленевшие глаза.

Ответа не было. И не будет.

Аса выпрямилась, отступила на шаг и окинула взглядом цех. Станки стояли ровно, инструмент был на местах, ничего не украдено, ничего не тронут. Только тело на алтаре. И этот кинжал, торчащий из спины, как какая-то дикая насмешка.

Она посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Нисколько.

Волчица внутри затихла, прижав уши и скаля зубы. Она чувала опасность. Не здесь, не сейчас. Но где-то рядом. Очень близко.

Аса медленно развернулась и пошла к двери. У порога остановилась, обернулась и ещё раз посмотрела на тело.

Потом вышла.

В ночной тишине её босые ступни бесшумно ступали по холодному камню, а в голове уже выстраивалась цепочка. Убийство. Кража? Нет, ничего не украдено. Ритуал. Магия. Торговый совет. Армия. Контракты.

И генерал, который теперь будет в это ввязан по долгу службы.

Аса усмехнулась краем губ. Горько. Бездёжно.

«Ты думала, что свобода — это когда враги мертвы?» — спросила она себя. — *«Нет. Свобода — это когда они перестают появляться».*

А они появлялись. Всегда.

Визуалы (кому не нравится, может не смотреть)

Эдвин и Роуден Дельрини

Нефария Дельрини

Наллания Дельрини

Тео Абнетри

Один из промтов портрета Асы

Аса в виде оборотной волчицы. Не совсем белоснежная, не выдает мне миджорни упрямо
нужный цвет, увы.

Ну и ссылка на ожившую обложку. [https://cdn.midjourney.com/
video/8842e4d1-0797-4c99-a4cf-26dcf6cff488/0.mp4](https://cdn.midjourney.com/video/8842e4d1-0797-4c99-a4cf-26dcf6cff488/0.mp4)

Глава 11. Королевское решение

В коридорах королевского дворца было тихо.

Калаэн стоял у высокого окна, выходящего во Внутренний сад, и смотрел, как утреннее солнце золотит кроны старых дубов. Тишина здесь была особенной. Не той, что в его кабинете, где за дверью всегда маячил Вирл с очередным донесением, и не той, что в поместье, где слуги передвигались бесшумно, но отчего-то всегда создавали фон.

Здесь тишина давила.

Мраморные полы, полированные до зеркального блеска, отражали его собственную фигуру. Высокие потолки с лепниной, на которую он смотрел сотни раз и которую перестал замечать еще в детстве. Портьеры из тяжелого бархата, сквозь которые свет казался приглушенным, почти траурным.

Калаэн перевел взгляд на дверь в конце коридора.

Туда, где в кабинете его величества сейчас, наверное, допивали утренний кофе и просматривали первые доклады. Король Акориан не любил, когда его беспокоили рано, но сегодня именно он прислал записку.

«Калаэн, приезжай. Дело не требует промедления».

Записка была короткой, без обычных королевских витиеватостей. Без обращения «мой друг», без подписи, но с личной печатью, которую Акориан использовал только для самых срочных и доверительных посланий.

Калаэн приехал через час.

И теперь стоял здесь, в этом тихом, давящем коридоре, и думал, что, крег его дери, могло случиться.

Он прокручивал в голове последние дни. Военные сводки были обычные, без тревожных новостей. Поставки укладывались в график. Испытания новых ружей прошли успешно. Доклады разведки — никаких признаков подготовки к войне ни с одной из соседних держав.

Что тогда?

Акориан не стал бы вызывать его срочно из-за ерунды. Не стал бы писать личную записку, если бы дело можно было обсудить на плановом совещании.

«Что-то случилось», — подумал Калаэн, и его дракон внутри беспокойно заворочался, требуя выхода, действия, ответа.

Но он стоял.

Потому что генералы не мечутся по коридорам. Генералы ждут.

Дверь в конце коридора открылась.

Из кабинета вышел личный секретарь короля, маркиз де Верней. Сухой, высокий мужчина лет шестидесяти, с лицом, напоминающим старую, выцветшую маску. Он успел послужить еще отцу Акориана и, казалось, родился уже с этой вежливой, ничего не выражающей полуулыбкой.

— Ваша светлость, — маркиз поклонился с безупречной, отточенной годами учтивостью, которая была его визитной карточкой. — Его величество ждет вас.

Калаэн кивнул, поправил мундир, и шагнул к двери.

Кабинет короля был просторным, но не огромным. Акориан не любил излишней помпезности. Высокие окна, выходящие на ту же сторону, что и в коридоре, заливали комнату мягким, утренним светом. Стены в темных панелях, с несколькими старыми портретами. Стол — массивный, дубовый, заваленный бумагами, но в этом хаосе чувствовался тот особенный порядок, который бывает только у людей, привыкших работать с документами с утра до ночи.

Король стоял у окна.

Спиной к Калаэну, руки сложены за спиной, голова чуть наклонена. В этой позе было что-то необычное. Акориан обычно встречал его у стола, с улыбкой, с протянутой для рукопожатия рукой. Они дружили. Не показно, не для публики, а по-настоящему, с тех самых пор, когда оба были еще молодыми драконами, не обремененными ответственностью.

Сегодня Акориан даже не обернулся.

— Закрой дверь, — сказал он.

Голос был ровным, без обычных теплых ноток. Калаэн подчинился. Щелкнул замок, и в кабинете стало тихо. Герметичная тишина, которая бывает только в комнатах, защищенных магией от подслушивания.

— Садись, — король повернулся и жестом указал на кресло напротив стола.

Калаэн сел.

Акориан подошел к столу, но не сел в свое кресло. Опустился на край, скрестил руки на груди и посмотрел на друга.

Его лицо было спокойным. У королей, особенно у драконьей крови, лица редко выдают эмоции. Но Калаэн знал Акориана слишком долго, чтобы не заметить то, что скрывалось за этим спокойствием.

Беспокойство.

— Что случилось? — спросил Калаэн, отбрасывая светские условности. Они давно перешли на «ты», когда оставались вдвоем, но сегодня король не предложил этого. И Калаэн не стал навязываться.

Акориан молчал несколько долгих секунд. Смотрел на него, и в его серых глазах мелькало что-то, чему Калаэн не мог подобрать названия.

— Убит лорд Вальтер фон Халлиган, — сказал наконец король. — Этой ночью. Тело нашли на заводе герцогини Дельрины.

Калаэн замер.

Имя ударило, как удар под дых. Вальтер фон Халлиган. Член Торгового совета. Личность довольно известная. Бывшая правая рука Андроба.

— В третьем цеху. Там, где собирают артефактные ружья для армии.

Калаэн почувствовал, как внутри, там, где дракон обычно дремал, закипает холодная, расчетливая ярость. Не та, слепая, что толкает на безрассудства. А та, что бывает перед самой опасной операцией, когда ставки высоки, а ошибка стоит жизни.

— Когда узнали?

— Четыре часа назад. Герцогиня Дельрины... — Акориан сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то, очень похожее на усмешку, — по ее словам, обошла цех ночью. Первой нашла тело. И вызвала стражу.

Калаэн сжал челюсть.

Аса. Ночью. На заводе. Одна.

Он не знал, почему она была там, когда все нормальные люди спят. Но он знал одно: она не убивала. Не могла. Не так.

— Есть подозреваемые? — спросил он.

— Пока нет. Ритуальный кинжал, старый, с рунами. Тело на алтаре, наспех сколоченном из досок. Черная ткань с серебряной вышивкой, дорогая, не с завода. — Акориан перечислил факты ровным, бесстрастным тоном, но Калаэн слышал за этим тоном то, что король не говорил вслух.

«Все указывает на то, что убийца хотел, чтобы это нашли. Хотел, чтобы связали с заводом. Хотел, чтобы подозрение пало на герцогиню Дельрины».

— И ты хочешь, чтобы я расследовал это дело, — сказал Калаэн. Это был не вопрос.

Акориан кивнул.

— Ты должен знать, что сейчас все случившееся обставили как несчастный случай. Что фон Халлиган был на заводе днем, без предварительного согласования. И прогуливался по заводу с целью производственного шпионажа. Ему стало плохо с сердцем, а спустя несколько часов его нашел сторож на обходе. Трое магов истратили резерв почти в ноль, но следы ножевого ранения удалось скрыть. Поэтому расследование будет неофициальное. Я уже дал распоряжение начальнику отдела тайной безопасности взять со всех магическую клятву о неразглашении.

Калаэн нахмурился, переваривая услышанное.

— Неофициальное расследование, — повторил он, и в голосе его прозвучала горькая усмешка. — Ты хочешь, чтобы я нашел убийцу, но при этом никто не должен узнать, что убийство вообще было. Удобно.

— Неудобно, — поправил Акориан. — Но необходимо.

Он наконец сел в свое кресло, откинулся на спинку и посмотрел на друга в упор. В серых глазах короля, обычно таких спокойных, сейчас плескалось что-то тяжелое, давно сдерживаемое.

— Ты ведь понимаешь, почему я не могу допустить официального расследования?

— Объясни.

Акориан выдержал паузу. Потом заговорил, и голос его был ровным, почти будничным, но каждое слово падало на стол тяжелым, свинцовым грузом.

— Во-первых, фон Халлиган. Ты знаешь, кем он был на самом деле.

— Бывшая правая рука Берминга Андроба, — кивнул Калаэн. — После смерти Берминга сумел отмазаться и остаться в тени. Вошел в Торговый совет, сделал вид, что ничего не знал о схемах своего покровителя. Уважаемый член общества, благотворитель, меценат.

— Именно, — Акориан криво усмехнулся. — Только я не верю, что он ничего не знал. И не верил тогда, двадцать лет назад. Берминг Андроб не был дураком. Он не стал бы держать при себе человека, который не знает его темных делишек. Фон Халлиган был его правой рукой. А значит, он знал всё. О поставках, о коррупции, о заговоре.

Калаэн слушал, не перебивая.

— У меня нет доказательств, — продолжил король, и в его голосе зазвенела глухая, давняя злость. — Фон Халлиган был чист. Все документы исчезли. Все свидетели или умерли, или забыли, или боятся говорить.

Он стукнул ладонью по столу. Несильно, но Калаэн услышал этот глухой удар, как выстрел.

— А теперь его убивают на заводе герцогини Дельрины. — Акориан посмотрел на Калаэна в упор. — Ты понимаешь, что это значит?

— Кто-то хотел, чтобы его нашли, — медленно проговорил Калаэн. — Хотел, чтобы связали с заводом. Хотел, чтобы подозрение пало на герцогиню.

— Слишком многие хотели бы получить кусок этого пирога. Слишком многие точат зубы на заводы Дельрины. А тут такой удобный случай — убийство на территории, подозрения, скандал. Имущество герцогини может уйти на торгах с молотка, и мои «верные» аристократы с купцами накинутся, как стервятники, чтобы оторвать кусок пожирнее.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой, безрадостной.

— Ты знаешь, сколько налогов приносят ее заводы? Ее лавки? Ее прииски?

— Вирл докладывал, — кивнул Калаэн. — Около пятнадцати процентов казны.

— Да, — кивнул Акориан. — А теперь какой-то убийца ставит всё это под угрозу. Если начнется официальное расследование, если герцогиню хотя бы заподозрят в убийстве, ее имущество арестуют. До выяснения обстоятельств. Лавки закроются. Поставки прекратятся. Армия останется без оружия.

Калаэн сжал челюсть.

— А если докажут? — спросил он тихо.

— Если докажут, — Акориан повернулся к нему, и в его глазах была та самая ледяная, королевская жесткость, которую Калаэн видел нечасто, — Помимо выставленного на торги имущества, родственники фон Халлигана потребуют компенсации. И по закону, они имеют право претендовать на долю имущества. А скорее всего — на всё.

Он сделал паузу.

— У фон Халлигана есть племянник. Грегор фон Халлиган. Молодой, амбициозный, не слишком богатый. Он уже несколько лет пытается войти в рудный бизнес, но его всё время оттесняют. Если он получит прииски Дельрини...

— Он получит возможность стать монополистом, — закончил Калаэн. — И сможет диктовать цены короне.

— Именно, — Акориан кивнул. — А я этого допустить не могу. Не только из-за налогов. Хотя и из-за них тоже. Есть еще одно обстоятельство. Ты знаешь у кого герцогиня землю под прииски купила?

Калаэн нахмурился, перебирая в памяти старые судебные тяжбы.

— У графа Олаварна, насколько я помню.

Акориан усмехнулся. Усмешка вышла кривой, даже какой-то хищной.

— Олаварн. Тот самый, который тогда чуть ли не плясал от счастья, что нашлась дура, решившая выкупить его землю. — Король покачал головой, и в его глазах мелькнуло хорошо знакомое Калаэну выражение — холодное, насмешливое, какое бывает у дракона, который смотрит на загнанную в угол жертву. — А еще довольнее он выглядел, когда эта дура перед покупкой рассказала, что, возможно, эти земли являются месторождением самоцветов. Я тогда на его довольную рожу даже смотреть не мог. Сам, своими руками, все графу отдал.

Калаэн молчал, ожидая продолжения.

— Но когда через четыре месяца граф ничего не нашел, — продолжил Акориан, — он воспользовался тем, что взял с госпожи Дельрини магическую клятву участок все же выкупить, если месторождений не найдет. Она для вида немного посопротивлялась, но выкупила. А еще через три месяца Олаварн узнал, что земли действительно с месторождением. И подал в суд на госпожу Дельрини.

— Я помню это дело, — сказал Калаэн. — Громкое. Его тогда весь высший свет обсуждал. Олаварн пытался тянуть судебный процесс. Шансов у него почти не было, потому что о цели покупки он был предупрежден, что подтверждалось подписями поверенных. А потом вмешались вы с требованием не затягивать и рассмотреть по закону.

Акориан кивнул.

— Олаварн хотел подкупить судью. — Его голос стал жестче, хотя выражение лица не изменилось. — А госпожа Дельрини тогда была хоть и обеспечена, но не настолько богата, чтобы одновременно и судиться, и оплачивать людям за простой до бесконечности. И тогда она пришла ко мне и предложила мне ежемесячные десять процентов от стоимости добытого на приисках. Лично мне, а не короне. Просто за то, что я попрошу соблюсти закон.

Калаэн смотрел на друга, и внутри него медленно закипало то самое, холодное, что он привык прятать за маской генеральского спокойствия.

— И ты согласился.

— А почему я должен был отказываться? — Акориан развел руками, и в этом жесте было столько откровенного, почти вызывающего цинизма, что Калаэну захотелось встать и пройти по кабинету, чтобы выпустить напряжение. — Она предложила. Я принял. С тех пор эти десять процентов исправно поступают в мою личную казну. И отказываться от них я не собираюсь.

Король сделал паузу, давая Калаэну осмыслить услышанное.

— К тому же, — добавил он уже более мягким тоном, — герцогиня регулярно дарит Ее Величеству изумительные вещицы, сделанные ее ювелирами. Франни просто убьет меня, если ее любимицу посадят.

Калаэн хмыкнул. Горько, без тени веселья. Граф хотел купить судью. А Аса купила короля.

— Ты думаешь, она убивала? — спросил Калаэн. Вопрос вырвался прежде, чем он успел его обдумать.

Акориан посмотрел на него долгим, внимательным взглядом.

— А ты?

— Нет, — ответил Калаэн, не колеблясь ни секунды. — Не она.

— Вот и я так думаю, — король кивнул. — Она хоть женщина и уникальная, но явно не убийца.

— Она Тень.

Акориан поднял бровь. Секунду он смотрел на друга с выражением, которое трудно было прочесть. Потом медленно, очень медленно, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

— Тень, — повторил он, смакуя слово. — Та самая? Которая взорвала склад у ахнастанцев? И выиграла нам войну?

— Она самая.

— Тогда она могла и прирезать фон Халлигана. И ты уверен, что она не убивала?

— Абсолютно. Не ее стиль.

Акориан постучал пальцами по столу. Короткий, отрывистый ритм, который Калаэн знал много лет. Этот ритм означал, что король просчитывает варианты, перебирает факты, ищет ту единственную нить, которая выведет его из лабиринта.

— Хорошо, — сказал Акориан наконец. — Допустим. Я озвучил тебе две причины, по которым смерть фон Халлигана должна остаться тайной.

Он сделал паузу. Калаэн молчал, ожидая продолжения.

— Есть и третья, — сказал король, и голос его стал тише, будто он боялся, что даже стены кабинета могут услышать. — И с учетом того, что ты мне сейчас сказал, все смотрится совсем в ином свете. И сейчас я как никогда рад, что Фернух Хатар мертв.

Калаэн вопросительно поднял бровь.

— Ты знаешь, как она попала к Фернуху? — спросил Акориан.

Калаэн кивнул. Разговор с братьями у костра всплыл в памяти с пугающей ясностью.

— Жамер Саладья, дядя ее матери, заказал убийство семьи, чтобы получить герцогскую корону. Фернух прислал мекеша, который убил родителей у нее и ее сестры на глазах, а потом забрал их в рабство. Жамер расплатился, отдав Фернуху герцогиню и ее покойную сестру.

Акориан слушал, не перебивая. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах — в этих серых, цепких глазах — мелькнуло что-то, очень похожее на удовлетворение.

— А что ты знаешь про королевство Каладен? — спросил он.

Калаэн нахмурился, не понимая, куда клонит друг.

— Не много. С ними мы не воевали, на моей памяти, кажется, никогда. Торговыми поставками я интересуюсь мало. Развитое королевство за горным хребтом. Правит им династия Градельон.

Акориан усмехнулся. Усмешка вышла кривой, почти отеческой.

— Неуд тебе за историю, Калаэн. Полная фамилия королевской семьи Каладена — Градельон-Дельрини.

Калаэн изумленно вскинул бровь.

— Ты хочешь сказать, что герцогиня... родственница королевской семьи?

— Не знаю, — Акориан вздохнул, — Этого я не выяснил. Не было нужды. Мне хватало того, что она платит налоги и исправно отчисляет моей супруге на булавки.

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло то самое выражение, которое Калаэн научился распознавать за долгие годы дружбы. Акориан просчитывал варианты.

— Но теперь... — продолжил король. — Король Васпер вернул герцогине титул. А вот земли вернуть отказался. И я долго думал, почему. Васпер не жадный. Не глупый. Он мог бы оставить себе часть — это было бы понятно. Но он не вернул герцогине ничего.

Калаэн слушал, и внутри него медленно закипало холодное, неприятное предчувствие, которое он привык прятать за маской генеральского спокойствия.

— Возможно, там не просто жажда наживы, — сказал Акориан, и голос его стал тише, будто он боялся, что даже магическая защита кабинета может не уберечь. — Возможно, он хотел, чтобы она не смогла вернуться в Каладен, пустить корни и нарастить связи.

Калаэн сжал челюсть.

— Васпер уже староват, — продолжил король, и в его голосе зазвенела ледяная, королевская жесткость, которую Калаэн слышал нечасто. — Его сын Марлас слабоумен. Вся надежда на дочь, Илидару. И все прекрасно понимают, что после смерти Васпера Марлас будет лишь номинальной фигурой. Править от лица брата будет Илидара.

— Ее не любят, — тихо сказал Калаэн. Это был не вопрос.

— Не то чтобы не любят, — Акориан покачал головой. — Боятся. Она умна, жестока и, говорят, не брезгует темной магией. Но это слухи. А слухам я не верю.

Он сделал паузу, давая Калаэну время осознать услышанное.

— А теперь представь, — продолжил король, и его голос стал совсем тихим, почти шепотом, — что герцогиня Дельрины имеет хоть какие-то права на трон Каладена. Пусть даже спорные. Но имеет.

Калаэн смотрел на друга, и картина, которая складывалась в его голове, была страшнее любого боя.

— Ты понимаешь теперь, куда, возможно, метил Фернух Хатар? — спросил Акориан.

Калаэн изумленно выдохнул:

— Он хотел сесть на трон Каладена.

Акориан усмехнулся. Усмешка вышла кривой, безрадостной, и в ней было столько горечи, сколько Калаэн не видел в глазах друга за все годы знакомства.

— За эти годы он набрал слишком много информации о слишком многих людях, — сказал король. — Информации, которая могла помочь ему в обмен на молчание. Или на сотрудничество. Да и Фернух на троне или у трона для многих был весьма удобной фигурой.

Он встал, подошел к окну и посмотрел на сад, залитый утренним солнцем.

— Посадить на трон свою рабыню-мекеша... — Акориан покачал головой. — Это было бы его величайшим триумфом. И его величайшей мстью. Всем тем, кто смотрел на него свысока. Всем тем, кто считал его просто торговцем живым товаром. Вот только интересно, почему он все таки отказался от своей идеи, если она, конечно, была именно такой? Жаль, мы с тобой этого не узнаем.

Калаэн молчал. Внутри него, там, где дракон метался в тесной клетке, было тихо. Слишком тихо.

— Тогда и приказ о казни Жамера Саладью выглядит не просто правосудием, — продолжил король, поворачиваясь к нему, — но и мстью короны за то, что тот из-за своей жадности наживы расшатал землю под их тронном.

— Ты думаешь, Васпер знал? — спросил Калаэн. — О планах Фернуха?

— Не знаю, — честно ответил Акориан. — Может быть, да. Может быть, нет. Но я знаю другое: сейчас, даже имея деньги, герцогиня Дельрины сама по себе для трона Каладена не опасна.

Он вернулся к столу, сел в кресло и посмотрел на Калаэна в упор.

— Но она не замужем.

Калаэн замер.

— К ней сватаются, — продолжил король, и в его голосе зазвенели металлические нотки. — К ее дочери и племяннице тоже. Активно. С ее состоянием на ней бы женились, даже будь она хромой уродиной. Но женщины семьи Дельрины красивы. И если она выйдет замуж за кого-нибудь с влиянием, за кого-нибудь, у кого есть деньги и связи... — Акориан сделал паузу, давая словам осесть. — Муж может захотеть вернуть власть в руки жены. А если жена — герцогиня Дельрины, с ее правами на трон, с ее деньгами, с ее заводами...

— Он может начать войну, — тихо закончил Калаэн.

— Или, по крайней мере, серьезно расшатать ситуацию, — кивнул Акориан. — Поэтому, Калаэн, я должен знать. Если герцогиню подставил Васпер или его дочь Илидара... если они пытаются устранить конкурентку чужими руками... я должен знать это.

Калаэн смотрел на друга, и в голове его билась одна-единственная, холодная, как лезвие клинка, мысль: *"Они убьют ее. Если не сейчас, то потом. Если не напрямую, то через подставное расследование, через суд, через конфискацию имущества."*

Они убьют ее. А он должен этого не допустить.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он, и голос его прозвучал ровно, буднично, будто речь шла не о жизни женщины, которую он...

Он не договорил. Даже в мыслях.

Акориан посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. В серых глазах короля, обычно таких спокойных, сейчас плескалось что-то, чему Калаэн не мог подобрать названия. Любопытство? Понимание?

— Расследуй убийство, — сказал Акориан. — Найди убийцу. Докажи, что герцогиня не виновна. И сделай это тихо. Чтобы никто не узнал, что убийство вообще было. А если она виновна... Мы решим этот вопрос между собой. Тихо, без общественного скандала.

Он сделал паузу.

— И еще, Калаэн.

— Да?

Акориан откинулся в кресле, и на его лице медленно расплылась та самая довольная, хитрая ухмылка, которую Калаэн знал с юности. Ухмылка кота, который только что заглотил не просто канарейку, а целого петуха.

— Я тут вспомнил одну старую историю — король сложил руки на груди, и его серые глаза блеснули азартом. — Лет двадцать назад... ты был по уши влюблен в своего лучшего шпиона. Что, уложил все-таки тогда ее к себе в постель?

Калаэн почувствовал, как кровь приливает к лицу. Смесь гнева, стыда и той самой, давно похороненной боли ударила в голову.

— Нет, — сказал он, и голос его прозвучал жестче, чем он хотел. — Мы не спали вместе. Никогда.

Акориан поднял бровь, явно не веря.

— Никогда? А слухи?

— Какие еще слухи? — Калаэн раздраженно зарычал. — Почему тебя это вообще интересует? Какое отношение моя личная жизнь имеет к убийству фон Халлигана?

Король хмыкнул, откинулся на спинку кресла и принялся вертеть в пальцах перо, лежавшее на столе. Жест был небрежным, почти ленивым, но Калаэн знал друга слишком хорошо: за этой напускной расслабленностью скрывалась цепкая, холодная внимательность.

— Никакое. Но друг мой, — Акориан отложил перо и посмотрел на Калаэна в упор, — последние два года в армии и светских салонах ходят упорные слухи о том, что дети герцогини Дельрины от тебя. Слишком уж Роуден Дельрины похож на главнокомандующего армией.

Калаэн замер.

Воздух в кабинете, и без того плотный, стал тяжелым, как свинец. Слова короля повисли в тишине, и Калаэн чувствовал, как каждое из них впивается в него, как раскаленные иглы.

— Это невозможно, — сказал он наконец, и голос его прозвучал глухо, почти безжизненно. — Мы не спали вместе. Я никогда не был с ней близок.

Он сделал паузу, сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле.

— Но я бы хотел, — признание вырвалось раньше, чем он успел его обдумать. Горькое, отчаянное, слишком честное для этого кабинета, для этой ситуации, для разговора с королем. — Я хочу жениться на ней.

Акориан смотрел на него долгих несколько секунд. В его серых глазах мелькнуло что-то, очень похожее на понимание. И, кажется, на удовлетворение.

— Тогда ты должен знать, Калаэн, — сказал он, и голос его стал серьезным, без тени прежней насмешки. — У герцогини Дельрины нет старших родственников-мужчин. Ее отец погиб. Дядя казнен. Братьев нет. Сыновья незаконнорожденные. Формально, по законам Дастрии, опека над ней сейчас принадлежит короне.

Калаэн нахмурился.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, — Акориан подался вперед, опираясь локтями на стол, — что без моего согласия ты не можешь на ней жениться. Я даю разрешение на браки аристократов, если нет старших родственников. Это прерогатива короны.

Калаэн сжал челюсть. Желваки заходили на скулах.

— И ты дашь его?

Акориан откинулся на спинку кресла, и на его лице снова расцвела довольная, хитрая ухмылка. В глазах плясали чертики, которые Калаэн знал с тех пор, как они вместе, еще мальчишками, воровали яблоки из королевского сада.

— Если все финансовые договоренности герцогини с короной останутся в силе, — сказал он, и в голосе его зазвенел металл, — то с удовольствием. Я хочу, чтобы ты был счастлив, Калаэн.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— И потом, потрепать нервы Васьперу я тоже не против. Пусть знает, что его родственница, если она ему родственница, выходит замуж за лучшего генерала Дастрии. И что он сам отказался от ее подданства и от права выбрать ей мужа. Идиот.

Калаэн смотрел на друга, и внутри него, там, где дракон метался в тесной клетке человеческого тела, вдруг стало тихо. Очень тихо. Словно зверь тоже осознал: битва еще не выиграна, но первый, самый важный шаг сделан.

Он медленно поднялся, поправил мундир.

— Благодарю, Ваше Величество, — сказал он, и в голосе его прозвучала та самая генеральская, командирская твердость, которую Акориан знал и уважал. — Я не подведу.

Король кивнул, и его ухмылка стала чуть мягче, почти отеческой.

— Я знаю, Калаэн.

Калаэн поклонился — коротко, по-военному, без лишней помпезности — и направился к двери.

У порога он обернулся.

— Акориан.

— Да?

— Спасибо.

Король усмехнулся и махнул рукой, прогоняя его.

— Иди уже.

Калаэн вышел из кабинета, и дверь за ним закрылась с тихим, почти неслышным щелчком.

Маркиз де Верней, дожидавшийся в приёмной, поднялся было с кресла, но генерал, не глядя на него, прошёл мимо. Слишком быстро, слишком резко, чтобы секретарь успел предложить свои услуги.

Коридор был длинным. Мраморные полы отражали его шаги, и этот звук — чёткий, ритмичный, — отдавался в висках глухой, пульсирующей болью.

«Слухи».

Слово засело занозой, царапало изнутри, не давало думать ни о чём другом.

«Дети герцогини Дельрины — от тебя».

Калаэн сжал кулаки так, что костяшки побелели.

«Роуден слишком похож на тебя».

Он вспомнил тот вечер у костра. Вспомнил Роудена. Тот самый изгиб бровей, та же манера чуть склонять голову набок, тот же острый, внимательный взгляд.

Калаэн свернул в боковую галерею, где было тише и где его никто не мог увидеть. Остановился у высокого окна, выходящего во Внутренний сад, и прижался лбом к холодному стеклу.

«Могло ли быть?»

Мысль была безумной. Невозможной. Он ничего не помнил той ночи. Единственной ночи, которую он, чисто теоретически, мог провести с Тенью. Ничего. Только обрывки: зелье в бокале, тяжёлая, липкая темнота, а потом — утро. Головная боль, от которой раскалывался череп. И Клара. Спящая рядом. И он помнил, как она заходила в его спальню, прежде чем воспоминания обрывались окончательно.

Всё сходилось. Всё было логично. Кроме одного.

Почему Роуден так на него похож?

Калаэн провёл рукой по лицу, прогоняя наваждение.

«Нет. Не может быть».

Он оттолкнулся от окна и зашагал дальше, к выходу. Сапоги гулко стучали по мрамору, и этот звук заглушал мысли, хотя бы на мгновение.

«Я бы помнил», — убеждал он себя. — «Если бы это была Аса... если бы я был с ней... я бы запомнил. Навсегда. На всю жизнь. Её запах, её тело, её...»

Он оборвал мысль, не дав ей оформиться.

Вестибюль встретил его прохладой и запахом воска. Лакеи у дверей вытянулись, провожая генерала почтительными взглядами. Калаэн кивнул, не глядя, и вышел на крыльцо.

Свежий весенний воздух ударил в лицо, холодный, хотя до лета осталось всего ничего. Он сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках.

«Дети Асы», — снова вернулась мысль. — «Все, кроме Эдвина — волки. А Эд — человек. Он не дракон. Если бы они были моими... хоть один из них точно должен был быть драконом.»

Калаэн замер на верхней ступени.

Мысль, холодная и острая, как лезвие, вонзилась в сознание.

«А если... если Эдвин просто скрывает? Если его дракон спит? Такое бывает. Редко, но бывает. Дед рассказывал, что его двоюродный брат проснулся только в тридцать, и до того никто не верил, что он вообще перевертыш».

Он покачал головой, отгоняя наваждение.

— Нет, — сказал он вслух. Тихо, почти неслышно. — Это бред. Такое возможно, когда кровь сильно разбавлена простой, человеческой. Аса перевертыш. Не удивлюсь, если ее дети обернулись раньше, чем положено. Слишком сильная магия.

Он спустился по ступеням, сел в карету, хлопнул дверцей. Экипаж мягко тронулся с места, увозя его от дворца, от короля, но не от этих безумных, разъедающих душу мыслей.

Калаэн откинулся на сиденье и посмотрел в окно. Улицы столицы проплывали мимо, привычные, будничные, ничем не напоминающие о том, что час назад он разговаривал с королём об убийстве, о заговоре и о женщине, на которой твёрдо решил жениться.

«Нет», — сказал он себе, и голос его прозвучал твёрдо, почти жестко. — *«Не может быть. Я не мог провести ту ночь с Асой. Я бы запомнил. Обязательно запомнил бы»*

Калаэн резко сел, ударившись головой о низкий потолок кареты. Боль отрезвила, вырвала из липкого тумана наваждения.

Он потёр ушибленное место и заставил себя дышать ровно, как учили в академии: считать вдохи, отмерять выдохи, убирать из головы всё лишнее.

Факты. Только факты.

Он помнил как Клара вошла в его покои. Помнил, как она стояла на пороге, как улыбалась, как пахла дешёвыми духами и чем-то ещё, чем пахнут женщины, которые слишком хотят залезть в постель к генералу. А потом... потом провал. Темнота. И утро.

Утром рядом с ним спала Клара.

Всё просто. Всё логично. Если бы он провёл ту ночь с Асой, она была бы рядом. Или он проснулся бы один, но не с Кларой. Аса не стала бы подкладывать ему другую женщину. Не такой она человек.

Да и не стала бы она скрывать от него беременность и детей. А если бы даже и стала — по срокам не сходится. Получается, близнецы родились через семь с половиной месяцев после той ночи. Может у обычного человека недоношенные и могли родиться, но у перевертыша... вряд ли. Беременности близнецами у перевертышей были обычным делом. И магия рода обычно поддерживала, помогала доносить полный срок.

Калаэн провёл рукой по лицу, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

— Бред, — сказал он вслух. Тихо, но твёрдо. — Это просто бред.

Карета выехала на главную улицу, и солнечный свет залил салон, выхватив из полумрака его лицо — усталое, но спокойное.

«Дети Асы не могут быть моими. Просто совпадение. Мало ли в Дастрии темноволосых парней? Роуден похож на меня — значит, просто неудачное стечение обстоятельств. А слухи... слухи всегда были двигателем столичной жизни».

Он усмехнулся своим мыслям и откинулся на сиденье, закрывая глаза.

Экипаж мерно покачивался на рессорах, увозя его от дворца, от короля, от этой безумной, нелепой догадки, которая едва не заставила его поверить в невозможное.

Калаэн открыл глаза и посмотрел в окно. Улицы столицы проплывали мимо, привычные, будничные, ничем не напоминающие о том хаосе, что творился в его голове ещё минуту назад.

«Она не моя. Дети не мои. Всё это — просто игра воображения».

Он повторил это про себя ещё раз, вкладывая в слова всю доступную ему убеждённость.

И почти поверил.

И это было правильно. Это было логично. Это было единственно возможным объяснением.

Всё остальное — бред.

«Просто бред».

Глава 12. Начальник безопасности

Калаэн сидел за ее столом из темного дуба, с инкрустацией по краям и тяжелыми бронзовыми ручками ящиков. Столешница была огромной, отполированной до маслянистого блеска, и на ней, в идеальном порядке, лежали стопки отчетов, чертежи в тубусах, несколько чернильниц и тяжелое пресс-папье в виде волчицы.

Кабинет был просторным, с высокими потолками и большими окнами, выходящими во внутренний двор завода. Вдоль стен стояли шкафы с папками, на полу — толстый, приглушающий шаги ковер. В углу расположился массивный сейф, а у стены диван, обитый темно-зеленой кожей, и два кресла у низкого столика.

Удобно. Функционально. Ничего лишнего. Как и никаких личных вещей или безделушек, которые украшали даже его кабинет.

Здесь пахло кожей, деревом и едва уловимо ее духами. Чем-то цветочным, но с горьковатой ноткой. Калаэн ловил себя на том, что вдыхает этот запах глубже, чем следовало, и каждый раз заставлял себя сосредоточиться на бумагах.

Отчеты охраны, показания сторожа, список сотрудников, бывших на заводе в ночь убийства. Все разложено по папкам, аккуратно подшито, с пометками на полях. Он знал этот почерк. Четкий, каллиграфический, без единой пометки. Ее почерк.

Он поднял взгляд.

Аса стояла у окна. За ее спиной серое весеннее небо казалось тяжелым, почти свинцовым, но в кабинете было светло. Две большие магические лампы под потолком разгоняли любые тени.

Она была в легком бежевом платье. Почти летнем, с длинными рукавами и скромным вырезом. Ткань струилась при каждом движении, и Калаэн поймал себя на том, что следит за этим течением, как замороженный.

Ее волосы, как всегда, были убраны в строгий пучок на затылке. Ни одной выбившейся пряди. Идеальный порядок. Но он помнил, как эти волосы рассыпались по плечам в лесу, когда она спала без маски. Помнил, как хотел запустить в них пальцы.

Она стояла, сложив руки на груди, и смотрела куда-то вдаль. На трубы соседних цехов? На дым, поднимающийся к небу? На свои мысли, в которые он не имел доступа?

Калаэн перевел взгляд на бумаги. Отчет охраны был написан корявым, малограмотным почерком, с кучей ошибок в окончаниях. Он пробежал его по диагонали, не вникая. Все равно основную информацию он уже знал.

— Когда подойдет Карвин? — спросил он, не поднимая головы.

Аса не ответила. Только чуть повернула голову в сторону напольных часов, стоявших в углу кабинета. Старых, с маятником и громким, отрывистым тиканьем.

Калаэн проследил за ее взглядом. Часовая стрелка подползала к одиннадцати.

«**Через полчаса**», — сказали ее пальцы. Коротко, четко, без лишних жестов.

Он кивнул и снова уткнулся в бумаги. Но читать не мог. Мысли разбегались, как тараканы от света.

Серый свет, пробивающийся сквозь большие стекла, золотил ее плечи, делая их почти прозрачными. Он видел очертания ее фигуры, скрытые тканью, но от этого не менее желанные.

«*Сосредоточься*», — приказал он себе. — «*Ты здесь не для этого*».

— Что ты думаешь об убийстве? — спросил он, откладывая бумаги. Голос его прозвучал ровно, буднично, хотя внутри все кипело.

Аса медленно повернулась к нему.

Ее лицо было спокойным. Бесстрастным. Тем самым, которое он помнил по их совместной работе, когда она докладывала о результатах разведки и в ее глазах не было ничего, кроме ледяной пустоты. Но сейчас, в этом свете, в этом платье, она казалась ему другой.

«Убийца — дилетант», — ее пальцы задвигались, и Калаэн, уже умевший читать этот язык лучше, чем признавался себе, перевел без труда. — **«Удар недостаточной силы. Дислокация не вызывает мгновенной или быстрой смерти. При желании человеку еще можно было бы помочь».**

Она сделала паузу, давая ему осознать. И продолжила:

«Желай я убить сама — была бы по-другому. На ритуальное тоже не похоже. Там бьют в сердце или перерезают горло. Нож никак не мог торчать из спины».

Калаэн слушал, и внутри него, там, где дракон обычно дремал, медленно разгоралось удовлетворение. Или восхищение. Он не знал, как это назвать. Но ему нравилось смотреть на ее руки, когда она «говорила». Эти пальцы, такие точные, такие выразительные, были для него сейчас важнее любых слов.

— Это личное, — добавил он, утверждая, а не спрашивая. — Ярость или страх. Но зачем так бездарно пытались обставить под ритуальное убийство?

Аса чуть склонила голову. Жест, который он выучил одним из первых. В нем могло быть все что угодно: от «не знаю» до «посмотрим».

«Маги успели?» — спросила она.

Калаэн кивнул.

— Да. Они смогли установить время удара.

Аса ждала. Ее пальцы, лежавшие на груди, чуть заметно дрогнули.

— Мы как раз пили в твоём поместье чай, — сказал он, и уголок его губ дрогнул в легкой, едва заметной усмешке. — Так что ты точно не убивала.

Она смотрела на него. В черных глазах, в этих бездонных, непроницаемых глазах, мелькнуло что-то, чему он не мог подобрать названия. Удивление? Благодарность? Или то самое, теплое, что она так долго прятала за маской ледяного спокойствия?

— Приятно иметь дело с профессионалом, — сказал он, и в голосе его прозвучала та самая, легкая насмешка, которую он позволял себе только с ней. — Даже когда этот профессионал — мой подозреваемый.

Аса фыркнула. Беззвучно, одними уголками губ, но он увидел. И почувствовал, как внутри разливается то самое, давно забытое тепло, от которого хотелось улыбаться.

— Ты не подозреваемая, — сказал он, и голос его стал серьезным. — Ты — потерпевшая. И я здесь, чтобы помочь.

Аса смотрела на него. Долго. Очень долго. Потом она отвернулась к окну.

Калаэн отложил бумаги. Поднялся. Сделал шаг к ней. Второй. Третий.

Она не обернулась. Но он видел, как напряглись ее плечи, как чуть заметно дрогнули пальцы, сжатые на груди. Она знала, что он подошел. Чувствовала его запах, его дыхание, его присутствие. Но не оборачивалась.

Он остановился в шаге от нее. Протянул руки и осторожно, почти невесомо, положил ладони на ее плечи. Сквозь тонкую ткань платья он чувствовал тепло ее кожи, и это прикосновение обожгло его сильнее, чем любой огонь.

— Аса, — сказал он тихо. — Несмотря на то, сколько прошло лет... я все еще считаю тебя своим другом.

Она замерла. Даже дышать, кажется, перестала.

— Я сделаю все возможное, чтобы найти убийцу, — продолжил он, и голос его был ровным, но в нем звучало то, что он не мог скрыть. — И не дать ему разрушить все, что ты построила.

Она стояла неподвижно. Слишком неподвижно. Словно превратилась в камень.

А потом резко, одним движением, от которого он не ожидал, она развернулась. Калаэну пришлось отпустить ее, отступить на шаг, чтобы не столкнуться.

Ее глаза горели.

Черные, бездонные, в них плескалось что-то, чему он не мог подобрать названия. Ярость? Боль? Или та самая, давно похороненная надежда, которую она так старательно убивала в себе все эти годы?

Ее пальцы взлетели. Жесты были резкими, рубящими, почти агрессивными.

«Я хочу участвовать в расследовании».

Калаэн сжал челюсть. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел. Он знал, что она скажет это. Знал, что она не сможет сидеть сложа руки, пока кто-то роется в ее делах, угрожает ее заводам, ее семье, ее жизни.

— Нет, — сказал он.

Она замерла. Пальцы, уже готовые сложиться в следующий жест, застыли в воздухе.

— Нет? — одними губами спросила она.

— Акориан против, — пояснил Калаэн, и голос его прозвучал жестче, чем он хотел. — Официально это дело о производственном шпионаже и попытке шантажа со стороны фон Халлигана. Твое участие скомпрометирует расследование.

Она смотрела на него. В ее глазах медленно разгорался холодный, ледяной огонь. Тот самый, который он видел перед боем, перед самой опасной операцией.

«Не обязательно участвовать официально», — ее пальцы сложились в жест, и в нем было столько вызова, что у Калаэна перехватило дыхание.

— Нет, — повторил он. Тверже. Громче. — Ты можешь мне довериться.

Аса усмехнулась. Усмешка вышла кривой, горькой, и в ней не было той ледяной насмешки, которую он помнил. Было что-то другое. Боль. Или усталость. Или то и другое вместе.

Ее пальцы задвигались снова, медленнее, будто она экономила силы.

«Жизнь мне наглядно показала, что надеяться можно только на себя».

Калаэн сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Ты не доверишь мне, — сказал он. Это был не вопрос.

Аса смотрела на него. В ее глазах, в этих черных, бездонных глазах, не было ответа. Только пустота. Та самая, ледяная пустота, которая появлялась, когда она закрывалась от мира.

«Я доверяю тебе, Калаэн. Но дело не в доверии».

— А в чем?

«Я привыкла сама решать свои проблемы».

Она отвернулась. Снова посмотрела в окно, на серое небо, на дым, поднимающийся из труб, на рабочих, которые копошились внизу, не зная, что в нескольких метрах от них сегодня ночью лежало тело человека.

Калаэн стоял за ее спиной. Смотрел на ее плечи, на ее руки, на ее волосы, убранные в строгий пучок. И чувствовал, как между ними снова вырастает стена. Та самая, которую он пытался разрушить последние два месяца.

— Аса, — позвал он тихо.

Она не обернулась.

— Я не враг тебе.

Молчание.

— Я пришел помочь.

Молчание.

— Дай мне хотя бы попытаться.

Она стояла неподвижно. Только пальцы ее, лежавшие на груди, чуть заметно дрожали.

— Пожалуйста, — добавил он.

Это слово вырвалось само собой. Генералы не просят. Генералы приказывают. Но сейчас он был не генералом. Он был мужчиной, который стоял перед женщиной, которую когда-то потерял, и боялся, что потеряет снова.

Аса медленно повернулась.

Посмотрела на него. В ее глазах, в этих черных, бездонных глазах, плескалось что-то, чему он не мог подобрать названия.

«**Ты не изменился**», — сказали ее пальцы. Медленно. Почти неохотно.

— Это плохо? — спросил он.

Она чуть склонила голову. Жест, который мог означать что угодно.

«**Не знаю**».

Калаэн выдохнул. Длинно, шумно, чувствуя, как напряжение, копившееся внутри, понемногу отпускает.

— Тогда позволь мне попытаться. А если я не справлюсь... ты всегда сможешь сделать это сама.

Аса смотрела на него. Долго. Очень долго.

Потом кивнула. Один раз. Коротко.

И снова отвернулась к окну.

Калаэн не стал настаивать. Он вернулся к столу, сел в кресло, взял в руки очередной отчет. Сделал вид, что читает.

В кабинете снова стало тихо. Только часы тикали в углу, отмеряя минуты до прихода Карвина.

Он не смотрел на нее. Но знал, что она все еще стоит у окна. И чувствовал, как время замедляется.

Тридцать минут до прихода Карвина.

Тысяча восьмьсот секунд.

Он считал их.

И знал, что запомнит каждую.

* * *

Ровно в одиннадцать в дверь постучали. Коротко, сухо, как отбивают ритм на плацу. Калаэн, отложив очередной отчет, поднял голову и встретился взглядом с Асой. Она чуть заметно кивнула, что можно впустить.

— Войдите, — голос генерала прозвучал ровно, с привычными командными нотками.

Дверь открылась, и в кабинет шагнул мужчина.

Ничем не примечательный. Лет сорока — сорока пяти, среднего роста, среднего телосложения, с лицом, которое забываешь через секунду после того, как отвел взгляд. Темные волосы, коротко стриженные, с ранней проседью на висках. Обычный серый сюртук, недорогой, но опрятный. Никаких украшений, никаких деталей, которые могли бы выдать в нём человека, способного руководить службой безопасности крупного завода.

Калаэн смотрел на него и думал: *«Идеальный шпион. Никто не запомнит, никто не опишет»*.

— Ваша светлость, — Карвин поклонился сначала Асе, потом, чуть задержавшись, генералу. — Господин генерал.

Его голос был ровным, без эмоций, без той подбострастной нотки, которая обычно появляется у простых людей при разговоре с высокопоставленными особами.

Аса жестом указала на кресло напротив стола. Карвин сел, положил на колени кожаную папку, которую держал в руках, и замер в ожидании вопросов.

Калаэн смотрел на него и не мог отделаться от странного, неприятного ощущения. В этом человеке было что-то... не то. Слишком правильное лицо, слишком спокойный взгляд,

слишком ровное дыхание. *«Идеальный подчинённый. Таких любят начальники. И таких никто не замечает, пока они не совершат ошибку».*

— Господин Карвин, — Калаэн откинулся на спинку кресла, принимая самую, расслабленно-внимательную позу, которую использовал на допросах военнопленных, когда хотел усыпить бдительность собеседника. — Расскажите, как лорд фон Халлиган мог попасть на территорию завода.

Карвин выдержал короткую паузу. Потом открыл папку, достал оттуда несколько листов, испещрённых схемами и пометками, разложил их на столе.

— Ваша светлость, господин генерал, — начал он, и голос его был ровным, почти монотонным, — на заводе работает триста сорок семь человек. Рабочие, мастера, учётчики, уборщицы, повара, охрана. Плюс сезонные — ещё около пятидесяти. Все они проходят проверку при найме. Но...

Он сделал паузу, подбирая слова.

— ...человек уровня фон Халлигана мог запросто воспользоваться личностью собственного слуги. Или купить готовую биографию у тех, кто этим промышляет. Документы у нас проверяют, но идеальную подделку отличить невозможно. Если у фальшивомонетчика достаточно средств и навыков.

Калаэн кивнул, принимая информацию.

— То есть вы допускаете, что он устроился на завод под видом рабочего?

— Это наиболее вероятный сценарий, — Карвин перевернул лист, показывая схему пусковой системы. — Мы проверяем людей, прежде чем внести их след в магическую вязь, но не можем проверять их каждый день. Человек приходит, получает пропуск, работает неделю, две, месяц. А потом, когда его лицо становится привычным для охраны, он может проникнуть в цех, куда ему не положено. Или вынести то, что не положено.

Аса слушала, не перебивая. Её пальцы, лежавшие на столе, чуть заметно постукивали по полированной поверхности. Калаэн знал этот жест. Она была не согласна. Или что-то её беспокоило. Но она молчала, давая ему вести допрос.

— А просто так пройти? — спросил Калаэн. — Без пропуска, без поддельной легенды?

Карвин покачал головой.

— Маловероятно, господин генерал. Охрана у нас, конечно, не армейская, но достаточно бдительная. Ворота закрыты, периметр патрулируется. Магические сигнализации настроены на чужаков. Если бы фон Халлиган попытался проникнуть на территорию без документов, его бы засекли.

— Но бреши возможны? — Калаэн подался вперёд, впиваясь взглядом в лицо Карвина. — Вы же не будете утверждать, что ваша система идеальна?

Карвин выдержал его взгляд. Спокойно, без вызова, без страха.

— Ни одна система не идеальна, господин генерал. Сотрудников немало, магия быстро истончается, а поддерживать её в постоянном режиме невозможно. Ни у одного мага резерва на это не хватит. Поэтому мы используем статичные заклятия. Но если знать, где они расположены и как их обойти...

Он развёл руками. Жест был красноречивее любых слов.

— Вы допускаете, что у фон Халлигана был сообщник? — спросил Калаэн.

— Допускаю, — кивнул Карвин. — Но не могу утверждать. У нас нет доказательств.

Калаэн откинулся на спинку кресла, постучал пальцами по подлокотнику. Короткий, отрывистый ритм, который он сам не осознавал.

— Следующий вопрос, господин Карвин. — Его голос стал жёстче, хотя он не повышал тона. — Почему от тела не избавились? Вы в курсе, что это было убийство, я видел вашу магическую клятву. Почему его оставили там, на алтаре? Мне интересно ваше мнение.

Карвин молчал несколько долгих секунд. Смотрел на свои руки, лежавшие на папке. Потом поднял взгляд на генерала, и в его глазах, в этих серых, ничего не выражающих глазах, мелькнуло что-то, очень похожее на растерянность.

— Понятия не имею, господин генерал, — сказал он. — Это... нелогично. Если бы убийца хотел замести следы, он бы вывез тело за пределы завода. Или спрятал. Или уничтожил. А он оставил его в цеху, да ещё и обставил как ритуальное убийство.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Единственное объяснение, которое приходит мне в голову... убийца хотел, чтобы тело нашли. Хотел, чтобы связали с заводом. Хотел, чтобы подозрение пало на герцогиню.

— Вы думаете, это заказ? — спросил Калаэн.

— Думаю, это возможно, — осторожно ответил Карвин.

Аса, молчавшая до этого, пошевелилась в кресле. Её пальцы взлетели, и Калаэн, уже привыкший читать её жесты, перевёл взгляд с Карвина на неё.

«Третий защитный круг», — её руки выбили слова в воздухе, чётко, рубяще. — «Он не даёт ничего проносить с завода, если нет специальной метки».

Калаэн нахмурился, не понимая, к чему она клонит.

— Поясни, — сказал он.

Аса взяла лист бумаги, лежавший на столе, и быстрыми, уверенными движениями начала рисовать. Схема завода, которую Калаэн уже видел. Только теперь она добавила третий круг — пунктирную линию, опоясывающую цеха.

«На живое тело метку не поставить», — её пальцы продолжали «говорить», когда рука закончила рисовать. — «В нашем случае на мертвое».

Калаэн смотрел на схему, и картина, которая складывалась в его голове, была страшнее любого боя.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил он, — что убийца не мог вынести тело за пределы завода, потому что оно бы активировало сигнализацию?

Аса кивнула. Один раз. Коротко.

— А если бы он попытался вывезти его через ворота... — продолжил Калаэн, и мысль, холодная и острая, вонзилась в сознание.

«Охрана бы засекла», — подтвердила Аса. — «Так просто целое тело мимо постов не пронести».

Карвин, слушавший их, кивнул.

— Герцогиня права, господин генерал. Это... одна из ее собственных разработок. Чтобы рабочие не могли выносить готовую продукцию в карманах. Сигнализация реагирует на любые материалы, не прошедшие специальную обработку. Но на живую плоть метку поставить нельзя. Да нам и не нужно, у нас не органическое производство.

Калаэн перевёл взгляд с него на Асу.

— То есть убийца оказался в ловушке?

— Выходит, что так, — подтвердил Карвин. — Он убил фон Халлигана в цеху, а вынести тело не смог. Сигнализация бы его выдала. Оставить тело в цеху и уйти — тоже риск, но меньший. Ночью охрана редко заходит в цеха. Тело могли не найти до утра, а за это время убийца мог бы придумать, как его вывезти.

— Но его нашли раньше, — заметил Калаэн. — Герцогиня обходила завод ночью. Случайно.

Аса чуть заметно пожала плечами. Жест, который мог означать что угодно. От «да, случайно» до «никто не должен знать, почему я там была».

Калаэн смотрел на неё, на Карвина, на схему, расчерченную на листе. И чувствовал, как внутри, там, где дракон обычно дремал, медленно разгорается холодный, расчётливый огонь.

— Господин Карвин, — сказал он, и голос его зазвенел сталью, — у вас есть список сотрудников, которые были на заводе в ночь убийства?

— Так точно, господин генерал, — Карвин достал из папки ещё один лист и протянул его Калаэну. — Тридцать два человека. Охрана, уборщицы, два мастера, задержавшихся после смены, и сторож, который нашёл тело. Вернее, которого вызвала герцогиня.

Калаэн пробежал глазами список. Имена, фамилии, должности, время прихода и ухода. Всё аккуратно, всё подшито, с пометками на полях.

— Вы проверили их?

— Визуально, — кивнул Карвин. — Никто не выглядел встревоженным. Никто не пытался сбежать. Но допрашивать их без вашего разрешения я не стал, чтобы не нарушить секретность.

— Правильно сделали, — Калаэн отложил список. — Я сам с ними поговорю. Позже. Когда подготовлю вопросы.

Карвин кивнул и снова замер в кресле, ожидая дальнейших указаний.

Калаэн смотрел на него и думал. *«Слишком правильный. Слишком спокойный. Слишком... идеальный для своего места. Начальник службы безопасности на заводе, где произошло убийство, а он ведёт себя так, будто речь идёт о бракованной партии сабель».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.